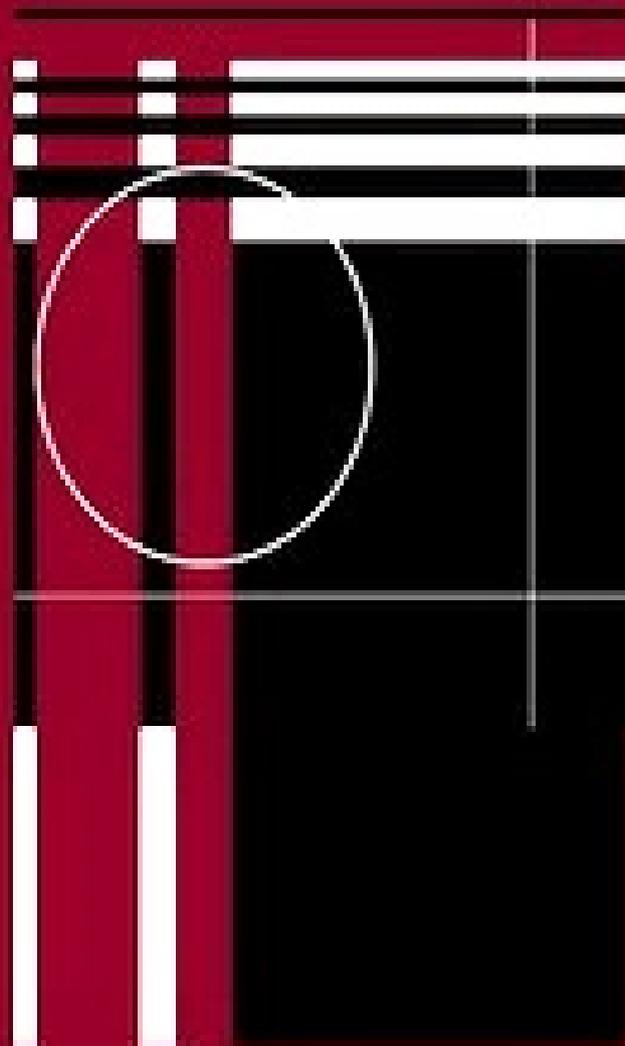

Д. Е. Фурман

ПУБЛИЦИСТИКА «НУЛЕВЫХ»

статьи 2001 — 2011 гг.

Дмитрий Фурман

ПУБЛИЦИСТИКА «НУЛЕВЫХ»

ЛЕТНИЙ САД

Москва
2011

УДК 323.22/.28
ББК 66.2 (2Рос)
Ф95

Дмитрий Фурман. Публицистика «нулевых» / Предисл.
П. Палажченко. – М.: Летний сад, 2011. – 512 с.

ISBN 978-5-98856-126-2

Чтение статей Д.Фурмана – хорошая возможность познакомиться с современной, критичной и самокритичной, принципиально открытой манерой мышления. Будучи сторонником демократических ценностей и видя будущее России демократическим, в оценке постсоветского периода Фурман, тем не менее, расходится с большинством публицистов либерального направления. Для него последние десять лет – органическое продолжение ельцинской эпохи, ее неизбежный промежуточный итог.

Вошедшие в сборник статьи, публиковавшиеся в «Новой газете», «Независимой газете», «Общей газете», «Московских новостях», «Известиях», «Коммерсанте», журналах «Профиль», «Огонек», «Большая политика», представляют собой попытку осмыслить узловые, наиболее острые проблемы политической и общественной жизни нашей страны в первом десятилетии XXI века.

фото Артема Фурмана

ББК 66.2 (2Рос)

ISBN 978-5-98856-126-2

© Дмитрий Фурман, 2011

© Павел Палажченко,
предисловие, 2011

© ООО «Издательство
«Летний сад», 2011

Еще десять лет

Статьи Дмитрия Фурмана, собранные в этой книге, охватывают период с 2000 года (его публицистические статьи 1990-х годов вошли в книгу «Наши десять лет¹»). Эти годы – период «закрепления итогов» предыдущего десятилетия. Именно так воспринимает их автор, отношение которого к сложившейся в 1990-е годы «российской системе» — резко критическое. Но его голос не вписывается в хор критикующих это десятилетие справа и слева. Он и в прежние годы не входил ни в какие команды или даже направления нашей политической публицистики, и со временем расхождение лишь усиливалось.

Как это ни парадоксально, но, будучи сторонником демократических ценностей и видя будущее России демократическим, в оценке постсоветского периода Фурман стоит ближе к «левопатриотическим» политикам и публицистам. Как и для них, для него последние десять лет – органическое продолжение ельцинской эпохи, ее неизбежный промежуточный итог. Но в остальном Фурман и наши левые (именно наши, потому что к европейским левым он относится хорошо, как и к правым) друг для друга – чужие, и общей почвы в будущем у них нет.

Но и «демократы» — не совсем свои, а скорее Фурман для них не свой уже с начала девяностых. Их оценки белевезских соглашений, разгона и расстрела парламента в 1993 году, выборов 1996 года, передачи власти от Ельцина Путину – противоположны. И, как мне кажется, их

---

¹ Фурман Д. Е. Наши десять лет: Политический процесс в России с 1991 по 2001 годы. – М. – СПб.: Летний сад, 2001.

психологическое состояние в путинскую эпоху тоже очень разное.

Начало этой эпохи для демократов ельцинского призыва – время пусть осторожных, но надежд. Отодвинут Примаков, ставший для них чуть ли не «призраком коммунизма», улучшение внешнеэкономической конъюнктуры создает условия для реформ, и в этом плане Путин настроен вроде бы правильно, поэтому его спецслужбистским прошлым можно пренебречь. Однако переворот на НТВ и установление контроля над электронными СМИ, вторая чеченская война, и еще больше – некоторые символические жесты Путина типа восстановления музыки советского гимна и, наконец, решающим образом, арест Ходорковского меняют картину, воспринимаются значительной частью думающей русской публики трагически, как реакционный поворот и «измена идеалам».

Ждавшие от нового столетия «продолжения развития России по демократическому пути» верили в магическую силу рынка, который «все расставит на свои места», верили в Ельцина (все-таки Путина назначил он), верили в то, что худшее (дефолт 1998 года) уже позади, и бог знает во что еще они верили, а скорее просто надеялись. Фурман ничего хорошего от послеельцинского времени не ожидал, как раньше не ожидал от ельцинского (ожидал даже несколько худшего). События, описываемые в этой книге, подтвердили логику его анализа и опровергли иллюзии его оппонентов (в основном предполагаемых, потому что спорить с Фурманом в открытой печатной полемике мало кто решается – слишком велика разница в интеллектуальных весовых категориях).

Как всякий период относительного застоя это десятилетие было не очень богато по-настоящему значительными

событиями. А мелкие события и вытесненные из политики личности быстро стираются в памяти, и сегодня вряд ли многие помнят детали, скажем, исчезновения и внезапного появления в Киеве Ивана Рыбкина, да и самого Рыбкина, человека не последнего в реальной политике 90-х годов и, по-моему, неплохого, уже подзабыли, а Николая Аксененко, о котором когда-то всерьез говорили как о возможном преемнике Ельцина, забыли напрочь. В статьях Фурмана, откликавшихся на политическую хронику нашего времени, все эти детали оживают и, как правило, работают на историческую концепцию автора.

В самом общем виде суть этой концепции состоит в том, что ни российская власть, ни общество и его самая активная часть – интеллигенция, ни то, что у нас принято называть народом, оказались не готовы к демократии как образу жизни и мышления, и все они, каждый по-своему, способствовали возникновению системы, камуфлирующей этот факт и во многом воспроизводящей модели прежней эпохи. Наша неготовность к демократии объясняется рядом причин исторического и культурного характера, и ничего особенно оригинального в ней нет. С какими-то вариациями и нюансами этот путь проходят и мучаются на нем десятки других народов, а некоторые уже его прошли и «худобедно» адаптировались к современной эпохе — лучше или хуже, живя богаче или беднее, но в рамках той нормы, которой мы еще не обрели. И не скоро обретем, если будем повторять ошибки, совершенные и давно, и сравнительно недавно, на рубеже 80-х – 90-х годов.

Писать об этом, объяснять это – нелегко, потому что говорить правду далеко не всегда «легко и приятно». Нам неприятно слышать, что с созданием нормального совре-

менного общества у нас не получилось во многом по нашей собственной вине (проще винить наших вождей или, еще проще, внешние силы), а еще неприятнее – что мы не уникальны, что происходящие у нас процессы можно понять умом, и в том числе понять, почему в освоении демократических принципов и институтов мы отстаем – ладно там от Запада или даже от Болгарии с Румынией, но и от Турции, Монголии или Индонезии. Это воспринимается болезненно, и чтобы на говорящего такие вещи не обижались, надо обладать каким-то особым языком (но это очень трудно) или, по крайней мере, убедительной логикой. Именно она и является главным оружием Фурмана.

Будучи профессиональным историком, старающимся в своих работах отделить важное от незначительного и закономерное от случайного, разобраться в том, что для разных стран является общим, а что уникальным, Дмитрий Фурман прибегает в основном к той же методологии и в своем анализе нашего времени. Поэтому его анализ может показаться беспристрастным, и во всяком случае в нем нет того обличительного, порой на грани приличий «переходящего на личности» пафоса, которым пронизаны статьи многих его коллег. Это особенно относится к личности Владимира Путина.

Наиболее яростные критики Путина самим своим гипертрофированным вниманием к этой фигуре признают его ключевое, центральное место на российской политической сцене на протяжении последних лет. Не отрицает его значения и Фурман. Но то ожесточение, которое испытывают к Путину многие пишущие о нем, кажется ему не просто чрезмерным, но и не вполне заслуженным. Путин оказался на своем месте случайно и, по мнению Фурмана, делал на нем примерно то же самое, что делали бы другие реальные

кандидаты в преемники Ельцина. Кажется, специфические черты Путина, связанные с избранной им в юности профессией, поначалу недооцениваются Фурманом, и, пожалуй, они действительно больше влияют на кадровые решения и «стилистику», чем на основной вектор движения. На этом пути Путин делает то, что он не может не делать (в том числе делает много плохого), ибо иначе – нестабильность, непредсказуемость, развал. (Мне кажется, что страх перед нестабильностью, приравнивание ее к развалу, стремление к «порядку» – очень «народная» черта в характере Путина, и люди это почувствовали почти сразу и многие его полюбили в том числе и за это).

Но если человек делает то, что от него ожидаешь, и чего он не может не делать, то никакого накала страстей в отношении к нему быть не может, и Фурман пишет о Путине в неизменно спокойной тональности. И наоборот, те, кто считает, что Путин «разочаровал» и «подвел», не могут не осуждать его с предельной горячностью и ожесточением. Эти эмоции накрывают их оценки всех действий Путина. И очень серьезной точкой расхождений между Фурманом и большинством публицистов демократического направления является отношение к решению Путина не баллотироваться в 2008 году на третий президентский срок.

Для Фурмана это неочевидное и подлежащее объяснению решение. Путин легко мог организовать всенародный призыв к третьему президентству (ради все той же стабильности) и продлевать свои полномочия, как говорится, до упора (конечно, момент этого «упора» ни он, ни кто-либо другой предсказать не могли бы, как не могли это сделать Бен Али и Мубарак). То, что он этого не сделал, Фурман объясняет нежеланием Путина становиться в один ряд с азиат-

скими президентами типа Назарбаева и Каримова (все-таки «мы – европейцы»). И, по мнению его оппонентов, переоценивает значение этого шага, тем более что в итоге получился не уход, а в лучшем случае «полууход» Путина, ставшего премьер-министром, влияние которого огромно, хотя конституция в России – президентская (видимо, и на нынешнем витке спирали конституция у нас мало что значит).

И все же Фурман считает, что с момента назначения Медведева преемником дальнейшее развитие России стало менее предсказуемым, в то время как для его оппонентов, которые среди демократически настроенной интеллигенции составляют большинство, в принципе ничего не изменилось и вообще третье президентство Путина – вопрос предreshенный. Кто прав в этом споре – рассудит время.

Так или иначе, России предстоит совершить новую попытку перехода к реальной, неимитационной демократии. Как и предыдущие, эта попытка будет вызвана сложным сочетанием факторов, среди которых некоторую роль сыграет влияние Запада. Следовательно, вопрос об отношениях России с Западом – не чисто внешнеполитический, и в этом ракурсе он интересует Д.Фурмана.

Автор считает, что по-настоящему близкие, органичные отношения могут существовать лишь между ценностно близкими государствами, в то время как между государствами, не разделяющими определенный набор демократических ценностей и не реализующими их в своей внутренней политике, таких отношений быть не может. Крайним проявлением конфликтности, неизбежно возникающей между «идейно чуждыми» друг другу странами, была холодная война. И хотя она прерывалась периодами разрядки и даже вынужденного союзничества, возвращение к ней было за-

кономерно, а сейчас, по мнению Фурмана, закономерно состояние между Россией и Западом какой-то модифицированной формы холодной войны.

Этому вполне логичному построению, на первый взгляд, противоречат многочисленные факты последнего десятилетия, когда Запад, несмотря на все вольные или невольные провокации с нашей стороны, упорно избегал конфронтации с Россией. Фурман объясняет это тем, что внешнюю политику невозможно строить лишь на идеологии и ценностях, что приходится учитывать и ряд других факторов, обычно объединяемых понятием реальной политики. Запад не хочет повторения холодной войны, он не видит в сегодняшней России влиятельных демократических сил и боится слишком активным «продвижением демократии» спровоцировать обратный результат, а заодно лишиться поддержки или хотя бы нейтральной позиции России в важных для него вопросах (Афганистан, Иран, борьба с терроризмом, нераспространение ядерного оружия и другие).

Как мне кажется, решение «коллективного Запада» (и прежде всего США) добиваться, в условиях продолжающегося дрейфа России в противоположную демократии сторону, перезагрузки, т.е. улучшения отношений с ней, было обусловлено еще одним фактором. Так же, как в начале века Запад, подобно российским демократам, хотел «дать фору» Путину, на этот раз он решил «помочь Медведеву», усматривая между двумя участниками тандема существенные различия. И если и на этот раз его ждет разочарование, то обострение или, по крайней мере охлаждение отношений с Россией вполне возможно, хотя метафора холодной войны все-таки не кажется мне в данном случае подходящей. В конце концов, отношения Запада с режимами однотипными

российскому, с Китаем – это не холодная война. Хотя (с Китаем) – и не партнерство, к которому призывают «главные теоретики» реальной политики Киссинджер и Бжезинский.

После событий в Северной Африке споры между «реалистами» и «идеалистами» во внешнеполитическом истеблишменте Запада, особенно в США, будут обостряться и вполне вероятно, что маятник качнется в сторону идеалистов. Но призывающие к этому (и конкретно – к ужесточению политики Запада в отношении России) российские демократические публицисты должны, мне кажется, понимать, что и в этом случае реальное влияние Запада будет проявляться скорее в силе примера, чем в неких внешнеполитических акциях. Брать планку демократии нам придется самим, и успех не гарантирован.

В своих научных исследованиях Дмитрий Фурман описывает опыт стран, не раз совершавших попытки прорыва к демократии и терпевших неудачу. Предсказать, когда придет успех, невозможно, и, наблюдая за событиями в той или иной стране, мы оказываемся в положении футбольного болельщика, который желает любимой команде победы и следит за счетом: он все время меняется, и, скажем, у Украины, Грузии, Молдавии, Боливии, Туниса, Египта и т.п. он разный. Каковы шансы России?

Мне кажется, что наши шансы будут зависеть от того, как мы проведем нынешний период относительного политического застоя. Он может оказаться более или менее длительным, но когда-то он закончится. И если вместо того, чтобы предаваться аморфно-негативным настроениям и скандировать уже известное, мы будем думать, «модернизировать» наше мышление, пытаться понять, почему не удалась предыдущие попытки перехода России к демократии и

как не сорвать следующую попытку, то это время не будет потерянным.

Начало прошлого века было эпохой «больших идеологий». В 1917 году Россия сделала выбор из «имеющихся в наличии» западных идеологий, и вряд ли этот выбор мог быть иным. Марксистско-ленинская идеология, застывшая и огражденная от современных влияний, оказалась нежизнеспособной, а когда она умерла, время больших идеологий уже ушло. В умах нашей интеллигенции на смену умершей идеологии пришла эклектическая каша из разнородных, часто противоречащих друг другу фрагментов на фоне полного отсутствия у подавляющего большинства людей, в том числе демократически настроенных, демократического или хотя бы «преддемократического» менталитета. К тому же мы очень плохо знали свою страну (и Запад, к которому мы обращали свои взоры, тоже практически не знали, что не удивительно). В результате ухватились за обрывки «имевшихся в наличии» западных идей и стали претворять их в жизнь со свойственным нам максимализмом: средний постсоветский экономист начала 90-х годов прошлого века (и повторявшие его тезисы читатели журнала «Огонек») стоял далеко правее Маргарет Тэтчер.

В одной из своих статей 1990-х годов с характерным названием «Перевернутый истмат» Дмитрий Фурман писал о «марксистско-ленинских» корнях популярной в начале того десятилетия идеи о том, что «рынок все расставит на свои места». Она завоевала умы людей так быстро и господствовала в них так безраздельно потому, что наш максимализм сочетается с интеллектуальной ленью, неготовностью воспринимать противоречащие нашим настроениям и последней «интеллектуальной» моде факты. Хотелось бы оши-

биться, но кажется, что в этом отношении в последние годы мало что изменилось.

Чтение статей Д.Фурмана – хорошая возможность познакомиться с иной, современной, критичной и самокритичной, принципиально открытой манерой мышления. Она понадобится нам не только для того, чтобы понять прошлое и настоящее, но и – что гораздо важнее – чтобы потом, уже в других условиях, искать решения проблем, которые проявляются уже сегодня, но будут лишь обостряться при нашем движении к нормальному обществу. Из-за страха перед этими проблемами – иногда осознанного и открыто декларируемого, но чаще подспудного – мы боимся перемен и сравнительно легко смирились с крахом надежд двадцатилетней давности. Сейчас у нас меньше надежд, снова в моде разговоры о том, что «будет только хуже», и если мы не хотим, чтобы эти слова стали самосбывающимся пророчеством, надо начинать осваивать то «новое мышление», которое будет способно породить новые, более трезвые и разумные надежды и со временем реализовать их.

П. Палажченко

2001

НАПЕРЕГОНКИ С АПОКАЛИПСИСОМ

Теракты в США – как первый острый приступ болезни, которая давно развивалась в организме, даже ощущалась, как некоторое общее недомогание, но не осознавалась, не допускалась в сознание. Человек был занят разными важными делами и от недомоганий отмахивался. Теперь болезнь перешла тот порог, за которым отмахнуться от нее уже нельзя. Громадные разрушительные возможности террористических групп – лишь одно из проявлений нашей «техногенной хрупкости». В конце концов, людям не так уж важно, приходит ли к ним смерть от рук фанатика или от рук прекрасного человека, оператора чего-нибудь типа АЭС, который просто «зазевался» и совершил роковую ошибку, приведшую к новому Чернобылю. С «Курском» тоже кто-то «зазевался», в результате чего не только погибли моряки, но и ни в чем не повинная Норвегия в страхе следит за измерениями радиации в Баренцевом море. Не только терроризм все страшнее и все менее скован национальными границами, но и другого рода преступления и даже просто ошибки также все страшнее и их последствия все безграничнее.

Как более или менее ясно, в чем болезнь, так более или менее ясно и то, где искать врачей и лекарства. От техники мы не откажемся, «глобализацию» не остано-

вим. Есть только один путь – искать средства спасения в том же, что является источником опасностей – в той же технике и той же «глобализации». Новым техногенным опасностям можно противопоставить только совершенствование техник безопасности. А все большей «глобализации» опасностей – только «глобализацию» борьбы с ними. Всемирной террористической угрозе может противостоять только «всемирная спецслужба», так же не знающая границ, как не знают их террористы, которая формируется на наших глазах и уже приступила к своей первой глобальной «спецоперации». Но совершенно очевидно, что эффективность подобных спецопераций и спецслужб ограничена.

Очаги терроризма могут возникать вновь и вновь. Пока Ельцин не начал наводить «конституционный порядок» в Чечне, не было чеченского терроризма. В Афганистане все было тихо, пока не свергли короля и затем мы не ввели туда наш «ограниченный контингент». И в конечном счете бессмысленно уничтожать существующие сейчас террористические сети и одновременно допускать, чтобы руководящиеся зачастую предельно узкими и своекорыстными мотивами власти национальных государств создавали новые очаги терроризма, откуда потом он будет распространяться по всему миру. Если борьба с терроризмом должна быть делом всего «цивилизованного человечества», то и предотвращение «терророгенных ситуаций» типа

чеченской или палестинской тоже должна быть делом всего «цивилизованного человечества», хотя отнюдь не «всемирной спецслужбы». Кроме того, хрупкость нашего мира проявляется не только в опасностях терроризма. Борьба с возможностью таких катастроф, как чернобыльская, катастрофа «Курска», периодические разливы танкеров, также должна быть интернациональной, как интернациональны угрозы от них, но опять-таки делом не спецслужбы, а других всемирных «ведомств».

Ясно, таким образом, что ответом на все более глобальные угрозы нашему все более единому и хрупкому миру может быть лишь создание целостной системы всемирной власти, в конечном счете – единое мировое государство. Это – четко обозначившаяся «повестка дня» XXI века. Процесс его становления уже идет. Трибуналы по Югославии и Руанде, аресты Лазаренко, Пиночета и Бородина, разные «инспекции» ООН, ОБСЕ и Совета Европы, операция НАТО в Косове и многое другое – его многочисленные и разнородные проявления. Но теракты в Вашингтоне и Нью-Йорке станут его мощным катализатором. Самый страшный удар террористы нанесли не по США. Наоборот, роль США как лидера борьбы с мировым терроризмом сейчас, очевидно, даже возрастет. Они нанесли его по принципу невмешательства во внутренние дела и государственного суверенитета. Сейчас даже мы, так

болезненно воспринявшие акции НАТО в бывшей Югославии, не возражаем против акций в «суверенном Афганистане» и «вмешательства» в его «внутренние дела».

Создание единой мировой системы власти сейчас ускорится. Но все равно это будет длительный и мучительный, сталкивающийся с колоссальным и разнородным сопротивлением процесс «нащупывания» принципиально новых форм правопорядка и организации (ясно, что мировое государство не будет просто национальным государством во всемирном масштабе с каким-нибудь «председателем земного шара» во главе). Но, наверное, самая главная трудность на этом пути – в том, что, встав на него, «цивилизованное человечество» неизбежно оказывается в крайне сложной и противоречивой ценностной и моральной ситуации.

В конечном счете, этот процесс должен привести к возникновению всемирного демократического общества, где будет осуществлен принцип «один человек – один голос». Только такое общество соответствует нашим ценностям, и только такое общество может дать действительно устойчивый порядок. Но хотя конечная цель может быть только такой, процесс создания всемирного государства предполагает элементы патернализма и диктата, навязывания либеральным меньшинством тех норм, без соблюдения которых погибнут все. Цивилизованный мир неизбежно должен

выступать сейчас в авторитарной роли полицейского, учителя, «цивилизатора». Иного пути просто нет, и мы видим, что сейчас «цивилизованные» страны во главе с США принимают решения о будущем Афганистана, в лучшем случае советуясь с отдельными «цивилизованными» афганцами. Но при этом очень просто и ни на минуту нельзя забыть о том, что «ценность» личности одного афганца – та же, что и одного американца или англичанина, и что, в конечном счете, этот принцип обязательно должен найти и правовое выражение. «Цивилизованное» человечество вступило на путь, на котором ему придется соединять несоединимое, идти против собственных принципов, не отрекаясь от них и не забывая о них. Это – путь, на котором очень легко «увлечься» ситуацией своего лидерства и диктата и поддаться естественному стремлению ее закрепить, очень легко «перепутать» задачи выживания человечества с собственной выгодой, спасение мировой цивилизации со спасением «Дженерал моторс», действительно общечеловеческие ценности со своими предрассудками и привычками. Путь, требующий колоссальной выдержки, интеллектуальной честности, труднодостижимого сочетания готовности взять на себя ответственность и сознания собственной ограниченности. Трудный и длительный путь, который займет весь так страшно начавшийся век. Но другого просто нет, и мы уже встали на него и не идти по нему

не можем, ибо альтернатива построению всемирного порядка и всемирной власти только одна – апокалипсис, репетицию которого мы могли видеть по телевидению.

Общая газета. 4 – 10.10.2001

РАСПАД ПУБЛИЧНОЙ ПОЛИТИКИ

Из открытой, публичной политической жизни исчезают борьба и события. «Безальтернативность» быстро распространяется сверху, от президентской власти, на все сферы публичной политики. Не может быть длительного сосуществования безальтернативного президента и нормального, «альтернативного» парламента. Безальтернативный президент обязательно должен в конце концов породить соответствующий парламент с безальтернативными голосованиями. Верхняя палата уже практически достигла этого «советского» состояния. В следующем составе Государственная Дума, скорее всего, ее догонит, или, во всяком случае, к ней приблизится. На губернаторских выборах постепенно единственным вопросом становится, кого определит в победители и кого просто не допустит до выборов верховная власть, сами же выборы становятся так же безальтернативными, как президентские, и так же перестают быть событиями. Но ясно, что у губернатора — те же отношения с подчиненной ему областью, что и у назначившего его президента со страной в целом. Безальтернативность сверху опускается до уровня сельсовета.

При этом действия власти нельзя объяснить просто стремлением обезопасить себя, расставив своих людей на нужные места. С точки зрения простого самосохранения они часто явно «избыточны». Как и ее предше-

ственница, теперешняя власть стремится не просто обезопасить себя от реальных угроз (их сейчас просто нет). Она стремится исключить даже отдаленную возможность таких угроз, устранив «событийность», спонтанность любого публичного акта, добиваясь полной, идеальной предсказуемости и контролируемости.

В этом отношении интересно недавнее избрание нового главы Совета Федерации. Интересен не столько сам факт, сколько то, как это избрание совершилось. Строева не просто заменяют Мироновым. Его отстраняют «по собственному желанию», заставив произнести все необходимые фразы и самому рекомендовать назначенного ему преемника, и за все это дают орден — точно так же, как при советской власти поступали с отправляемыми в отставку дисциплинированными руководителями второго эшелона. А его преемника выбирают «советским» большинством. (Я думаю, что двух диссидентов, голосовавших против, «вычислили» и поставили «на заметку»). Власти, таким образом, нужно не просто избрание преданного человека — ей нужно, чтобы голосование было на 100% предсказуемым, чтобы не было даже намека на возможность иного исхода и чтобы эта смена представляла как естественный, рутинный и совершенно «безальтернативный» акт.

Очевидно, этим же стремлением следует объяснять и предваряющие выборы в Московскую городскую думу распределение мест между партиями (в чем мно-

гие видят модель будущих выборов в Государственную Думу). Ясно, что никакой угрозы для власти от городской думы, выбранной альтернативно и «непредсказуемо», не было бы – не было же ее от предыдущей. Но здесь действует то же стремление уничтожить всякую «самодеятельность», превратить любое событие в ритуал, где все заранее определено.

Поэтому и объединительный съезд «Единства» и «Отечества» проходит в настолько «рабочей» обстановке, что заставляет думать, что на следующих съездах вообще ничего происходить не будет. Если у большевиков реальная публичная борьба была изжита окончательно примерно через 10 лет после их прихода к власти, то в будущей правящей партии ее и изживать не нужно – ее нет изначально, нет в проекте.

Все, что как-то самостоятельно, спонтанно, вызывает именно поэтому некоторую тревогу – независимо от того, есть здесь какая-то реальная опасность или нет, как тревогу у советской власти могли вызывать такие явления, как распространение абстрактной живописи или спектакли «Театра на Таганке». Никакой опасности для власти от нашего «гражданского общества» нет и не предвидится. И все-таки – это какое-то бесконтрольное копошение, возникновение каких-то непонятных движений и организаций, из которых (чисто теоретически) когда-то может возникнуть некая опасность, и которые не вписываются в идеал всеобщей упорядоченности. Поэтому проводится их

смотр — Гражданский форум, знаменующий начало «формализации», «упорядочивания» этой сферы. Нет никакой видимой и реальной опасности и от ТВ6. Но ТВ6 — не подконтрольна и если ты стремишься изгнать бесконтрольность, спонтанность из сферы публичной политики, ты должен изгнать ее и из сферы публичного обсуждения политики.

Происходит тот же процесс, который виден при последовательном чтении стенограмм коммунистических съездов и конференций — от читающихся как драмы стенограмм конца 10-х — начала 20-х годов до стенограмм поздних съездов, которые нормальный человек прочесть просто не может. Но, как и при советской власти, исчезновение политических событий из публичной сферы не означает их исчезновения вообще. Борьбу за власть уничтожить нельзя. Меняются лишь ее формы. Из борьбы за любовь масс она превращается в борьбу за любовь правителя и из открытой сферы перемещается в тайную.

Публичные политические события революционных эпох (конца 10-х — начала 20-х и конца 80-х — начала 90-х) как бы раздваиваются в ходе дальнейшей эволюции на публичные, но не события (ритуальные «анти-события») и события, но не публичные. Публичные события становятся интересны не своим номинальным содержанием, а теми маленькими сбоями, отступлениями от ритуала, в которых наблюдатели пытаются увидеть отражение закулисной реальности — вроде

речи Ельцина, где он особо благодарит президентскую администрацию, из чего делается вывод, что эта администрация – под ударом питерских чекистов. Никто толком ничего не знает, но ясно, что истинная жизнь прячется и настоящая борьба идет в этой, все более непроницаемой сфере взаимоотношений Путина и интригующих, подсиживающих друг друга старых и новых придворных.

Процесс ликвидации непредсказуемости еще не завершен и у власти впереди еще непочатый край дел. (Поэтому, между прочим, о застое сейчас заговорили, по-моему, слишком рано, до застоя еще надо дойти). Но уже сейчас мы можем, экстраполируя теперешние процессы, представить себе страну лет через 5-10. Это будет страна, в которой результаты всех голосований на всех уровнях одни и те же – 90% . Где в публичной политической сфере вообще ничего не происходит, а лишь совершается масса ритуалов — ритуал выборов, ритуал заседания парламента, ритуал периодических встреч президента со своим гражданским обществом и т.д. Где, если решено, например, что в парламенте должны быть три депутата от «Яблока» и три от ЛДПР, уже никак нельзя сделать так, чтобы на следующих выборах их стало четыре и пять, ибо это означало бы создавать опасный прецедент (завтра кто-нибудь захочет десять). Где о реальной борьбе за власть граждане будут узнавать только по слухам и сплетням и по ее итогам – внезапному уходу на пенсию или аресту

за коррупцию той или иной фигуры. Эту картину реализовавшейся утопии современной власти можно достраивать, вставляя в нее разные забавные детали, вроде указания в анкетах – «член партии «Единство и Отечество» с 2001 года» и т.д.

До какой степени эта картина реализуется и в каких конкретно формах, мы не знаем. Но одно можно сказать с уверенностью — когда жизнь, вроде бы, уже окончательно изгнана из полностью ритуализированной и подконтрольной публичной сферы, она вдруг, часто с совсем неожиданной стороны, ломает застывшую оболочку и в публичной сфере воцаряется такая непредсказуемая спонтанность, что даже слишком.

Общая Газета, 20-26.12.2001.

2002

НА ВЫХОД С ВЕЩАНИЕМ

На общество наплывает волна страха. Прокуратура распространяет страх среди чиновничье-олигархической верхушки. Пал Аксененко, подписку о невыезде подписал Шерemet, топор занесен над «самим» Волошиным. Самое страшное – это, конечно, неизвестность. Смотри относительно недавно на Аксененко по телевидению, мы могли заметить, что он просто ничего не понимает. Что его и впрямь привлекают за финансовые злоупотребления, ему, конечно, в голову не приходит. Кто же тогда стоит за всем этим? Сам Путин (тогда – конец) или скорее Степашин? И за что его? За то, что он чуть не стал премьером и мог бы даже стать президентом, за то, что «слишком много о себе понимал», где-то что-то сказал неосторожно? И что будет дальше? Просто отставка, или все-таки – арест? Этого не знает никто. Но все понимают, что если пал Аксененко, которого хотел отстоять сам премьер, пасть может любой. И дело не просто в «одноразовой» замене старой ельцинской гвардии обезумевшими от преданности президенту питерцами. Ясно, что со сменной элиты возникает и качественно новая степень зависимости этой элиты от верховной власти и завтра, «если будет надо», на месте Аксененко может оказаться и кто-нибудь из самих питерцев. Арбитражный суд также распространяет волну страха, закрыв все-таки ТВ6 и продемонстрировав, что если решено тебя унич-

тожить, не поможет ничто – ни адвокаты, ни зарубежные покровители, ни «жалкая» апелляция Киселева к «национальным интересам». Несколько иначе волны страха посылает ФСБ, арестовывая и добываясь осуждения за шпионаж журналистов и ученых. Опять-таки, мало кто думает, что Пасько и Данилов и впрямь осуждены за то, что передавали Южной Корее и Японии секретные материалы. Но все ученые и журналисты, общающимся с иностранцами, теперь понимают, что надо быть осторожней (но как осторожней – не ясно, ибо очевидно, что если захотят – все равно осудят).

Откуда же эта волна страха? Ведь и при Ельцине были внезапные падения и даже аресты крупных чиновников. Но особого страха не было. Что произошло при переходе от первого президента ко второму? Прежде всего, если при Ельцине и у самой власти, и у общества было ощущение (в основном – иллюзорное), что власть нуждается в общественной поддержке и зависима от нее, то теперь произошло осознание ее абсолютной «безальтернативности» и, соответственно, – независимости от общества. Но безальтернативность, несменяемость и независимость власти – это почти ее всесилие. Конечно, если президент начнет делать что-то совсем уж немыслимое (предпримет тотальную проверку всех актов приватизации, начнет проводить какую-нибудь авантюристическую внешнюю политику и т.д.), границы его власти обозначатся. Но в рамках «нормальных» человеческих

желаний носитель верховной власти, которого нельзя сменить, – всемогущ. Ему даже не надо давать указания – ему надо только намекнуть, что он плохо относится к такому-то чиновнику, или олигарху, или телеканалу – и все бросятся травить жертву. И так же всемогущи становятся (пока они угодны верховному властителю и в соответствующих рамках) все его назначенцы. Безальтернативному президенту стоит только намекнуть об общенациональном телеканале, а губернатору, избрание которого он организовал, стоит только намекнуть о местном телеканале – и результат будет тот же. Человек – носитель всемогущей власти – не может не вызывать страх, который не способен породить самый жестокий, но четкий, формально определенный закон (если, например, за строго определенные оскорбления президента полагалось бы четвертование, просто не надо этих оскорблений наносить, и можно ничего не бояться). И страх этот даже не зависит от того, жестокий этот человек или добрый. Он возникает просто потому, что ты – полностью в руках другого человека, полностью зависишь от его неизвестных тебе и меняющихся мыслей и чувств. («Добрейший человек – встретил мальчика и по головке его погладил, а ведь мог бы и зарезать»). Правитель – обычный человек. Но мысли, настроения, симпатии и антипатии обычного человека, если он при этом всемогущ, становятся страшной иррациональной силой.

Всесилие президентской власти, конечно, закамуфлировано. В XXI веке (да и XX-м) просто «честный» абсолютизм невозможен. Но наша система дала ему в руки прекрасное средство одновременно и сокрытия, и реализации своего всевластия. Это парадоксальное средство – закон.

Сложившейся у нас с 1991 года социально-политической системе одинаково имманентны и неправовой характер, и демократически правовое прикрытие. Неправовой характер – не «несовершенство» нашей системы, которая и возникла в серии абсолютно неправовых актов (Беловежские соглашения, переворот 1993 года, более чем сомнительный референдум по Конституции, приватизация и т.д.), а имманентен ей, ее суть. Фантастическая ситуация, при которой, допустим, в 1996 году Зюганов мог бы привлечь к суду Ельцина за незаконное расходование средств на избирательную кампанию и добиться его осуждения и признания выборов недействительными – это просто принципиально иная организация общества, иная система общественных отношений. Но даже советская власть не могла обойтись без законов и формальных выборов. Тем более это невозможно в нашу эпоху. Поэтому вся наша система построена на противоречиях формальных законов и реальной жизни, нежизненности законов и беззаконности жизни.

Важнейшим следствием такого противоречия является то, что у нас не просто некоторые нечестные, а

практически все предприниматели, чиновники, политики, вообще все граждане – преступники. Все какие-то законы нарушали и нарушают, ибо сами законы таковы, что не нарушать их нельзя. Но это значит, что у власти в руках оказывается оружие немислимой силы – она может вполне законно ликвидировать любую компанию, разорить любого собственника, посадить кого угодно в тюрьму. Надо только устроить какую-нибудь проверку – хоть Счетной палаты, хоть пожарной инспекции, и если поискать – обязательно что-нибудь найдется. И апеллировать не к чему – действительно закон нарушался. В ситуации всеобщего беззакония совершается «диалектический переход противоположностей» – закон превращается из средства ограничения произвола власти в орудие этого произвола. Это власть по-настоящему осознала и стала систематически использовать только при Путине, и теперь это начинает осознавать и, соответственно, начинает дрожать все общество.

Такое использование закона в целях произвола и одновременно – прикрытие им произвола даже усиливает иррациональный «кафкианский» ужас перед властью. Если бы, например, ТВ6 было просто объявлено, что президент его закрывает, потому что такова его воля и он не обязан ничего объяснять, это было бы, наверное для журналистов даже легче, чем теперешняя ситуация. Все все понимают, но людям свойственно хвататься за соломинку и тешить себя надеждой,

что вдруг и впрямь дело в «Лукойле» и в Арбитражном суде, и если, например, попросить жен и детей лукойловского руководства и судей заступиться, все обойдется. Закон продлевает муки обреченных. А правитель, говоря, что мы живем в правовом государстве и поэтому он не может вмешиваться в судебную сферу, может даже испытывать особое наслаждение, как он может испытывать его, сначала следя за процессом осуждения Пасько, а потом предлагая ему попросить помилование.

Все усиливающийся страх – закономерный элемент нашей системы, и одновременно это – расплата нашей элиты (и общества в целом) за все, учиненное с 1991 года. Наверняка со временем элита начнет думать, что бы такое придумать, чтобы освободиться от страха. Но, очевидно, для этого страха надо чуть больше и он должен длиться дольше. Все еще только начинается.

Общая газета. 24–30.01.2002

ЖЕЛЕЗНЫЙ ЗАНАВЕС ПРАВОСЛАВИЯ

На фоне сближения России с Европой резким контрастом выделяется новый кризис и без того плохих отношений РПЦ и католической церкви, вызванный решением Ватикана создать российские епархии и бурными протестами нашей церковной иерархии. Чем вызваны эти протесты и почему у русского православия такие плохие отношения именно с католиками?

На первый взгляд, никакими собственно религиозными соображениями столь бурная реакция не объяснима. При всех различиях православия и католицизма они неизмеримо меньше, чем, скажем, православия и мусульманства, или возрожденного в разных далеких регионах нашей страны шаманизма, или просто атеизма. Православие видит в католицизме церковь, в которой возможно спасение души, которое невозможно, например, для атеиста или буддиста. Между тем, согласно опросам в 1991–1999 годах не реже раза в месяц посещали церковь 6–7% русских (меньше, чем в любой другой стране Европы и, возможно, мира), а никогда не были в ней – 45%, причем роста регулярного посещения церкви за этот период не произошло. Принимали причастие меньше месяца назад в 1999 году 2% русских людей, мужчин – 0%, лиц до 30 лет – 1% (никогда не причащались или причащались когда-то в детстве – 70%). Для подавляющего большинства русских людей, таким образом, перспективы

спасения души – более чем сомнительные, и если бы, например, еще 1–2% стали бы ходить в церкви, пусть и католические, это – хорошо, а не плохо, это – общее увеличение возможностей спасения русских душ. Борьба именно с католицизмом, а не с просто неверием (или исламом, или иудаизмом, или шаманизмом) кажется «нелогичной».

На самом деле она совершенно логична, только рассматривать ее надо в иной логике, не логике «спасения душ», а логике интересов церковной организации. Эти интересы направлены на то, чтобы при помощи государства максимально «монополизировать» русский религиозный «рынок» (не такой уж большой, ибо людей, готовых ходить в церковь – не только православную, но какую бы то ни было, не так уж много), и соответственно – не допускать на этот «рынок» конкурентов. И здесь наиболее опасный враг – не самый идейно далекий, а самый «конкурентоспособный». Ислам или иудаизм – неизмеримо дальше от православия, чем католицизм, но они не предпринимают серьезных усилий по обращению русских людей, и между ними и русскими – громадный культурный барьер. Наоборот, католицизм может привлечь относительно многих, прежде всего в очень важном слое – религиозно заинтересованной интеллигенции. Тот, кто идейно ближе, как конкурент может быть куда опасней, чем тот, кто дальше.

Это та же логика, которая в Средние века делала еретика и раскольника более ненавистным, чем ино-

верец, а в «новом средневековье» для коммунистов троцкиста – опаснее, чем православного или католика. Этой «средневековой» логике соответствуют и «средневековые» мораль и «иерархия ценностей». Это – мораль, в которой практически не действует основной моральный принцип: не делай другому того, что ты не хочешь, чтобы он делал тебе. По этой морали, если царский режим и потом Сталин уничтожают униатов и передают их церкви православным, это – ничего, но если затем вышедшие из подполья униаты забирают у православных свои церкви – это ужасно. Если Россия в свое время добилась церковной независимости от Константинополя и создала свое патриаршество – это замечательно, а если украинцы хотят добиться церковной независимости от России – это просто гнусность. То, что есть православные церкви в Японии или даже в Индонезии и их никто не трогает – прекрасно, а в России кришнаитов надо бы просто запретить. И это – иерархия ценностей, по которой страстные протесты вызывает не приватизационное ограбление, не нечестные выборы, не война в Чечне, а открытие католических епархий и страшная перспектива приезда папы в Россию.

Какое значение может иметь то, что общественная деятельность церкви подчинена такой логике и такой морали? На первый взгляд, небольшое. Реально верующие, «церковные» люди у нас – незначительное меньшинство, причем, несмотря на весь «религи-

озный бум» 90-х годов, в основном – это пожилые и чаще деревенские женщины (остатки традиционной сельской религиозности), общественной активностью не отличающиеся.

Но влияние церкви определяется не числом верующих, оно – неизмеримо больше. Хотя падение советской власти и не привело к заметному увеличению числа прихожан, оно привело к тому, что для громадного большинства лишившихся ориентиров людей церковь стала символом моральной устойчивости и национальной идентичности. Большинство русских, даже атеистов, убеждены, что церковь – «учит добру» и «духовности» и что православие – неотъемлемая часть «русскости». И именно этой общей убежденностью и одновременно «удобством» для власти церкви, которая борется не с ее преступлениями, а с католиками и «сектами», и объясняется публичная религиозность наших властителей, плавно перешедших от посещения партсобраний к посещению церкви, и их готовность идти навстречу желаниям церковной иерархии.

Авторитет церкви – очень велик, и если бы патриарх или духовники президентов (вроде бы есть и такие) требовали от них покаяния за все, совершенное за последние 10 лет, или хотя бы – прекращения войны в Чечне, то их, конечно, просто бы выгнали и все лицензии на ввоз табака отняли бы, но страна была бы совсем иной и несколько лучше. Однако они требуют совсем другого. И страна – такая, какая есть.

Все взаимосвязано. Общество – единое целое. И церковь – его элемент. Мораль общества не может быть резко выше, чем мораль церкви, в которой оно видит свой духовный авторитет. Правовое, открытое общество и национальная церковь, озабоченная больше всего тем, чтобы «закрыть» страну в религиозном отношении, – несовместимы. Между стремлением «в Европу» и стремлениями церкви эту Европу в лице католицизма на порог не пускать – противоречие, которое раньше или позже должно быть разрешено.

Теоретически можно представить себе, что церковь, в союзе с разными другими «патриотическими» силами «закроет» страну. Но даже если это возможно, то на очень ограниченный период, и судьба церкви в результате такой победы будет еще более печальной, чем судьба страны. Вообще, чем успешнее были в истории попытки закрыть общество, тем плачевнее участь тех, кто его закрывал. Царская Россия, где переход в иную веру был уголовно наказуем, была в религиозном отношении закрыта идеально, и именно это привело к катастрофе 1917 года. (Можно привести другой пример. Советская Россия была полностью закрыта для легального антимарксизма. В результате в постсоветской России есть все, что угодно, только марксизма – нет).

В конечном счете, несомненно, не церковь «закроет» общество, а развивающееся и становящееся все более открытым общество преобразует церковь, как это про-

исходило уже много раз в разных странах и с разными церквями. Как это произошло с тем же католицизмом, который еще относительно недавно поддерживал разные фашистского типа режимы, вроде франкистского или салазаровского, «закрывавшие» свои страны от «вредных влияний», а в наше время стал одной из опор современных демократий. Но это – очень трудно и произойдет еще очень не скоро. И нормальной «европейской» страной мы тоже станем не скоро.

Общая газета, 21–27.02.2002

«ЕДИНАЯ РОССИЯ» РОДИЛАСЬ СТАРОЙ

Кремль недоволен «Единой Россией», и это недовольство озвучено заместителем А. Волошина В. Сурковым на семинаре партактива и попало в печать «НГ». Недоволен он полной безынициативностью и удивительной старческой немощью вроде бы совсем молодой партии. «Никаких живых мыслей, хотя бы глупость сказали, но даже этого не делают». Правда, юные путинцы – «Идущие вместе» – какие-то инициативы проявляют, вроде обмена книг Пелевина на книги Васильева. Но инициативы настолько покомсомольски вымученные, глупые и мало приличные, что, я уверен, инициаторам поставили на вид и посоветовали впредь не позорить президента и советоваться со старшими товарищами.

Сразу же пошли разговоры, что Кремль «спишет» «ЕР», как раньше «списал» «НДР». Мне так не кажется. Хотя почти несомненно, что президенту немного стыдно за свое детище, «ЕР» на обозримую перспективу и «по-своему» очень перспективная партия. Только оценивать ее нужно адекватно ее функциям. И прежде всего надо понять, что «старческие» черты «ЕР» – не странная болезнь молодого организма. На самом деле «ЕР» уже довольно старый организм.

«ЕР» – очередная попытка организационного оформления «партии власти», которая стоит у руля уже более десяти лет. С 1991 года верховная власть в

России не переходила от побежденного к победителю, а только один раз была передана по наследству. Поэтому весь этот период также можно рассматривать как период власти одной эволюционирующей и обновляющей свой состав правящей группы, как период с 1917 по 1991 год можно рассматривать как период власти одной партии (РСДРП(б) – РКП(б) – ВКП(б) – КПСС). Догматическая РСДРП–КПСС менялась и по существу, и по названию, сохраняя организационную преемственность. Наша же идеологически аморфная и до сих пор не формализованная партия власти периодически создавала неполные, не охватывающие ее целиком организации, каждый раз отбрасывая их затем на обочину политической жизни умирать или прозябать в качестве реликтов. Тем не менее ее эволюцию также можно рассматривать как эволюцию единого организма. Ряду РСДРП – РСДРП(б) – РКП(б) – ВКП(б) – КПСС соответствует ряд: «ДемРоссия» – «Демократический Выбор России» – «Наш Дом Россия» – «Единство» – «Единая Россия».

Разница РСДРП и КПСС – настолько велика, что в них даже трудно увидеть один и тот же организм на разных стадиях своего жизненного цикла, как в чертах умирающего старика трудно уловить сходство с фотографиями жизнерадостного мальчика. Увидеть в революционном движении «ДемРоссии» 1991 года предшественника «ЕР» – еще труднее. Тем не менее Ельцин приходит к власти, как вождь революции и

кандидат, «подобранный» и выдвигаемый «ДемРоссией», первой в ряду наших несостоявшихся правящих партий. Придя к власти, Ельцин быстро понял, что отождествлять себя с «ДемРоссией» или ее функциональным преемником, несколько более уважаемым и уже реформистским, а не революционным, «ДемВыбором» – и не нужно, и опасно. У него были значительно лучшие опоры. Это – народ, не желающий голосовать за «демократические» партии, но готовый голосовать за власть, как за меньшее из зол и альтернативу анархии. И бюрократически-капиталистическая элита, перешедшая на сторону победителей-демократов, давших ей перспективу приватизации, но, как и сам Ельцин, не склонная сковывать себя вновь какой-либо идеологией и дисциплиной.

Однако по мере завершения революции и раздела собственности отношение власти и элиты к идее правящей партии меняется. Элита все больше стремится к стабильности, а правящая партия представляется и прекрасным демократическим камуфляжем ее власти, и удобной формой осуществления этой власти. «НДР» – переходное звено в эволюции, ведущей от «ДР» к «ЕР». Это – уже не спонтанно возникшее движение, а партия, созданная сверху, правда, еще не непосредственно президентом и его аппаратом, как «Единство» и «ЕР». Это уже не партия революции или даже радикальных реформ, а партия стабильности, но все же имеющая определенное «правоцентристское»

лицо. Это, естественно, партия начальников, за которую голосовали прежде всего те, кто вообще готов голосовать за начальство. Из «НДР» ничего не получилось, потому что сама попытка была недостаточно серьезная. «НДР» не была четко обозначена как партия, лояльность к которой – лояльность к власти, а принадлежность к которой – залог карьеры. Время для такой партии еще не наступило, и она была отброшена, как до нее – «ДР» и «ДВР».

Если в начале 90-х годов элита стремилась к переменам, то через десять лет, когда она уже добилась всего, что можно, ее задачей становится охрана достигнутого. Теперь она боится всего нового и всякой спонтанности. И отношение к партстроительству становится более серьезным. При этом цикл завершается, и при Путине отношение президентской власти и «президентской» партии – прямо противоположное тому, какое было в начале эволюции. Ельцин – лидер, приведенный к власти уже существующим до него и независимо от него движением. Теперь наоборот: президент, чей приход к власти ни с какой партией или движением не связан, создает себе партию. Ясно, что создавать партию, которая затем стала бы его ограничивать, он не будет. Поэтому никакого самостоятельного идеологического лица, отличного от достаточно неопределенного лица самого президента и меняющегося параллельно его изменениям, в ней быть не может. Партия нужна президенту для того, чтобы иметь

«запас» людей, сознательно объявляющих о своей готовности ему служить, и дополнительные механизмы контроля над чиновничьим аппаратом и политической элитой. Ясно, что такая партия может быть и даже должна быть только партией «чего изволите». Требовать от нее инициатив и спонтанности, как это делает Сурков, так же нелепо, как от проститутки – любви к клиенту или от старика – молодежной резвости.

«ЕР» только формально – молодая партия. На деле это – порождение уже совсем немолодого организма, проявление его склероза, окостенения, когда открытость будущему и желание перемен уступает место стремлению, чтобы все оставалось, как есть, спонтанность и инициатива – ритуалу и бюрократическому подчинению. Но именно потому, что «ЕР» – проявление этого необратимого и еще не завершенного процесса, у нее может быть прекрасное будущее.

Президенту, его аппарату и его партии нужно только добиться, чтобы голосование за кандидатов «ЕР», «государевых слуг», стало восприниматься как такое же «безальтернативное», как и голосование за него самого. Тридцать и более процентов, уже сейчас готовых проголосовать за «ЕР», – совсем немало, и легко превращаются в парламентское большинство, а если совместить президентские и парламентские выборы, можно добиться и абсолютного большинства. Объединение же в рамках партии чиновничьей элиты вообще не проблема – если Путин сам возглавит партию и даст

понять, что без членства в ней карьеры не сделаешь, все завтра же будут там.

Сколько сможет длиться такой триумф «ЕР», однако, сказать невозможно. Главной и для меня не ясной проблемой нашей политической жизни является то, на каком этапе цикла, аналогичного циклу 1917–1991 годов, мы находимся. Понять это очень непросто, ибо второй цикл совершается в очень модифицированной форме, в совершенно иной международной среде и, похоже, быстрее, чем первый. Движение по восходящей – ко все большему порядку, единообразию и окостенению, явно еще не кончилось, и до пика нам еще далеко. Сама идея президентской партии – свидетельство этого. Но если судить по степени маразмизации этой партии, мы как-то проскакиваем сталинскую стадию, сразу вступив в брежневскую.

Общая газета. 21–27.03. 2002

ПОЛЕТ ДВУГЛАВОГО ОРЛА

Два внешне противоположных процесса причудливо сочетаются в теперешней российской политике. С одной стороны, развитие нашей политической системы все время отдаляет нас от «западной модели». По всем основным параметрам (сильная и «безальтернативная» президентская власть, ее контроль над СМИ и над выборами и т.д.) мы все очевиднее оказываемся в одном «классе» не с европейскими странами, а с центральноазиатскими режимами. С другой стороны, мы энергично и интенсивно сближаемся во внешней политике с Западом. Как будто наш двуглавый орел не только смотрит в разные стороны, но и летит сразу в двух противоположных направлениях. Но насколько эти два направления противоречат друг другу, и долго ли может продолжаться такой полет?

Прежде всего обратим внимание на то, что наш поворот на Запад произошел именно тогда, когда наша политическая система стала совсем уже, зримо и очевидно, «не западной». И это – не случайно. В современной России прочного «западничества» ни в народном, ни в элитарном сознании быть не может. Отношение к Западу у нас естественно амбивалентно. Есть преклонение перед ним, стремление подражать ему и, в конечном счете, самим стать «как Запад». Но есть (и не может не быть) зависть, комплекс неполноценности, сожаление о великодержавном прошлом, страх

потерять себя при неумолимом наступлении западной культуры и многое другое. И внешняя политика, отражающая такое сознание, не может быть безоговорочно прозападной, она и должна быть такой противоречивой, нервной и «обидчивой», какой она была, начиная с позднего Козырева и кончая 11 сентября. Вне зависимости от своих взглядов и настроений, все-таки не уверенный в прочности своей власти, боящийся выборов Ельцин не мог не учитывать общественного мнения и не мог вести последовательно прозападной политики. Такая возможность возникла только тогда, когда власть перестала бояться общества и почувствовала, что может не слишком прислушиваться к его мнению. Ничего «особенного» и специфически русского в этом нет, и схожие зависимости мы могли видеть многократно в самых разных странах. Любовь пакистанского народа к США – более чем сомнительна, и поэтому зависевшие от голосов избирателей Шариф и Бхутто последовательно прозападными быть не могли, а Муншараф может, и военный переворот в Пакистане был залогом успехов США в Афганистане. Не мог быть прозападным Альенде, но Пиночет был.

Таким образом, именно отнюдь не «западное», не демократическое направление нашего внутреннего развития создало условия для теперешнего «прозападного» внешнеполитического курса. Но с другой стороны, этот курс также может способствовать нашему недемократическому внутривнутриполитическому развитию.

В западном выборе Путина, как и в западных выборах Алиева, Каримова, Мушарафа и множества других властителей, могут присутствовать самые разные мотивы. У властителей может быть и искренняя уверенность в правоте Запада и общечеловеческом характере его ценностей, сочетающаяся с убежденностью, что их народы – слишком отсталые, не готовые к настоящей демократии и пока они нуждаются в «управляемых демократиях» и в их, властителей, твердых руках. Может быть убежденность, что самое главное – получить экономическую и технологическую помощь Запада для развития страны, а там посмотрим. Могут быть и совершенно циничные расчеты на помощь Запада в подчинении своего народа и подавлении своих врагов и на счета в западных банках. (Обычно, очевидно, присутствует какая-то сложная комбинация разных мотивов). Но во все эти комбинации мотивов не может не входить расчет, что прозападная ориентация укрепит их, властителей, авторитарную власть, что строить «властные вертикали» проще при благосклонности Запада, чем при его враждебности. Не может не присутствовать он и у Путина. И расчет этот – вполне трезвый.

Я совершенно не склонен представлять Запад циничным, прикрывающим словами о демократии и правах человека свои меркантильные или властные интересы. Распространение демократических принципов в мире – его несомненная цель. Но всегда наряду с дальней, конечной целью есть и ближайшие. И

в определенных пределах задачи сохранения и расширения демократии во всем мире вполне могут противоречить задачам построения демократии в данных конкретных странах. Запад боролся с СССР за торжество демократии в мире и, безусловно, хотел, чтобы везде, в том числе и в Чили, была демократия. Но демократия в Чили реально означала, во всяком случае в непосредственной перспективе, внедрение туда русских и кубинцев. Поэтому США помогли такую демократию задавить. Запад, конечно, хотел бы сейчас демократии в России, и в Пакистане, и в Узбекистане. Но только, если она не приведет к власти антизападные силы и сейчас не помешает борьбе с новым глобальным вызовом Западу, исламским экстремистским терроризмом. Если же такой гарантии нет, Запад всегда будет предпочитать прозападные авторитарные режимы реально или даже потенциально антизападным демократиям. Как он предпочел Пиночета Альенде. Как в 1993 году он предпочел победу Ельцина победе парламента, среди защитников которого были коммунисты и националисты. Как он затем помогал Ельцину превратить демократию, несущую угрозу победы коммунистов, в «управляемую» и явно предпочитал спокойную передачу власти от него наследнику перспективе реально альтернативных выборов, которые, несомненно, продвинули бы Россию к демократии, но могли бы привести к власти мало приятного для него Примакова. (Я, между прочим, с трудом представляю себе Примакова,

который спокойно отнесся бы к американскому военному присутствию в Центральной Азии). А сейчас, когда речь идет о борьбе с «Аль-Каидой», тем более не до прав человека в России, или Узбекистане, или Пакистане. Лишь бы соблюдались какие-то приличия, лишь бы союзные режимы не становились совсем уж людоедскими. Подобные расчеты очень часто – неверные, часто приводят к печальным последствиям (например, поддержка шахского режима в Иране) и сопровождаются самообманом и обманом своей общественности. Но они совершенно не обязательно являются «циничным предательством идеалов демократии». Это – нормальный «компромисс с реальностью», нормальный политический расчет.

Вне зависимости от того, какие были мотивы у Путина, он, очевидно, нашел правильный для него внешнеполитический путь, по которому до него шли многие авторитарные государственные лидеры разных стран – безоговорочной поддержки Запада во внешнеполитических вопросах в ситуации, когда Западу эта поддержка нужна и когда он готов за нее платить, стоя на страже авторитарного режима. Этот путь может противоречить нашей общественной психологии, распространенным у нас антизападным чувствам, может быть, даже импульсам самого президента. Но выбор этот вполне рационален – в ближайшей перспективе от общественных настроений у нас зависит не так уж много, а от Запада, несомненно, больше.

Поэтому полет нашего орла сразу в двух противоположных направлениях может длиться достаточно долго. Орла начнет «разрывать» только тогда, когда или наша власть в своем «укреплении вертикали» перейдет некоторые достаточно широкие границы, за которыми для Запада поддержка даже нужного во внешнеполитическом отношении режима становится «неприличной», или когда внешнеполитическая ситуация настолько изменится, что российская поддержка или противодействие Западу уже не будут играть никакой существенной роли (как с исчезновением коммунистической угрозы в Западной полушарии утратили свою ценность латиноамериканские антикоммунистические диктаторы). Но и то и другое – достаточно отдаленные перспективы.

Общая газета. № 22. 30.05–5.06.2002

ИСТОРИЯ ВЫБЕРЕТ ВИНОВНЫХ

Прошедший телемост с Литвиненко вновь поднял тему взрывов 1999 года. Идет борьба двух версий – официальной («ваххабитской») и Березовского – Проханова («фээсбэшной»). Практически несомненно, что «стопроцентных» доказательств ни власть, ни ее противники не предъявят. Но какая же версия станет общепринятой в будущем, в массовом историческом сознании?

Версия Березовского – Проханова исходит из того, что взрывы организовали умные люди. У них была ясная цель – добиться сплочения народа вокруг премьера, что даст ему возможность победить на президентских выборах. Здесь все логично. Конечно, можно возразить, что (победил бы) любой премьер, объявленный преемником. Но требовалась стопроцентная гарантия. Кроме того, взрывы должны были накрепко привязать будущего президента к их организаторам. Все получилось великолепно, как задумано. Правда, произошел досадный прокол в Рязани. С кем не бывает, и умные люди совершают проколы. Но ни к каким катастрофическим последствиям он не мог привести. Злодеи в этой версии – умные, яркие, романтические.

Беда официальной версии в том, что она исходит из модели не рационального поведения умных злодеев, а поведения идиотов, понять мотивы которых невоз-

можно. Принять ее означает принять два почти «за-предельных» идиотизма.

Первый идиотизм – террористов. Во всех рассказах об организации взрывов поражает несоответствие между продуманным планом и тем, что совершенно непонятно, какой в нем смысл. Для чего «ваххабитам» взрывать дома в Москве? Они думали остановить этим войну в Чечне? Наоборот, хотели ее спровоцировать? Но для чего? Конечно, террористы – злодеи. Но любое злодейство должно иметь какую-то цель. Аналогии с 11-м сентября или с палестинским террором не помогают. В обоих этих случаях цель ясна. Аль Каида хотела нанести реальный удар по США – по Пентагону, Белому дому, всем жизненным центрам. А взрывы домов в небогатых кварталах – вообще никакой не удар по России. Кроме того, Усама предполагал, что США начнут антиисламскую кампанию, а это поднимет правоверных, приведет к падению «продажных» прозападных режимов и священной войне, которой он не боялся. Расчет был неверен, но он ясен, и идиотским его не назовешь. Понятен и палестинский террор. Его цель – довести израильтян до того, что они будут рады убежать с оккупированных территорий. Но за организацией московских взрывов «ваххабитами» вообще никакой рациональной цели не видно.

Второй идиотизм, подразумеваемый официальной версией, – идиотизм ФСБ. Рязанская операция (если это операция, а не несостоявшийся теракт) так нелепа,

что все попытки как-то ее объяснить не удаются. Она предполагает просто немыслимую глупость. Но почему за нее не только никого не осудили, но и с должности не сняли? Может быть, там все такие?

То, что первая версия подразумевает рациональное поведение, а вторая – идиотизм, не означает, что первая верна, а вторая нет. Но когда люди сталкиваются с чем-то очень страшным, им легче поверить в дьявольский план, чем в действия идиотов или какую-то нелепость. В убийство царевича Дмитрия Годуновым, а не в официальную версию, что царевич «зарезался ножичком». В убийство Кирова троцкистско-зиновьевским подпольем или Сталиным, а не приревновавшим мужем. Между тем сейчас историки склоняются к тому, что Кирова убил психопат Николаев, и даже, что канонизированная Пушкиным рациональная версия гибели Дмитрия неверна, и, как это ни нелепо звучит, он действительно «зарезался ножичком». Нелепость официальной версии, предполагающей и тупых террористов, и тупых фээсбешников, не значит, что она – неверна, но это значит, что как версия, которая будет принята массовым историческим сознанием, на основании которой будут ставить фильмы в Голливуде и на Мосфильме, она обречена. Она слишком унижительна для всех – для России, у которой такая ФСБ, для «ваххабитов», у которых такие террористы, для убитых, которых убили по дурости. В массовом сознании, в конце концов, победит рациональная версия дьявольского за-

говора. За нее будут хвататься все противники власти, а когда «династия» преемников Ельцина прервется, она станет общепринятой.

Очень вероятно, что наша власть будет заклеена в народном историческом сознании взрывами, в которых она не повинна. Но можно ли сказать, что это несправедливо? Можно ли сказать, что Сталин «оклеветан» теми, кто приписал ему убийство Кирова? На совести Сталина столько грехов, версия убийства им Кирова так естественна, и самим убийством он так злодейски воспользовался, что сказать, что его оклеветали, язык не поворачивается. И на совести наших власти и правящего слоя в целом столько грехов, версия Березовского–Проханова так правдоподобна (никого не удивляет, что борьба за какой-нибудь Красноярский алюминиевый сопровождалась десятками смертей, но в 1999 году речь шла не об одном комбинате, а о стране), что нашу власть тоже не назовешь невинной жертвой клеветы.

Московские новости, 30.07–5.08.2002

ПРИГЛАШЕНИЕ К САМОУБИЙСТВУ

Президент Путин предложил президенту Лукашенко отказаться от власти, а белорусскому народу – отказаться от своего государства, проголосовав на референдуме за присоединение к России. Фактически это – предложение двух политических самоубийств, личного и национального.

Все причины, по которым он решился на это, мы, естественно, не знаем. Но среди них явно есть одна понятная человеческая причина. Путин просто не может продолжать неумную и лживую игру в объединение, затеянную Лукашенко и Ельциным. Он сказал правду. Как мальчик в сказке, он сказал, что «король – голый».

Правда – в том, что никакого равноправного объединения России и Белоруссии (как и Германии и Люксембурга или Китая и Монголии) быть не может. Ибо оно означало бы, что Белоруссия, вносящая в общий котел, дай Бог, одну десятую, получила бы возможность распоряжаться половиной. Подобное объединение могло быть только в советской конституции и только потому, что СССР жил не по конституции, а по решениям КПСС. И ЕС – отнюдь не пример такого объединения, ибо это – союз больших, равнозначных стран (Германии, Франции, Британии), «между которыми» находят себе место и малые. Любая же другая форма объединения, где учитываются различие потенциалов, где действует принцип «один человек – один голос»,

будет просто присоединением Белоруссии к России, ликвидацией белорусского государства и белорусской нации, которая очень скоро растворится в русской.

Эти не такие уж сложные истины может не понимать белорусский или русский колхозник или рабочий, которые заняты своими делами и не очень-то размышляют о политике. Но могли ли это не понять за много лет напряженной интеграционной работы Лукашенко и Ельцин? Не преувеличивая их интеллекта, я все-таки думаю, в их игре в объединение обмана было больше, чем недопонимания.

Для обоих игра была выгодна. Для Ельцина – потому что он старался показать избирателям, что хотя он и разрушал СССР, при нем же Россия снова стала расширяться. Для Лукашенко – потому что он и к власти пришел под лозунгом борьбы за восстановление СССР и потому, что за поддержание иллюзии объединения Ельцин был готов платить и платил много. И вступив в игру, которая ни к чему привести не могла, ибо отдать власть никому из них и в голову не приходило, они уже не могли остановиться. Каждый год они должны были придумывать какой-то прогресс в интеграции. У Путина – иная ситуация. Он не разваливал СССР, как Ельцин, и положение его так прочно, что тешить иллюзии избирателей ему не нужно. Он может позволить себе понять правду и даже сказать ее.

Игра кончается. Лукашенко сам загнал себя в угол. Он эмоциональный человек и слишком заигрался и не

заметил, что имеет дело уже с другим президентом и другой Россией. Сейчас перед ним – два варианта. Или действительно пойти на политическое самоубийство, или стать белорусским патриотом. И как ни труден для него второй вариант, он все же вероятнее.

Но за трагикомедией Лукашенко стоит нечто более серьезное. Белорусы – народ, которому история не дала возможности ни стать нацией по типу русских, поляков, литовцев – со своим языком и ясным самосознанием, ни возможности просто раствориться в больших соседних народах. Народ, который сам не уверен, есть он или нет, для которого советская республика фактически была высшей исторической формой его государственности. Из СССР его вытолкнули, не спросив, хочет он или нет. И он восстал против распорядившихся его судьбой сил, избрав против воли и своей и московской власти разделявшего его чувства простого человека, как и он, желавшего вернуться в СССР и убеждавшего его, что это возможно. Но сейчас не только для Лукашенко, но и для белорусского народа наступает «момент истины». И как я не верю, что Лукашенко во имя объединения откажется от власти, так я не верю, что белорусы окажутся единственным народом, который проголосует за самоликвидацию.

Может быть, исторический смысл Лукашенко для белорусов – в том, чтобы отмучиться при нем и вместе с ним и начать нормальную жизнь, забыв о муках самоидентификации и привыкнув к собственному

государству. И нам надо привыкнуть, что рядом – маленький и близкий по культуре сосед, и начать жить с ним, как американский гигант и маленькая и близкая по культуре к США Канада. Хорошо живут.

Московские новости. 20–26.08.2002

КУЧМЕ ДОСТАЛСЯ НЕ ТОТ НАРОД

Киев снова бурлит. Оппозиция продолжает компанию «геть Кучму». Почему же Украина все время сотрясается бурными политическими кампаниями, а в Москве таких манифестаций, какие в Киеве постоянно, не было с 1991–92 годов? На этот вопрос возможны два ответа: у нас – хорошие президенты, а у них – плохой, или же, мы – народ «хороший», спокойный, а они – нет.

Я не думаю, что Кучма как-то особенно плох. Все постсоветские президенты хотят одного и того же – подольше быть у власти, послушания, обеспеченной жизни для своих детей и внуков, а в остальном – добра своим народам. И Кучма ничуть не хуже наших. Например, войн, типа чеченской, он не устраивал, а обвинение в убийстве Гонгадзе – не более доказательно, чем обвинения наших властей во взрывах домов в 1999 году. Кучма – нормальный президент с нормальными инстинктами. И ему хотелось бы править, как наши, на которых он смотрит, как на примеры для подражания. На последних президентских выборах он постарался сделать так, чтобы все было как в России – противник-коммунист во втором туре и широкое применение российских технологий с помощью московских технологов. И вроде бы получилось. Но ненадолго. Дальше все пошло наперекосяк, и даже технологов пришлось выгнать, ибо денег берут много, а толку нет.

Но если дело не в Кучме, значит – в народе. При всей близости украинцев и русских на протяжении всего постсоветского периода политическая жизнь Украины систематически отличалась от нашей бóльшим демократизмом. Перечислим лишь некоторые факты. Конфликты президентов и парламента здесь не привели к кровавому перевороту и принятию «суперпрезидентской» конституции. Украинцы смогли провести ротацию власти, избрав не действующего президента Кравчука, а его соперника. (У нас это, если и произойдет, то лет через 20). У них есть крупная соцпартия, у нас же все попытки ликвидировать монополию коммунистов на левый электорат проваливались. Да и коммунисты там несколько иные. У нас возможность сотрудничества коммунистов и правых – идея маргинала Березовского, у них – реальность. Сейчас на Украине партия, получившая больше всего голосов по партийным спискам, – правоцентристская оппозиционная «Наша Украина». А можете вы представить, чтобы, например, СПС и «Яблоко» получили по партийным спискам большинство голосов? Все это – разные проявления иной, чем наша, и более «европейской» модели политической жизни.

Почему это так? Я думаю, здесь действуют глубокие культурные факторы. Российское прошлое, на которое все мы сознательно и бессознательно ориентируемся, – прошлое громадного централизованного государства, где все – «слуги» или даже «холопы государевы». Украинское прошлое дает иную

модель – казацкого анархически-демократического полугосударства и освободительных войн.

Как в жизни индивидов качества, позволяющие добиться успеха в один период жизни и при решении одних задач, могут оказаться непригодными в другое время и при других задачах, так и в истории народов. Для строительства однородного национального общества и мощного государства русские качества – неизмеримо лучше украинских, и наши достижения в этом плане просто несопоставимы. Русские создали великую империю, включавшую Украину, и даже сейчас в Киеве наш язык слышишь чаще, чем украинский. Русское общество культурно однородно, а на Украине – два языка, четыре церкви и громадные культурные различия регионов. И государство наше – централизованнее украинского, с более эффективной «властной вертикалью» и во много раз более «управляемой» демократией.

Но задача, поставленная нашим временем – не построение очередного авторитарного государства, а построение демократического общества. И вот тут то, что было достоинством, становится недостатком, а недостаток – достоинством. Украинская модель – не идеальная для правового государства, но все же лучше русской.

Я не уверен, что будет хорошо, если Кучму свергнут. Но если Украина не допустит передачи им власти по наследству – это будет, может быть, решающий шаг

на пути к нормальному европейскому обществу. Кучме есть, в чем завидовать нашим правителям, которым достался более удобный «человеческий материал». Но тем у нас, кто стремится к европейской России, есть, в чем завидовать украинцам.

Московские новости. 21.10.2002

МЫ ЖИВЕМ В ЭПОХУ РАСЦВЕТА

По всем рейтингам конца года Президент России называется как самый популярный политик и причина. На мой взгляд, громадные рейтинги Путина необъяснимы ни его личными качествами (признаков патологии не видно, но особой мудрости или доброты тоже, обычный человек), ни великими свершениями в стране. Но любовь и не бывает основана на бесстрастной оценке плюсов и минусов, она сама определяет восприятие, заставляет не замечать плохое и, наоборот, фиксировать хорошее. Представим себе, что операция по уничтожению террористов, в ходе которой погибло столько заложников, происходила бы при Ельцине или Горбачеве. Возмущению не было бы предела. А как на все лады повторялась бы фраза об обрезании журналиста! Поскольку Путина любят, плохое отскакивает от него, «как с гуся вода». Но откуда же сама любовь?

Конечно, природа нашей власти предрасполагает к любви. Если ты знаешь, что правитель – «безальтернативен», не любить его психологически труднее, чем любить. Если не любишь – ничего не изменится, но будешь чувствовать себя несчастным. Однако, любовь к Путину – больше, чем минимум психологического приспособления к неизбежному. Ельцина, например, лишь воспринимали, как меньшее зло.

Если дело не в личности и не в общей склонности любить начальство, значит, дело в специфической

ситуации. Это – ситуация правителя, получившего власть от тех, кто совершил революцию, когда она уже кончилась.

Революция – это кризис. Но любой кризис кончается. Это – как болезнь, от которой человек, если не умирает, то выздоравливает. Ко времени Путина кризис заканчивался само собой. Государственная собственность в основном уже была растаскана, и началось производство. Жизненному уровню падать дальше было уже некуда. От анархии все уже устали. Но если правитель приходит к власти к концу кризиса, в сознании людей, даже если его действия при этом никакого значения не имели, устанавливается связь между выходом из кризиса и его приходом к власти. И трудно не полюбить человека, при котором кончился кошмар и начался поворот к лучшему.

Есть и вторая причина, почему именно ситуация второго президента «генерирует любовь». Поскольку он назначен предшественником-революционером, он «по определению» – его продолжатель. Путин закрепляет и углубляет «рыночные реформы» и сохраняет поддержку всех, кто был за революцию и кто от нее выгадал. Но в то же время его функции в развитии системы противоположны функциям первого революционного властителя. Тот – разрушитель, этот – восстановитель порядка. И в глазах людей, которые были против революции и проиграли от нее, он начинает выглядеть как антагонист предшественнику. Сохраняя

революционную поддержку, Путин начинает приобретать и «контрреволюционную». Это несколько похоже (в очень смягченном варианте) на отношение Ленина и Сталина. Сталин – верный ученик Ленина, строитель социализма, и одновременно – восстановитель порядка, с которым примирились многие «белые» и в котором традиционалистские слои увидели «нормального» русского царя.

Эта комбинация делает положение второго правителя очень удобным. Фактически, чтобы он ни делал, все равно одни будут говорить – слава Богу, не Ельцин, худшее – позади, а другие – слава Богу, завоевания революции закрепляются. При некотором манипулировании символами (выражение уважения к памяти Сахарова и тут же – к памяти Андропова) грандиозные рейтинги могут поддерживаться очень долго. Путин не только может спокойно досидеть до 2008 года и если захочет – далее, и передать власть, кому захочет, он может сохранить любовь народа и обеспечить прекрасные воспоминания о путинском времени.

Однако комбинация факторов, порождающая любовь к Путину, – очень специфична. И хотя Путин вполне сможет передать власть, передать любовь, вызванную особой ситуацией, он не сможет. Кризис и выход из него отойдут в прошлое, и теперешний порядок и прекращение обнищания через 10–15 лет люди будут воспринимать безо всякой благодарности и мечтать о

лучшем. И как от Путина отскакивает все плохое, так к его преемникам все плохое будет «липнуть».

Мы живем в «золотое» время расцвета постсоветской российской системы, основанной на безальтернативной президентской власти, время искренней любви народа к данному ему властителю. Очень вероятно, что другого такого уже не будет.

Московские новости. 31.12. 2002–6.01. 2003

2003

СИМВОЛ НОВОЙ РОССИИ?

Недавнее пышное официальное чествование С. Михалкова – событие, имеющее большое символическое значение. Михалков – фигура гротескная, как бы реально живущий среди нас щедринский персонаж. Это – человек, который самозабвенно служил любому начальству, которое возникало на его жизненном пути и историческом пути нашей страны, какой бы идеологии оно ни придерживалось. Такие люди есть и были всегда, в разных странах и в разные эпохи. Интересно другое. Хотя сочинить гимн – невеликий труд, а переделать слова старого на новый лад мог бы едва ли не каждый, президент поручил это именно Михалкову, тем самым – сознательно, или неосознанно – создав символ куда более значимый, чем сам переделанный гимн. И затем закрепил этот символ официальным и пышным празднованием юбилея Михалкова, возведшим его в ранг национального героя.

Президент подает сигнал, какие люди нужны теперешней власти. И новые назначения, совершающиеся на наших глазах карьеры полностью соответствуют этому сигналу. Делающий блистательную карьеру Виктор Черкесов, вполне возможно, психологически далек от Михалкова. Но в главном они схожи. Если человек, ранее ответственный за борьбу с диссидентами, без мучительных переживаний стал служить государству, которое теоретически воплощает демократиче-

скую идеологию диссидентов, значит, ему так же безразлично, с кем бороться и кому служить, как Михалкову безразлично, какую идеологию вставлять в свои гимны. И опять-таки важно не то, что Черкесов может преследовать любого, на кого укажет начальство, важно то, что эти способности для карьеры сейчас явно плюс, а не минус. Карьера Черкесова подтверждает то, на что указал президент избранием в авторы гимна именно Михалкова и оказанными ему почестями.

В такой яркой форме этого раньше не было. Вообще все начальники предпочитают, чтобы рядом с ними были люди, без особых рассуждений выполняющие приказы. Это – естественный принцип бюрократической карьеры. Но наличие у начальников какой-то идеологии накладывает на него ограничения. Если начальник сам во что-то верит, он не может не ценить в других не только послушание, но и эту веру. При Ельцине, особенно в начале его правления, у нас все же было некое подобие идеологии (антикоммунизм, «возвращение в мировую цивилизацию», рыночные реформы) и поэтому наверх могли попадать люди, для которых эти идеи что-то реально значили (вроде Гайдара), а остальные должны были хотя бы в минимальной степени их наличие имитировать. Такое чествование Михалкова все же не было возможно.

Переход власти от Ельцина к Путину знаменовал громадный шаг вперед по пути деидеологизации. В правление Ельцина элита уже достигла всего, что ей

нужно, и теперь стремится лишь к сохранению приобретенного, то есть стабилизации общества. Объективной задачей нового президента стало не куда-то вести страну, не претворять в жизнь некий идеологический план, а всех успокоить и все стабилизировать. И политический генезис Путина, так же, как у Михалкова, хотя и не в такой гротескной форме, связанный со служением разным по идеологии начальникам, делает его прекрасно соответствующим этой роли. Любая идеология, предполагающая какой-то план переустройства, становится теперь дисфункциональной, а любой человек, имеющий хоть какие-то, да убеждения, – вредным.

Полное отсутствие идеологических целей символизируется «постмодернистским» сочетанием противоположных по своему значению символов (освящение духовенством Красного знамени, Дзержинский под двуглавым орлом), которые вместе теряют какое бы то ни было содержание, взаимно «гасят» друг друга и символизируют пустоту. Новый гимн, написанный Михалковым, – тоже эклектический символ пустоты. Но еще больше ее символом является сам его автор – как бы эталон отсутствия убеждений, человек абсолютной идейной пустоты. Именно он – герой новой России и символ нашей эпохи.

Московские новости. 25–31.03.2003

ОТ БЕЗАЛЬТЕРНАТИВНОГО ПРЕЗИДЕНТА К БЕЗАЛЬТЕРНАТИВНОМУ ПАРЛАМЕНТУ

Президентское послание Федеральному собранию, в котором выдвинут план удвоения ВВП к 2010 году, то есть ко времени через два года после истечения последнего конституционного срока путинского президентства, дышит почти советской уверенностью в стабильности и преемственности власти. Ясно, что президентом не ощущается опасным рубежом не только 2004 год, но и 2008 год. В этом контексте озвученная им идея правительства парламентского большинства выглядит, на первый взгляд, странно. Ведь мы помним, какое большинство было в ельцинских парламентах и какие отношения были между Думой и президентом. Выдвижение этой идеи может значить только одно – Путин совершенно уверен, что ничего подобного не повторится, что Думы впредь будут иметь «правильное», «ответственное» большинство.

В нашей политической системе безальтернативного президентства идея правительства парламентского большинства значит совсем иное, чем в системах, основанных на ротации власти. Она означает не сужение сферы президентской власти и отдачу власти на откуп игре политических сил («правительство «Яблока» и СПС пало, и в России к власти пришел левый центр»), а наоборот, расширение сферы безальтернативности

на состав парламента. Это – не ликвидация многопартийности (в современном мире страна, переходящая к однопартийности, обрекает себя на «изгойство»). Но это – создание гарантированного большинства президентской партии и тоже гарантированного меньшинства определенного круга партий «конструктивной» оппозиции. К советской монополии на власть КПСС мы не вернемся, но наша многопартийность будет напоминать многопартийность таких опередивших нас на пути строительства президентских партий стран СНГ, как Азербайджан, Казахстан, Узбекистан, или даже бывших «стран народной демократии» (среди них особым многообразием партийной палитры отличалась ГДР).

Наша система развивается по своей внутренней логике. И поскольку в основе ее – безальтернативная власть президента, это – логика расширения и углубления безальтернативности, которая должна перейти с уровня президентской власти на парламент и постепенно спускаться далее. Сказав в 1991 году «А», мы в 2003 году говорим даже не «Б» («Б» было сказано в 1993 году), а какую-то следующую букву.

Сейчас, очевидно, мы подходим к важному этапу развития системы – становлению стабильного, безальтернативного партийного состава Думы на многие годы и не на один созыв. Но если состав будущих Дум будет безальтернативным, то теперешняя ситуация – это ситуация определенного веера возможностей. Очевидно, время до думских выборов будет пе-

риодом напряженной партийной борьбы. И не столько за симпатии избирателей, сколько за попадание в список «утвержденных» властью партий и за число «утвержденных» для них мест, которые затем уже изменить будет крайне трудно, ибо любые изменения будут сигналом неблагополучия, знаком того, что достигнутая стабильность зашаталась и спокойствие общества нарушено. Именно так, очевидно, надо понимать призыв президента максимально серьезно отнестись к предстоящим выборам и прекратить безответственные партийные игры.

В обозримом будущем правительство парламентского большинства может означать у нас лишь безальтернативный парламент. Но у идеи, озвученной президентом, есть и иное, буквальное и прямое значение. И когда-нибудь оно может выйти на первый план. Создателям советских конституций даже в голову не могло прийти, что провозглашенные в них правовые нормы – равноправия союзных республик, выборов, разных свобод – когда-нибудь начнут претворяться в жизнь. Между тем кризис советской власти пришел тогда, когда принципы, на которых реально держалась власть, окончательно утратили значение в массовом сознании, а те, которые казались ничего не значащей формой, наоборот, укоренились настолько, что их осуществление стало реальной потребностью, «пустая форма» стала наполняться содержанием. И хотя сейчас и в обозримом будущем идея правительства парла-

ментского большинства для нашей системы власти не только безопасна, но и вполне инструментальна, очень вероятно, что, в конечном счете она окажется сильнее, чем эта система.

Московские новости. № 20. 27.05–2.06.2003

МОТЫЛЕК И СВЕЧА

Самое удивительное в бедах, обрушившихся на Михаила Ходорковского и его друзей, – это их закономерность. Все разворачивается как по нотам. Олигарх решает заняться политикой, и не «придворной», закулисной и в собственных интересах, а публичной и в общественных интересах. И тут его настигает беда. Власть не слишком волнует, если олигархи жульничают, интригуют друг против друга и даже посылают друг к другу киллеров. Но если олигарх входит в публичную политику, руководствуясь идейными мотивами, он посягает на основы строя. Его деньги могут спутать карты власти, могут, например, изменить запланированные результаты выборов в Думу. Такой человек должен быть наказан. И способ наказания – прост и традиционен. Так как все наши состояния создавались незаконным или квазизаконным путем при полном на то согласии власти, наши богачи – у власти на крючке, на каждого из них есть «досье», которое в любую минуту можно достать из ящика. Власть это и сделала, извлекая некое приватизационное дело 1994 года, которое до этого спокойно лежало и ждало своего часа. Примерно так было и с Гусинским, и с Березовским. Все это мы уже видели, и это не очень интересно.

Интереснее другое – что влечет олигархов туда, где их ждут беды и даже, возможно, гибель? Не нужно

было большого ума, чтобы предсказать судьбу Ходорковского. Почему же он, человек, несомненно, умный, у которого перед глазами был пример предшественников и который прекрасно знает систему, тем не менее, пошел по их стопам навстречу судьбе? Какая сила влекла его, как мотылька к зажженной свече, вокруг которой валяются обугленные останки уже сгоревших мотыльков?

Это должна быть какая-то мощная сила, которая или затмевает разум умного человека, и он не видит очевидной опасности, или заглушает его инстинкт самосохранения, и он сознательно бросает опасности вызов. Я думаю, что эту силу можно определить как стремление к самоуважению. Когда человек достигает положения, когда новые богатства уже не могут для него ничего принципиально изменить, он начинает «думать о душе». Ему уже противно посещать собрания «Единой России» и ощущать, что, несмотря на все деньги, он все равно остался «совком» и холопом. Он хочет уважать себя и хочет, чтобы о нем вспоминали не как об одном из разбогатевших в начале 90-х прохиндеев, а как об интеллектуале и прогрессивном российском политике.

У людей бедных эта мотивация может вызвать или недоверие (бедные, естественно, всегда преувеличивают роль материальных мотивов у богачей), или раздражение – «с жиру бесятся!». Но на самом деле переключение интереса уже богатых людей на более «благородные» цели – это закономерная и великая социальная

сила, которая начинает работать во всех сформировавшихся элитах. Это – сила, которая сделала из «холопов государевых» благородных и просвещенных дворян, а затем из некоторых – даже декабристов, а из «темного царства» купцов выдвинуло меценатов и либеральных деятелей. Сила, которая из доносящих друг на друга и боящихся собственной тени партократов сформировала относительно просвещенную и либеральную элиту, поддерживавшую Горбачева. Эта сила не может не действовать и в нашей новой буржуазной элите. Создание коллекций, меценатство и выход в политику со своими идеями – проявления одного и того же.

В этом отношении интересны различия Ходорковского и его предшественников. Гусинский и Березовский вспомнили о «правах человека», только когда проиграли в «подковерной» борьбе. Словосочетание «убеждения Березовского» просто смешно. А у Ходорковского, несомненно, есть убеждения, и он пошел в политику не ради спасения капиталов. Это – следующий этап эволюции.

Наша буржуазная элита генетически связана с властью общими преступлениями и полностью «на крючке», что нам сейчас в очередной раз демонстрируется. Но пример Ходорковского показывает и другое – что стремление к самоуважению и праву не может не возникать и в такой элите. И если экстраполировать тенденцию, лет через двадцать – тридцать у нас сложится элита, которой теперешняя система станет так же тес-

на и унизительна, как советской стала тесна и унизительна коммунистическая. «Ползучий олигархический переворот» – это скорее всего предвыборные выдумки. Но то, что наша система не вечна – такая же очевидная истина, как и то, что «все люди смертны».

Московские новости. № 26. 8–14.07.2003

2004

ОТ ПЕРЕЯСЛАВСКОЙ РАДЫ К КОНФЛИКТУ ИЗ-ЗА ТУЗЛЫ

350-летие Переяславской Рады – невеселый юбилей для России и Украины. Для России это – лишнее напоминание о том, как в одночасье рухнуло великое русское государство, собиравшееся веками. Для Украины – лишнее напоминание об исторической «ловушке», о том, что почти состоявшееся независимое казачье государство попало под железную пяду Москвы. Год Переяславской Рады проходит под аккомпанемент незатухшего еще конфликта из-за Тузлы, в котором предельно ярко проявляется вся болезненность российско-украинских отношений. Если бы не сознание нашей очевидной слабости перед Западом и не страх «мировой полиции», мы вполне могли бы (и это уже – далеко не первый раз за постсоветский период) «завести себя» до такой степени, чтобы началась российско-украинская война. Откуда же эта болезненность наших отношений, та легкость, с которой наши страны переходят от завешений в любви и дружбе к озлобленным истерикам, возникающим буквально на пустом месте?

Внешняя политика – сфера общественной жизни, в которой больше, чем в любой иной, внешняя рациональность прикрывает глубокую иррациональность и примитивность лежащих в основе ее мотивов и импульсов. Рассуждения о «национальных интересах»,

геополитике и т.д. скрывают структуру отношений, аналогичную структуре отношений, скажем, соседей в коммунальной квартире или в деревне, сослуживцев или членов большой семьи. Примитивные эмоции, вроде зависти, всякие «комплексы неполноценности», раздражения и т.п. в отношениях между государствами играют ничуть не меньшую роль, чем в отношениях между индивидами (может быть, даже бóльшую, ибо более искусно прикрываются). Примитивность – не значит простота, легкость для понимания. Отношения соседей в коммунальной квартире тоже могут обладать крайне сложной структурой, и для того, чтобы понять ее, могли бы требоваться знания психолога и психоаналитика. Российско-украинские отношения – очень сложные. Но понять их легче, исходя не из псевдорациональности «национальных и государственных интересов», а из аналогии со структурами отношений индивидов, знакомыми нам по повседневной жизни.

У России есть «сложности» в отношениях со всеми бывшими республиками СССР. И это – совершенно естественно. Есть реальные «конфликтогенные» проблемы, связанные с необходимостью делить общее советское наследие (например, определить границы в Азовском море). Но эти «конфликтогенные» проблемы осложняются «конфликтогенными» эмоциями. Распад СССР, новой ипостаси Российской империи, к которому Россия психологически не была подготовле-

на, означал внезапное и резкое падение ее статуса и столь же внезапное превращение бывших республик СССР, которые фактически были окраинными частями России, в независимые государства, обладающие равным с Россией статусом. Психологически это – крайне болезненная ситуация, аналогичная внезапному превращению большого начальника в рядового сотрудника. Для бывшего начальника всегда очень трудно выстроить новую систему отношений с бывшими подчиненными. Он может надеяться, что понижение – временное, и он снова вернется к прежнему статусу. У него сохраняются старые привычки командовать. Он цепляется за иллюзии своей значимости и легко становится жертвой тех, кто поддерживает эти иллюзии в обмен на его вполне реальные услуги. В то же время у него развивается подозрительность, ему кажется, что все теперь стараются унижить его, показать ему, что теперь он – никто. И многие бывшие подчиненные действительно рады его унижить, многих возмущают его начальнические манеры, теперь уже не соответствующие реальному положению, многие стремятся избавиться от своей глубоко укоренившейся привычки смотреть на него снизу вверх и компенсируют приниженность, от которой они так и не смогли избавиться, хамством. Эта «модель», я думаю, наиболее адекватно объясняет общую структуру отношений на постсоветском пространстве. Но в каждом конкретном случае отношения – своеобразны. И самые болезненные от-

ношения у бывшего начальника, России, – с одним из бывших подчиненных, Украиной.

Особая болезненность этих отношений связана с их особой близостью. Украина – не просто одна из республик, ранее подчиненных Москве и России, но это – почти Россия, наш самый (наряду с Белоруссией) близкий родственник, «младшая сестра». Метафора-модель «сестер» или «братьев» к нам вполне подходит, если только исходить не из идеала отношений сестер или братьев, а из реальности, в которой отношения очень близких и связанных друг с другом людей могут быть значительно труднее, напряженнее, болезненнее, чем отношения с совсем чужими.

Переяславская Рада не была объединением Украины и России или присоединением Украины к России просто потому, что в XVII веке не было современных понятий наций и национальных государств. Представление о том, что все люди принадлежат к каким-то национальностям, каждая национальность имеет свой язык и свою территорию, а также «право на самоопределение», – значительно более позднее. Оно не могло существовать в обществе, где не было массовой печати и массового обучения грамоте, которые предполагают единый литературный язык, и ответа на вопрос: что это за язык и как он называется. Естественно, что «великороссы», этническое ядро Российского государства, находились в условиях, неизмеримо более благоприятных для превращения в современную

нацию, чем близкие к великороссам, обладающие неопределенным этническим самосознанием («тутейшие») окраинные этнические группы, чей разговорный язык и культура отличались от языка и культуры населения имперского центра. При этом, строя современную нацию, нацию грамотных, русские (великороссы) естественно стремились максимально расширить ее границы. И если бы в XIX веке Россия была более развитой и демократической страной, способной, например, организовать массовое школьное обучение «правильному русскому языку» на всей территории империи или хотя бы на украинских и белорусских землях, украинцев могла бы постигнуть судьба провансальцев и других этнических общностей, растворившихся во французской нации. Идея украинского языка как особого языка и украинцев как особой нации (в конечном счете предполагающая и национальную независимость) возникает относительно поздно, и ее распространение и в конечном счете победа прямо связаны с неудачей «проекта» единой русской нации, включающей украинцев и белорусов. Неудачей, с которой русскому сознанию было очень трудно смириться.

Само появление украинцев, людей, считающих себя членами особой, отличной от русских и равной русским нации, говорящими не на простонародном местном диалекте, но на особом языке, для русского сознания было «историческим недоразумением». В

утверждении этих нации и языка, когда так легко говорить на русском и когда никто не дискриминирует украинцев, а воспринимает их как тех же русских, выделось нечто искусственное, надуманное. Как сказал один русский деятель начала XX века: «Украинцы – не нация и не народность, а одна из русских политических партий». И здесь не надо видеть какого-то особого свойственного русским шовинизма. Даже сейчас и даже нации с громадными демократическими традициями, французам, очень трудно согласиться с тем, что корсиканцы, которых они так и не успели до конца «растворить», – не французский «субэтнос», а нация, и их язык – не диалект, а именно язык.

Большевики, стремясь перетянуть на свою сторону все националистические движения окраин империи, зафиксировали существование украинцев как особой нации и Украины как особой страны, теоретически имеющей равный с Россией статус союзной республики. Но «нормальное» историческое русское сознание и русское отношение к украинцам было прочнее и сильнее, чем интернационализм марксистско-ленинской идеологии. Русское сознание могло признать, что есть такой народ – украинцы, но «не до конца». Если Украина и есть, то только в качестве «младшей сестры» России, неразрывно, навеки связанной с ней со времен приобретшей квазисакральное и «мистическое» значение Переяславской Рады. Как и в Российской империи, в СССР не существовало дискриминации украинцев

как индивидов (подобной дискриминации, например, евреев), поскольку они и не воспринимались как представители особого народа, но любые проявления украинского патриотизма и национализма рассматривались как нечто страшное. В сознании каждого русского имени Мазепа, Петлюра, Бандера до сих пор звучат почти как имена дьяволов.

При подобном отношении русских к украинцам, легкости их принятия как равных (при условии их согласия с ролью «практически русских»), близости украинского и русского языка и культур, относительной неразвитости «высокой» украинской культуры (культура имперского центра и имперской элиты, естественно, выше, чем культура периферии, основанная на «крестьянском» языке) и слабости украинской государственной традиции русификация украинцев в СССР шла легко и быстро. В этой ситуации поддержание «украинскости», спасение от русификации требовали от «национально сознательных» украинцев постоянных волевых усилий. Надо было поддерживать язык, который легко забывался в русской и русифицированной среде, говорить по-украински даже тогда, когда легче говорить по-русски, все время помнить, что ты – не русский. Но у русских это лишь усиливало ощущение «искусственности» украинской нации.

Как русское сознание не приняло и модифицировало раннебольшевистскую идею украинцев как равноправной с другими социалистической нации, так оно не мо-

жет принять до конца новый статус Украины как независимого государства. Распад СССР вообще произошел не по воле русских, их сознательному решению, подобному сознательному отказу англичан от империи, и до сих пор не принят до конца русским сознанием. Но тем более это относится к новому статусу Украины. Даже если он принимается «умом», он не принимается «сердцем». И это естественно. При громадной степени русификации Украины любые шаги на пути национального строительства означают наступление на русский язык, русскую культуру и русскую интерпретацию истории. Если распространяется украинский, значит, отступает русский. Если Мазепа – герой, значит, Петр – палач. А если Бандера – герой, то «за что мы кровь проливали?». И любые проявления государственной самостоятельности Украины, ее устремление в Европу, воспринимаются как стремление уйти от нас, от своих братьев. Все это порождает истерические вспышки, подобные возникшей из-за Тузлы. Придурковатый губернатор, затеявший строительство дамбы, может быть, совершенно искренне считал, что эта дамба – мост дружбы, по которой братья (старшие) хотят прийти к младшим, а те встречают их чуть ли не пулеметами.

Этот комплекс отношений – очень прочен, и нет никаких сомнений, что впереди нас ждет еще много вспышек, подобных вспышке из-за Тузлы. Для того чтобы наши отношения стали «нормальными», нужно время и привычка. Нужна смена поколений и при-

ход к зрелости и власти поколения русских, с детства знающих, что Киев – столица соседнего государства, и украинцев, знающих, что Киев – столица их государства, а Москва – столица соседнего.

Переяславская Рада не была решением украинского народа отныне навеки влиться в русский народ или стать его младшим братом. Но при иных, несостоявшихся вариантах истории (хотя бы просто не будь Первой мировой войны, или произойди она лет на 20–30 позже) украинцы, действительно, могли бы раствориться в единой русской нации (которая сама при этом стала бы иной, чем сейчас). Очевидно, могли быть и другие, противоположные варианты, при которых Украина уже давно была бы независимым государством. Но есть то, что есть. Есть независимая Украина, и в современном мире «переиграть» это уже невозможно. В некоторых аспектах Украина (не отягощенная, как Россия имперским прошлым, мешающим адаптироваться к новой ситуации) развивается быстрее, чем мы. К полноценной демократии она значительно ближе нас. Через какое-то время она станет членом Европейского союза и НАТО. И уплывет окончательно. И есть только один вариант, при котором формула «навсегда вместе» может неожиданно приобрести новый смысл и претвориться в жизнь. Это может произойти, если Россия окончательно отрешится от иллюзии возвращения имперского величия, если она станет демократической страной и тоже когда-ни-

будь войдет в ЕС и НАТО или те структуры, которые придут им на смену. Тогда мы встретимся «по ту сторону» границы, отделяющей развитый демократический мир от сумеречной зоны мира развивающегося и «недоразвитого», и снова будем навеки вместе. Сейчас это выглядит нереальным (для кого – прекрасной утопией, для кого – кошмаром). Но еще лет 15 назад само появление независимой Украины казалось для кого – утопией, для кого – кошмаром.

Новое время. № 6. 8.02.2004

МНЕНИЕ ОБЩЕСТВА О ПРЕЗИДЕНТСКОЙ ВЛАСТИ

Фантастическая ситуация с исчезновением Ивана Рыбкина показала, как общество думает о власти. Мысль, что «неуправляемый» (или управляемый, но не Кремлем) Рыбкин был «замочен в сортире», потому что говорил о тайных капиталах президента, пришла в голову сразу всем. Либеральная пресса скорее осторожно подводила к этой мысли, перечисляя последовательность фактов: заявил, разоблачил, исчез. А кремлевский «политтехнолог» Павловский тут же поспешил подсказать президенту, на кого свалить убийство: «инициатива криминальной группы внутри спецслужб».

Почему же такая мысль сразу овладела умами? Да потому, что в СНГ она – самая простая и естественная.

Президенты стран СНГ, осуществлявшие приватизацию, находились в ситуации, когда практически у них просто не могло не возникнуть нажитых коррупционным путем состояний. Человек, обладающий фактически бесконтрольной властью и никому не подотчетный, распределяет имущество, стоящее миллиарды. Может ли при этом у него в кармане не оказаться хоть одного миллиона?.. Это так же невероятно, как ожидать от директора советского продовольственного магазина, что он не будет приносить домой дефицит-

ные колбасу и шпроты. И осуждать-то его за это трудно. Чтобы в такой ситуации совсем не воспользоваться возможностью, надо быть «блаженным». Но «блаженный» не сможет стать и быть директором советского магазина или постсоветским президентом.

Правда, Путин пришел к власти, когда эпоха приватизации кончилась. Но все равно возможности обогащения у него – грандиозны. Вокруг него просто не могут не толпиться люди, мечтающие его обогатить – деликатно, незаметно, ничего за это прямо не прося. Может быть, он не дает этого сделать. Но это значит, что Ельцин нашел для нас человека действительно уникального бескорыстия.

Раздававшая богатства власть получила возможность контролировать собственников. Она сама запрягала «скелеты» в шкафы олигархам и при проявлении их нелояльности всегда может послать полицию и указать, где «скелет» находится. Сами же президенты у нас безальтернативны и поэтому неподконтрольны. Но они все равно боятся, ибо над ними тоже витают угрозы. Есть Запад, куда Ельцин, обезопасивший себя и свою семью внутри страны, сделав указ о своей неподсудности условием передачи власти Путину, все-таки предпочитает не ездить. И есть угроза, что в политической системе произойдет сбой и возникнет ситуация, подобная ситуации в Грузии, когда новые власти и не хотят привлекать Шеварднадзе к ответственности, но не могут. Поэтому обвинения типа тех,

которые делал Рыбкин, вызывают у президентов крайнее возмущение.

Может ли возмущение президента привести к «физическому устранению» распоясавшегося политика или журналиста, который говорит уж совсем лишнее? Конечно, может. Для этого даже не нужно отдавать приказ – «убить Рыбкина!». Достаточно в узком кругу сказать что-то вроде: «Неужели этот негодяй так и будет клеветать на меня?». И тут же сама собой возникнет «инициатива криминальной группы внутри спецслужб». И даже если враги тебя записывают на магнитофон, как записывали Кучму, когда он говорил, что хорошо бы избавиться от журналиста Гонгадзе, всегда потом можно сказать, что тебе и в голову не приходило, что тебя так истолкуют. В Белоруссии вроде бы именно такая группа по своей инициативе устраняла врагов любимого ею президента. И в Казахстане такие группы орудуют.

Поэтому версия, что Рыбкина убрали за разговоры о путинских капиталах, была более чем естественная, и единственное, что было против нее, – что уж слишком очевидна связь, ведь все сразу об этом подумают.

Жизнь оказалась, как это часто бывает, нелепей, чем логически правильные версии. Рыбкин, слава Богу, просто сбежал от жены в Киев. Всякое бывает. Но трагикомические обстоятельства его исчезновения не так интересны, как реакция на него. Даже рефлекторная реакция преданного власти политтехнолога раскрыва-

ет то, что он о ней на самом деле думает. Власть уважают и любят, но когда пропадает человек, говоривший о ее коррупции, головы сами собой поворачиваются в сторону Кремля и Лубянки. И не потому, что там такие плохие люди, а просто такая у нас система и такое у них в ней место.

Московские новости. 13.02.2004

УДАР В СТЕНУ

Заявления Хакамады, Глазьева и Харитоновы о возможном снятии ими своих кандидатур и отказе от борьбы – это очень мощный удар не только по Путину, но и по всему нашему режиму передаваемой по наследству безальтернативной президентской власти. И это даже не удар, нанесенный президенту его соперниками, которые не сопротивляются, а наоборот, отказываются от бессмысленного сопротивления и той унижительной и комической роли, которая им была предназначена по кремлевскому сценарию, а удар, нанесенный им самому себе. В борьбе, как это прекрасно знает наш президент-дзюдоист, может возникнуть очень опасная ситуация – когда ты собираешь все свои силы, чтобы опрокинуть противника, а противника на том месте, где ты его ожидал, нет. Тогда вся твоя сила обращается против тебя самого. Натиск, который мог бы смять соперника, приводит к тому, что ты сам лежишь на полу. Удар, который может его уничтожить, приходится в стену, и ты ломаешь руку.

Путин в своем стремлении к порядку и стабильности, как он их понимает, шел от успеха к успеху. В 1999 году он добился громадного успеха на думских выборах наскоро созданной в его поддержку партии, в 2000 году – победы в первом туре, в 2003 году – полностью контролируемого им парламента, а в 2004 году он вообще остался без соперников. Создается впечат-

ление, что он даже сам несколько встревожен своими успехами, но сила инерции была такова, что остановиться он уже не может. Сейчас он добился максимальной власти при полном отсутствии каких-либо противовесов. Более того, с отставкой Касьянова, очевидно, в ближайшем окружении президента уже не будет и людей, высказывающих собственное мнение. Дальше идти некуда – дальше начинается зона патологии, Туркменбаши и Ким Чен Ира. Но сила оставшейся без какого-либо противодействия власти, способной смести любого противника, но уже никаких соперников не имеющей, обращается против нее самой. Именно сейчас, на пике своего могущества, режим вступает в стадию саморазрушения.

В поддержке народом президентской власти было два аспекта, два компонента. Один – традиционалистский. Это просто поддержка любой власти, откуда бы она ни взялась (всякая власть – от Бога). Это – то отношение к власти, которое превращает выборы в ритуал присяги. Но просто традиционализм, характерный для наиболее «темных» слоев, не может быть достаточной опорой власти. И этот традиционалистский компонент был неразрывно связан с другим, современным и демократическим, компонентом реального выбора. В 1996 году реальная безальтернативность президентских выборов камуфлировалась и достигалась наличием заведомо неприемлемой большинству, в громадной мере фиктивной, но все же альтернати-

вы. Кто-то голосовал за Ельцина, потому что просто не представляет себе голосования против власти, но большинство поддержавших его думали, что совершают трудный выбор меньшего из зол. Даже в 2000 году присутствовала некая квазиальтернатива, люди голосовали за «не Ельцина», за перемены. И именно это наличие хотя бы псевдо- и квазиальтернатив придавало власти легитимность, ибо власть, вообще не основанная на выборах, не исходящая от народа, в нашу эпоху – нелегитимна. Даже советская власть не могла отказаться от стопроцентно безальтернативных, но все же – выборов, и ее упадок и гибель были непосредственно связаны с тем, что иллюзия происхождения власти из выборов, из народного волеизъявления исчезла полностью и окончательно. Успехи Путина как раз и ликвидируют этот «буквальный», демократический компонент выборов. Уже нет не только альтернатив, но и псевдоальтернатив и квазиальтернатив. Остались лишь пустой ритуал и единственная проблема – как заманить людей на избирательные участки все же выполнить этот бессмысленный ритуал и, если необходимое число не явится, как сделать так, чтобы в урнах все равно оказалось нужное число бюллетеней. Но такие выборы не могут дать легитимности. Стремясь ко все большей безальтернативности и управляемости, власть перешла черту, за которой самообман избирателей уже невозможен, и вступила на путь своей делегитимизации.

Делегитимизация власти будет идти не только внутри общества, но и на международной арене. Никого особенно демократия в России не волнует. Современный российский режим пока что полностью всех устраивает (энергоносители поставляет, порядок поддерживает, помогает в борьбе с терроризмом). Поэтому Запад готов закрыть глаза на многое. Но как для российских избирателей, так и для «мирового сообщества» есть рамки, за которыми самообман становится невозможен. Называть сейчас Россию страной если не демократической, то идущей к демократии, различные несовершенства политической системы которой связаны с «трудностями роста», уже нельзя. Выборы 2004 года выходят за «рамки приличия». И сказать «мой друг Путин» о президенте, избранном вообще без соперников, становится «неприлично», а присутствие такого уж слишком «безальтернативного» президента в разных «восьмерках» – неуместно. Выборы без альтернативы означают начало движения в сторону «изгойства».

Лишившаяся легитимности власть может какое-то время существовать по инерции и опираясь просто на силу. Но такая власть обречена. У нее как бы исчезает иммунитет, она становится «хрупкой», и через некоторое время она гибнет от первого кризиса, как это произошло с имевшей неизмеримо больший, чем теперешний режим, запас прочности, но утратившей легитимность советской властью.

Все режимы «безальтернативной власти» рано или поздно утрачивают легитимность и приходят к краху. Но это – рано или поздно, а наш режим не такой уж старый – ему бы еще жить да жить. В ряде восточных стран цепочка передаваемых по наследству президентств – достаточно длинная. И Путин вполне мог провести в этом году выборы, безальтернативность которых не слишком бросалась бы в глаза, за следующие четыре года подобрать преемника и в 2008 году спокойно передать ему власть. Кризис все равно пришел бы, но уже при этом преемнике или даже позже. Но наш президент и его окружение стали как-то уж слишком увлеченно и успешно перепиливать сук, на котором они сидят. Так что, пожалуй, все может произойти и раньше.

Московские новости. 27.02–4.03.2004

МОСКВУ НЕ ЖДУТ ОБЪЯТИЯ НИ НА ВОСТОКЕ, НИ НА ЗАПАДЕ

Громадная мощь России в прошлом, совершенно несоизмеримая удельному весу русских в человечестве, была связана с действием двух важнейших факторов. Во-первых, это – культурный и технологический рывок западного мира, к которому Россия смогла подключиться значительно раньше своих южных и восточных соседей. В результате целую историческую эпоху Россия могла проводить экспансию на юг и восток, не встречая серьезного сопротивления. Эта эпоха, когда европейские народы могли господствовать над громадными народами Востока и Юга, закончилась с распространением европейских достижений на неевропейский мир и никогда не вернется. Во-вторых, это коммунизм, создававший для России преданных союзников и добровольных слуг по всему миру. Коммунизм тоже никогда не вернется. С распадом СССР, который был одновременно и последней империей европейского народа-завоевателя, и коммунистической империей, где Россия играла роль «ядра», Россия вступила в эпоху, когда ее относительный вес в мире не только сразу же резко уменьшился, но и в дальнейшем может только уменьшаться.

Дальнейшее относительное ослабление России будет продолжаться, даже если мы будем успешно развиваться, догоняя по уровню развития передовые

страны. Ибо в основе его – не собственно наше ослабление, а неизбежное усиление других.

Распространение западной цивилизации означает относительное ослабление западных стран, утрату ими их преимуществ. Это относится не только к России. Сейчас нужно историческое воображение, чтобы представить себе ситуацию, когда крохотные Нидерланды могли господствовать в Индонезии, а горстка англичан – завоевывать Индию. Соседи с Востока и юга России, которых сто лет назад можно было просто не учитывать, как факторы силы, становятся все более сильными современными нациями. Прежде всего – это, конечно, стремительно развивающийся Китай, догоняющий нас по уровню развития значительно быстрее, чем мы догоняем европейские страны. Китай уже сейчас – страна более сильная, чем мы, а в перспективе соотношение мощи Китая с нашей мощью должно стать не меньше, чем соотношение численности населения – приблизительно 10 к 1. На Востоке вырастает гигант, противостоять которому в одиночку в случае какого-то конфликта мы не можем. А такой конфликт, хотя и маловероятен, но не полностью исключен – Китаю еще предстоит пройти через ломку коммунистической системы, а такие кризисы часто сопровождаются вспышками агрессивности.

Такой же гигант вырастает на Западе в виде неуклонно расширяющейся и неуклонно интегрирующейся Европы. Успешно развивающаяся Россия может теоретически стать сильнее любой европейской страны, но

она принципиально не может стать равной по силе объединенной Европе. Если даже мы сможем когда-нибудь самостоятельно достигнуть средневропейского уровня развития, это будет значить только то, что Россия будет в несколько раз слабее Европейского союза, население которого уже сейчас в три раза больше нашего. Не говоря уже о военной силе НАТО. Между тем несомненно, что и НАТО, и ЕС будут расширяться и дальше. Расширение Европы идет почти как естественный процесс, даже независимо от желания европейцев. Так, никто особенно не стремится принимать Турцию. Но Турция столько сделала для того, чтобы соответствовать европейским нормам, и вытерпела столько унижений в европейской прихожей, что отказать ей в приеме уже нельзя. И когда Молдова и Украина будут соответствовать европейским нормам, им тоже никто не решится отказать, нарушив сделанные ранее обещания.

Граница объединяющейся Европы с каждым годом становится ближе к России, которая постепенно окатывается «зажатой» между двумя успешно развивающимися супергигантами.

Такое положение – даже если эти гиганты миролюбивы и дружелюбны – неудобное и опасное. Это – положение буфера между Западом и Китаем, которым было бы неудобно соприкоснуться между собой. И положение санитарной зоны между преуспевающей и спокойной Европой и непредсказуемым миром южных мусульманских стран. Но страна-буфер и санитарная зона – это страна, интересами которой всегда можно

пожертвовать. Ее проблемы – не твои проблемы, ее конфликты – не твои конфликты.

Кроме того, как бы ни старались, даже искренне, европейцы снизить для нас негативные эффекты своего объединения, их просто не может не быть. Ведь они для того и объединяются, чтобы вместе достичь более успешного развития, уничтожив мешающие ему перегородки, но укрепляя общую стену, отгораживающую их от остального мира. И как объединение должно способствовать развитию, так неучастие в этом объединении становится фактором отставания. К роли буфера и санитарного кордона добавляется роль поставщика энергоресурсов.

Такая ситуация фактически уже возникла, и чтобы она закрепилась, ничего вообще делать не надо. Все происходит само собой с неизбежностью природных процессов. Единственный путь избежать этой ситуации (вернее, даже не избежать, а выйти из нее) – это самим войти в западные структуры («войти» в Китай мы не можем), утратив значительную часть суверенитета, но получив за это безопасность, резкое расширение перспектив развития и право голоса в решении общих проблем. Вместо того чтобы пытаться слабо сопротивляться наступающей на нас силе, самим стать частью этой силы.

Какие же препятствия стоят на нашем пути на Запад? Они – громадны и многообразны, но их можно в основном поделить на три группы.

Во-первых, у нас самих пока нет такого устремления. Хотя характерные для начала 90-х годов закли-

ния «Россия была, есть и будет великой державой» уже слышны не так часто, мы еще не осознали окончательно новой реальности и в значительной мере живем образами прошлого и России, как «центра силы». Но где-то через 20 лет реальность станет настолько очевидной, что закрыть на нее глаза будет уже невозможно. Тогда и устремление возникнет.

Во-вторых, и на Западе пока нет ни малейшего стремления принять Россию. Роль России как буфера, санитарного кордона и поставщика энергоресурсов полностью всех устраивает. Кроме того, хотя по сравнению с ЕС или Китаем Россия – не такая уж большая страна, она – достаточно большая, отсталая и с очень сложным геополитическим положением, чтобы кто-то на Западе мог захотеть взвалить на плечи непомерную работу по ее интеграции. Дай Бог переварить уже принятые и почти принятые в ЕС и НАТО страны. Западу даже выгодно поддерживать наши идеи об особом пути и особой роли и повторять, что Россия сама в ЕС не хочет и что ей это и не нужно. Но опять-таки, когда лет через 20 новые члены ЕС будут уже «переварены», ЕС станет еще сильнее и больше, Россия по численности населения станет даже несколько меньше, а степень готовности этого населения принять европейские формы жизни будет несколько больше, интеграция России станет задачей все равно непомерно трудной, но все же менее трудной, чем сейчас. Тогда вопрос «Что делать с Россией?» перейдет в плоскость реальных политических решений. И если Европа не

может закрыть дверь перед Турцией, то она не сможет закрыть дверь и перед стучащейся в нее Россией.

Третье – это самое главное. Для интеграции в Европу недостаточно ни просто нашего желания, ни даже желания европейцев. В Европу может войти только совместимый с европейской организацией общественный организм. Но наш организм идеально соответствует роли государства-буфера, но не роли государства – члена ЕС. Страна, где правят безальтернативные президенты, передающие власть по наследству, где не только оппозиция не может прийти к власти, но ее уже и вообще нет, где фактически нет разделения властей и правосудие в значительной мере – «басманное», просто не может войти в принципиально иначе организованную систему. Это – самое основное препятствие. Но российское общество развивается, и, опять-таки, лет через 20 рамки теперешнего политического режима станут ему тесны. При всех наших особенностях и при всех «задержках развития» общее движение к демократии будет идти и у нас, и кризис теперешней системы, стремление выйти из нее и создать нормальную, не «управляемую» демократию, неизбежны.

Очень вероятно, что в будущем наложатся во времени друг на друга три кризиса. Во-первых, это кризис нашего перехода к демократической политической системе. Во-вторых, это кризис, связанный с ломкой нашего внешнеполитического «самосознания», с принятием курса на интеграцию в Европу. Третий кризис – не наш. Это кризис западных струк-

тур, связанный с необходимостью для них принять решение кардинальной важности – остановиться ли перед Россией, приняв принципиальное решение – «Ни шагу вперед!», или все-таки оставаться открытым сообществом и взять курс на интеграцию и России.

Но если эти кризисы наложатся друг на друга, они могут не усложнить, а облегчить участь «больного». Желание войти в Европу может усилить стремление стать демократической страной, и наоборот, стремлению к демократии может способствовать желание выйти из роли «буфера» и войти в Европу. Тем более, если оба эти стремления совпадут со встречной готовностью Европы все-таки взвалить на свои плечи тяжелую работу по оказанию России помощи в переустройстве и подготовке к вступлению в западные структуры.

Россия как нормальная демократическая европейская страна, часть объединенной Европы сейчас выглядит прекраснодушной утопией. Но это – значительно меньшая утопия, чем утопией было где-то в году 1970-м падение коммунистической системы и распад СССР.

Независимая газета. 31.05. 2004

ЛЮБОЙ ПУТЬ ВЕДЕТ В КАТАСТРОФЕ

На фоне страшных событий последнего времени говорить о провале путинской политики в Чечне, и не только в Чечне, – ломиться в открытую дверь. Вряд ли найдется много людей, которые станут утверждать, что политика, результаты которой прямо противоположны поставленным целям, – верная.

Но наши беды – не от того, что у нас – плохой президент, ведущий плохую политику. Путин – не глупее и не хуже других. Все мы не святые и не мудрецы. Политика у него – безусловно, неверная. Но одно дело – видеть, что эта политика – неверна, и совсем другое – претендовать, что ты знаешь, какая – единственно верная. Мы имеем дело с бесконечно сложной реальностью, и найти в ней правильный путь и вообще избежать ошибок, неудач и провалов на месте Путина не смог бы никто. Конечно, ошибки политиков – это гибель и страдания многих людей, но такова особенность этой профессии, а ошибки все равно неизбежны.

Ужас нашей ситуации – не в том, что президент наделал ошибок, а в том, что в системе, где власть не имеет альтернативы, любая ошибка тоже становится безальтернативной и неисправимой. Одна ошибка влечет за собой другую, они аккумулируются, и из них складывается путь, ведущий к катастрофе.

Человеку очень трудно сказать – я совершил глупые и подлые поступки, и по моей вине погибли и

еще погибнут тысячи невинных людей. И даже требовать этого нельзя. Что ему после этого – кончать самоубийством или в монахи идти? Психологически человек с таким бременем прошлых решений, какое лежит на Путине, может идти только вперед. И чем дальше, тем труднее ему свернуть с избранного пути. Путин мог не допустить войны в Чечне. Когда она только началась, он еще мог ее остановить, договорившись с Масхадовым. Даже уже заняв Чечню войсками, он еще мог допустить в Чечне, например, относительно свободные выборы. Вообще он много чего мог – и в Чечне, и в России. Но сейчас он уже не может ничего.

Но в том-то и суть демократии, что ошибки одних исправляют другие. Правители заводят общество в тупики, но общество, если оно – свободное, нормальное общество, выходит из этих тупиков, приводя к власти других политиков, предлагающих свою альтернативу. Американцы во Вьетнаме зашли в тупик очень далеко. Но – вышли. И если они решат, что оказались в тупике в Ираке, – сменят президента и политику и уйдут из Ирака. Демократическое общество не зависит от неизбежной интеллектуальной и моральной ограниченности своих правителей и от их ошибок. Его успешное движение вперед идет не по прямой и единственно верной дороге (таких дорог вообще нет), а через серию движений, каждое из которых заводит или слишком «влево» или слишком «вправо».

Но режимы, подобные нашему, устроены так, что альтернативы в них уничтожаются. И чем дальше, тем больше. Ельцин хоть немного коммунистов боялся. Путину можно не бояться ничего и никого. И даже возражать ему уже никто не решается. Но освободившийся от соперников и оппонентов правитель сам попадает в полную зависимость от избранного им пути. Его уже «с пути не свернешь». А в политике любой путь, с которого нельзя свернуть, – путь в тупик или пропасть.

Путин идет по своему пути, а нам ничего не остается, как тащиться за ним и стоически или тупо принимать последствия его политики. Сам Путин, война в Чечне, разгул террора, фантастические действия спецслужб (раньше они умудрялись выпустить боевиков из окруженного села, сейчас они смогли выпустить их из одного окруженного здания школы) – все это воспринимается нами, как элементы не зависящей от нас и «безальтернативной» реальности. Как наши деды принимали Сталина и его политику, а наши отцы, да и мы сами – Брежнева.

В 1991 году нам казалось, что мы принципиально изменились. Но мы, если и изменились, то не принципиально. Мы создали систему, в которой воспроизвелся основной принцип советской системы – безальтернативная власть, ведущая безальтернативную политику. Со всеми последствиями такой политики и такой системы.

Ругать Путина – бессмысленно. Он почти ни в чем и не виноват. Систему создал не он, и даже не Ельцин, а мы сами. Но осознать, что наши беды проистекают от нас самих, от нашего неумения быть свободными – залог того, что по пути умножения преступлений и ошибок мы не зайдем уж слишком далеко, а когда теперешний режим придет к своему неизбежному концу – не создадим еще один подобный же.

*Московские новости. Специальный выпуск.
05.09.2004 (и следующий номер), Беслан*

ВОЖАТЫЕ В «МИНИСОЦЛАГЕРЕ»

В Украине и Абхазии сейчас разворачиваются похожие процессы. В обеих странах к власти могут прийти оппозиционные кандидаты, и в обеих внутренняя борьба приобретает «геополитическое» значение. Оппозиционный кандидат в Украине – «прозападный», кандидат от партии власти – «пророссийский». В непризнанной Абхазии, отделившейся от Грузии с помощью российской армии, политик не может быть антироссийским, но и здесь лидер оппозиции, в отличие от кандидата «партии власти», говорит, что Абхазия не может войти в Российскую Федерацию. В обоих случаях Россия делает все, что в ее силах, чтобы не допустить победу оппозиции.

Нечто похожее мы видели уже много раз. Всегда, когда или оппозиция в странах СНГ поднимается против правящих режимов, или сами президенты стремятся как-то упрочить и пролонгировать свою власть или передать ее назначенным ими доверенным преемникам, Москва приходит на помощь властям, а оппозиция ищет поддержку на Западе. В СНГ сложилась ситуация, когда быть в оппозиции означает быть прозападным и антироссийским. А в российских СМИ создан образ СНГ как осажденного Западом лагеря, где действуют агенты врага – оппозиционеры.

Все это выглядит как-то очень знакомо. Ведь схожая ситуация была и в «соцлагере». Он также рассма-

тривался как осажденная западными силами крепость. В нем тоже действовали пособники западных врагов. (Ющенко и Саакашвили – что-то вроде Дубчека и Валенсы). Россия (тогда – СССР) также оказывала попавшим в трудное положение режимам «интернациональную помощь».

Мы как бы имеем дело со старым мифологическим или эпическим сюжетом, ставшим основой нового романа или новой пьесы. В новом его воплощении он стал приземленней и реалистичней. Это уже не всемирная борьба мира социализма и мира капитализма, а лишь борьба за контроль на постсоветском пространстве. Мы уже не посылаем на помощь армии, а лишь посылаем десанты актеров и политехнологов и в нужный момент оказываем, как Януковичу, экономическую поддержку. И оппозиционеров – диссидентов уже не сажают в тюрьмы, а если и сажают, то не всех и по экономическим обвинениям. На первый взгляд старый сюжет можно и не узнать. Но если приглядеться – сюжет тот же.

Почему же этот сюжет так устойчив и «других сюжетов у нас нет»? Ведь вроде бы с 1991 года изменилось все. Коммунизм пал, все страны СНГ провозгласили своей целью создание демократических и рыночных обществ. Более того, мы вроде бы даже союзники с Западом в борьбе с общей угрозой исламистского терроризма. Почему же мы вновь боремся с Западом и его агентами в каждой стране СНГ? По-

нятно, что отстаивал СССР в Польше или Чехословакии – «реальный социализм». Но что отстаивается сейчас в Украине или Абхазии?

Изменилось, действительно, многое. Но самое важное осталось неизменным. Во всех странах СНГ (за исключением Молдовы) созданы политические режимы «имитационных демократий», обеспечивающие «безальтернативность» власти президентов. Во всех наших странах конституции – лишь орудия этой безальтернативной власти, которые легко отбрасываются, если перестают быть удобными. Во всех демократические политические формы прикрывают вполне авторитарное содержание. И это сохранение (или воссоздание) основного принципа организации власти и сохранение в СНГ единого информационного пространства, где доминирует русский язык, и воссоздадут ситуацию «осажденного лагеря».

Падение одного из «безальтернативных» президентов и переход к не «имитационной» демократии в любой из стран СНГ неизбежно создаст «демонстрационный эффект» и может привести к дестабилизации в других странах. Поэтому правители СНГ, во главе, естественно, с президентом «главной» страны, России, стремятся не допускать оппозицию к власти не только у себя, но и во всех «братских республиках». Как Пражская весна 1968 года была страшна не столько сама по себе, сколько как пример, как источник болезни, которая может проникнуть повсюду и даже

в сердце соцлагеря – в СССР, так победа в Украине Ющенко страшна прежде всего как пример для других народов и для самой России.

Как и во времена соцлагеря, картина СНГ, осажденного западными силами, в значительной мере является мифологической. Запад опасен для нас, как он был опасен для мира социализма, прежде всего примером, а не своими действиями. Конечно, Запад «теоретически» хочет установления демократии в недемократических странах. Но это такое же абстрактное желание, каким в свое время было желание падения коммунизма. В противостоянии с «миром социализма» Запад всегда предпочитал стабильность перспективам установления демократии в какой-либо из стран соцлагеря. Также и сейчас для западных правительств стабильность и поставки энергоресурсов значительно важнее перспектив перехода стран СНГ к демократии. Как в свое время Запад не поддержал ни венгерскую, ни чехословацкую революции, так и в наше время он реально никак не помог ни азербайджанской, ни армянской, ни казахской оппозиции. Но западные правительства, хотя бы в силу зависимости от общественного мнения своих стран, не могут уж совсем не реагировать на подтасованные выборы и референдумы, на аресты политических противников по ложным обвинениям, на установления контроля над СМИ и другие проявления жизнедеятельности режимов безальтернативной власти. Так же, как раньше они не могли не осуждать

подавления чехословацких демократов и не предоставить им хотя бы убежище в своих странах.

Реально режимы соцлагеря подтачивались не столько извне, Западом, сколько изнутри, силами, порождаемыми естественным развитием обществ. И сейчас режимы «безальтернативной» власти в странах СНГ подтачиваются естественной эволюцией наших обществ. Но как для коммунистической власти психологически и идеологически признание этого было невозможно, так и теперь это невозможно признать нашим «безальтернативным» президентам. Психологически легче бороться с опасностью извне, чем с последствиями естественного внутреннего процесса.

На пространстве СНГ с коммунистических времен многое изменилось. Но основные принципы организации власти и принципы, на которых основывается единство нашего пространства, остались прежними. Поэтому за новой формой проглядывает старый сюжет. Но этот сюжет имел свой логический финал. И его повторение никакого другого финала иметь не может.

Новая газета. № 80. 28.10–31.10.2004

2005

НЕЧИСТЫЕ ПОЛИТИЧЕСКИЕ СИЛЫ

Как показывают опросы «Левада-центра», страхи нашей власти, что «оранжевая революция» может перекинуться на Россию, – необоснованные. Сочувствуют этой революции только 9% россиян. И это отсутствие сочувствия связано с тем, что подавляющее большинство у нас не верит объяснению революции, которое дают сами ее участники – возмущением манипуляциями власти на выборах. С тем, что нечестные выборы – причина украинской революции, согласны только 12% россиян, зато 59% видят ее причину в происках Запада и борьбе украинских олигархических кланов.

Это соотношение разных объяснений украинских событий в массовом сознании приблизительно соответствует их соотношению в российских СМИ, что, в свою очередь, приблизительно соответствует степени зависимости СМИ от Кремля. Возникает картина эффективной кремлевской пропаганды и легко манипулируемого народа – президент дает понять, какая точка зрения ему близка, послушные СМИ бросаются ее развивать и распространять, а простодушный народ верит. Но я думаю, что это – очень упрощенная картина. Реальность значительно сложнее.

В новейшей истории нашей страны – множество примеров того, как массированная пропаганда не срабатывает, отторгается народным сознанием (вспомним

хотя бы пропаганду «выбороссов» в 1993 г). Эффективность нашей пропаганды относительно украинской революции связана с тем, что аудитория наших СМИ сама уже смутно предполагала то же, что ей стали говорить представители власти и разные комментаторы, и была рада, что ее догадки подтверждают умные и информированные люди. При этом власть и комментаторы не ощущают себя «манипуляторами» – они говорят то, что реально думают, а это всегда – убедительно. Наша властная элита – это не какое-то замкнутое сословие, чье сознание может радикально отличаться от сознания простого народа. Это – обычные люди с обычным «средним» сознанием (сейчас – значительно более обычные, чем в эпоху раннего Ельцина). Материальные интересы и заботы элиты очень отличны от народных, но стиль мышления и картина мира, существующая в сознании президента и его соратников, не отличается принципиально от картины, существующей в массовом сознании. И эффективность теперешней пропаганды связана с тем, что власть и народ думают очень схоже и говорят на одном языке. Что же это за язык и какую картину мира можно увидеть за высказываниями и властных фигур, и политических аналитиков, и рядовых респондентов опросов относительно украинских событий?

Мы видим, что объяснение этих событий, которое дают сами участники «оранжевой революции», отвергается с порога и даже не рассматривается. Оно ка-

жется наивным, поверхностным, несерьезным. Наше сознание стремится проникнуть за поверхность событий, докопаться до их «сущности». И здесь есть некоторое внешнее сходство с научным мышлением. Для научного анализа ответ участников революции, что они восстали против фальсификации итогов выборов, разумеется, тоже недостаточен. Он – не конец, а отправная точка анализа. Он сразу же вызывает серию вопросов. Как и почему сложилась система, при которой власть идет на фальсификацию, почему при аналогичных фальсификациях, украинцы восстали, а например, белорусы – нет. И т.д., и т.п. Но принципиальным отличием нашего сознания от научного является то, что у нас все такие вопросы сразу же подменяется одним: «кто за этим стоит?». За любыми массовыми действиями, для самих их участников объясняемыми простыми и понятными в той или иной мере идеалистическими мотивами, мы склонны искать каких-то реальных и тайных игроков-«кукловодов», руководствующихся исключительно властными и материальными интересами. Объяснить сербскую, грузинскую, украинскую революцию для всех нас (от президента до простого телезрителя) – это значит указать на американского посла, работавшего сперва в Белграде, а потом – не случайно же – переправившегося в Тбилиси, на Сороса и т.д. И хотя это совершенно ничего не объясняет (зачем, например, ЦРУ убирать прозападного Шеварднадзе – совершенно непонятно), в нашем

сознании при таких указаниях на «тайные пружины» и «тех, кто за этим стоит», возникает иллюзия понимания. Откуда же эта особенность нашего сознания?

В какой-то мере, я думаю, здесь – влияние советского марксизма, значительно более глубокое и всеобъемлющее, чем мы подозреваем. При всем нашем марксистском историцизме в советском анализе всегда присутствовала теория заговора. Если за идеологией скрываются материальные интересы, а за формально правовыми и демократическими институтами – власть монополистической буржуазии, значит, надо искать комнату, где монополисты обсуждают, как дурить народ и где они делят «баснословные барыши».

Но у этого мышления есть и более глубокие пласты. Сама эта советская картина мира была усвоена потому, что она легла на сознание народа, который никогда не выбирал власть, который знает, что всегда решал – не он, а кто-то за него, и убежден, что так и у всех народов, иначе и быть не может. Это – додемократическое и досовременное сознание. И у него есть еще более глубокие архаические корни. Для древнего мышления характерны поиски каких-то субъектов, стоящих за непонятными естественными процессами. Мы объясняем украинскую революцию происками ЦРУ, а грузинскую – средствами Сороса так же, как древние люди болезнь объясняли порчей, эпидемию – колдовством, а движение солнца по небу – тем, что его толкает жук-скарабей.

Элементы такого мышления есть и на Западе, но они давно уже не занимают здесь доминирующего положения. Поэтому для современных западных наблюдателей многие высказывания наших деятелей необъяснимы («Неужели Путин действительно может думать, что на Западе хотят расчленить Россию?») и списываются на «загадочность русской души». Но на Западе просто забыли, как умные люди объясняли Французскую революцию заговором масонов, а рабочие волнения и восстания в колониях – действиями агитаторов Коминтерна.

В силу особенностей нашей истории наш «менталитет», во всяком случае, в отношении объяснения социальных и политических реалий, – глубоко архаичен. И для вхождения в современный развитый мир нам надо менять не только институты, но и «поддерживающую» эти институты систему мышления. Как от нее отходят наши украинские братья, прокладывающие путь в современный мир и для себя, и для нас.

Новая газета. № 1. 10.01–12. 01. 2005. С. 8.

ЧЕРНЕНКО НЕ ЗА ГОРАМИ

То, что обычно называется «ошибками» и «просчетами» нашей власти, вполне можно назвать и просто глупостью. Власть делает одну «ошибку» за другой – и в Украине, и с монетизацией льгот, и вообще везде. Она стремительно деградирует.

Что же происходит? Почему «верхи» делают одну глупость за другой? В нашей политической системе, в которой все зависит от президента, любой его просчет и ошибка тут же закрепляется и увеличивается его окружением. Если президент скажет какую-то глупость (а от этого не гарантирован никто), то зависящий от него и стремящийся сделать карьеру назначенец будет с ней соглашаться и ее развивать. Даже если он сам при этом – очень умный и все понимает правильно, его ум в том и будет заключаться, что он его глубоко спрячет. Но характер социальной мобильности в нашей политической системе делает само появление умных президентских назначенцев все менее вероятным.

Мобильность в бюрократической иерархии (а вся наша иерархия все более становится бюрократической, у нас даже олигархи назначаются и снимаются) определяется тем, что карьера зависит от воли начальства и, в конечном счете, – от воли высшего начальства, президента. Каковы же критерии выдвижения в такой иерархии? Любой начальник стремится окружить себя

людьми, удобными для него и с кем ему легко и приятно работать. Поэтому никто не будет делать своим заместителем или близким сотрудником человека, который может выдвигать какие-то свои идеи, отличные от идей начальника, и их отстаивать. Это – совершенно естественно и даже правильно, власть – это «команда», и она должна работать слаженно. Нельзя, например, порицать Путина за то, что он снял Касьянова и Илларионова, не согласных с его действиями в отношении «ЮКОСа» и не скрывавших это несогласие. Но это же означает, что начальник, даже если у него нет подавляемой неуверенности в себе и комплекса неполноценности, и он не боится ярких и умных людей, все равно не будет делать таких людей своими непосредственными подчиненными и заместителями. Вообще они могут ему даже нравиться, но «на расстоянии». Любой начальник естественно стремится создать себе окружение из людей, которые признают его не просто формальным, но и интеллектуальным и моральным лидером, то есть людей, которые интеллектуально ниже и психологически слабее его.

Эта ситуация усугубляется, если положение самого начальника – не гарантировано. Если начальник сам зависит от других начальников и его могут сменить, то, кроме естественного стремления иметь свою слаженную команду, у него возникает и другое стремление – не допускать рядом с собой людей, которые могут его «подсидеть». Бюрократическая мобильность –

это систематическое выдвижение наиболее «слабых», «дарвинизм наоборот».

Однако бюрократическая мобильность «по определению» не может распространяться на вершину иерархии. В демократических обществах властные позиции в бюрократии занимают люди, выдвинутые совершенно иначе – народными выборами. В монархических она ограничена тем, что сам монарх – вне этой системы выдвижения. У народов и монархов, во всяком случае, нет оснований слишком бояться умных и ярких министров, и ни в монархии, ни в демократии механизм систематического выдвижения все менее ярких не действует.

В СССР бюрократический принцип мобильности действовал почти безгранично. Хотя генсек избирался практически пожизненно, избирался он узким кругом Политбюро, члены которого не стремились поставить над собой самого сильного и яркого из своих соратников. Выбирался всегда тот, кто казался слабее (Сталин, а не Троцкий, Хрущев, а не Берия). Да и сам генсек не ощущал себя совершенно независимым от Политбюро и обладающим властью принципиально иного происхождения. У генсеков, особенно после свержения Хрущева, были основания побаиваться своих соратников и стремиться, чтобы слишком умные в Политбюро не попадали. Результатом почти неограниченного действия бюрократического принципа мобильности в течение 70 лет было то, что если в начале советского режима во главе страны стоял такой чело-

век, как Ленин, то в конце встал такой, как Черненко. Ленин – Сталин – Хрущев – Брежнев – Черненко – это закономерные стадии эволюции, естественного отбора. И только в самом конце, когда маразм достиг максимальной степени, механизм дал сбой – последним генсеком все же стал Горбачев.

Система, которая возникла у нас после 1991 года, в этом, как и во всех отношениях, все больше напоминает советскую. Когда «харизматик» и «революционер» Ельцин решил уйти на покой и найти наследника, он стремился найти человека, от которого, прежде всего, можно было ожидать, что он не будет преследовать его и его семью (судьба Березовского вряд ли его волновала). Человека упорядоченного и организованного, но не «харизматика» и не имеющего каких-то своих «дестабилизирующих» идей. Однако Ельцин все же не искал кого-то, кто очевидно интеллектуально слабее его – уходящий на покой человек уже не боится, что его «подсидят». Механизм систематического выдвижения слабых только начал работать. При Путине, отставка которого или будет очень не скоро, или же будет совсем другой, чем отставка Ельцина, механизм заработал во всю мощь.

Впереди у Путина – полная неопределенность 2008 года, когда ему или придется менять конституцию, чтобы все-таки остаться править и дальше, или поставить декоративным президентом какую-то удобную фигуру и править уже как премьер. Это будет сложная, критическая ситуация, и ему очень нужно, чтобы в этот момент рядом с ним не оказалось никакой слиш-

ком яркой и самостоятельной фигуры. Замена Касьянова Фрадковым была не только заменой несогласного члена команды на согласного, но и заменой члена команды, который теоретически мог бы сыграть в этой критической ситуации самостоятельную роль и стать соперником, на человека, который не может играть такой роли даже теоретически.

В нагромождении ошибок и просчетов власти, ее все большей беспомощности проявляется закономерный в нашей системе процесс деградации иерархии, мобильность в которой определяется способностью подчиняться, признанием превосходства начальника и безопасностью для него. «Харизматический импульс», заданный революцией 1991 года, был неизмеримо слабее, чем импульс революции 1917 года. Ленин был гигантской фигурой, и путь от Ленина до Черненко занял 70 лет. В 1991 году мы начали не с Ленина, а с Ельцина, и похоже, что насколько несопоставимы эти фигуры, настолько же короче будет наш путь. Черненко не за горами. Он уже виден. Вглядывайтесь в лица, вслушивайтесь в речи.

Новая газета. № 13, 21.02–23.02. 2005. С. 10.

ПРЕДОХРАНЯТЬСЯ БЕСПОЛЕЗНО

Реакция глав стран СНГ на грузинскую и украинскую революции похожа на реакцию Екатерины II на Французскую революцию или Николая I на революцию 1848 года. Сначала – ужас, во многом иррациональный, ибо как у царей не было реальных оснований бояться, что буржуазные революции перекинутся на общество, где и буржуазии-то не было, так нет оснований бояться, что украинская революция может перекинуться в Россию или Узбекистан, где нет ни оппозиционной организации вроде «Нашей Украины», ни лидеров вроде Ющенко. Но как цари быстро переходили затем к мысли, что главное – беречься от революционной агитации и попыток подорвать основы самодержавия, и тогда им ничего не грозит, ибо русский народ любит царей, так и наши президенты быстро перешли от страха к оптимизму. И. Каримов говорит, например, что в Украине в народе было желание перемен, а в Узбекистане такого желания у народа нет. Кроме того, Кучма не следил за своими оппозиционерами и НПО, а он следит и ничего подобного не допустит. А. Акаев говорит, что у Кучмы был низкий рейтинг, а у него – высокий, а особенно – у молодежи. И. Алиев тоже говорит, что народ его любит, а оппозиция в Азербайджане – жалкая кучка неудачников. Нечто похожее говорит и Лукашенко, но с упором на зловредную роль Запада. В общем, все говорят приблизительно одно и то же.

Этот переход от во многом иррационального отождествления себя со свергнутыми президентами к такому же необоснованному отрицанию всяких аналогий с ними похож на реакцию пожилых людей на известие о смерти их знакомого. Сначала – ужас. Ведь я его недавно видел, и он был таким же живым, как я сейчас. Неужели и со мной будет то же самое? Но тут же эти мысли гонятся прочь. Нет, у меня – все иначе. Сознание преобразует страшную неизбежность в случайность, в которой умерший чуть ли ни сам виноват – «Сколько ему говорили, что надо беречься!».

И ужас, что революции могут быстро перекинуться в другие страны, и уверенность, что нужно только «беречься» и все обойдется – одинаково иррациональны. Из того, что в Украине революция произошла на рубеже 2004 и 2005 годов, не следует, что в России и Узбекистане она произойдет в 2005 году. Революции в Грузии и Украине связаны с факторами и обстоятельствами, характерными именно для этих стран. Но из этого также не следует, что российский и узбекистанский режимы вечны. Наш знакомый умер от гриппа, а у нас, слава Богу, гриппа нет. Но это не значит, что мы вообще не умрем. Уж на что мощные основания были у советской власти. Но прожила она 73 года. Наши режимы «безальтернативных» президентов, передающих власть назначенным ими преемникам, значительно более «хлипкие», а 13 лет уже прошло.

Российские самодержцы из западных революций сделали вывод: надо «беречься». Они действительно оттянули конец самодержавия. Но этим они добились, что власть досталась не милюковым, а большевикам, и их потомки погибли в подвале ипатьевского дома. И если Туркменбаши всех своих оппозиционеров пересяжал, это не значит, что ему или тому, кого он назначит в преемники, не придется отдавать власть – это лишь значит, что очень вероятно, что они будут завидовать судьбе Шеварднадзе и Кучмы, которые власть отдали, но ответственным людям, и сами живы и на свободе.

Вопрос не в том, могут ли наши режимы сохраниться, а только в том, как долго они могут держаться и каким из трех возможных путей уйдут из власти олицетворяющие их президенты – добровольно, перейдя от имитации демократии к честным выборам, уступив под давлением, но бескровно, как это произошло в Украине и Грузии, или же цепляясь за власть до последнего и отдав ее в результате «не бархатных» революций со всеми ужасными последствиями и для своих стран и для себя.

Реакция президентов на «бархатные революции» говорит о том, что первый вариант практически исключен. Ни один из них не пришел к выводу, что власть все равно придется отдавать, и лучше не ждать, когда тебя заставят уйти, а самим отказаться от подавления оппозиции и манипуляций. Единодушное утвержде-

ние, что у себя они никаких революций не допустят, говорит о том, что и второй вариант ими отвергается (правда, это ничего не значит, ничего иного они говорить и не могут). Но если и второй, «бархатный» вариант действительно будет исключен, останется третий, не бархатный.

Московские новости . 25.02.–3. 03. 2005. С. 6.

ЧЕТВЕРТАЯ РЕСПУБЛИКА

Грузинская, украинская и теперь киргизская революции – это как бы картины на один и тот же сюжет, написанные разными художниками в разных стилях, или та же пьеса, но поставленная в разных театрах. Киргизские конные революционеры совсем не похожи на грузинских студентов с розами в руках или на стоящих на Майдане Незалежности киевлян. Но тем не менее сюжет – один.

И это – отнюдь не сюжет неконституционного свержения законной власти, как об этом сказал Путин. Все прямо наоборот. Неконституционным революционное свержение власти может быть только тогда, когда есть реально действующая конституция, то есть правила, которым подчиняются и правители, и их оппоненты, и по которым оппозиция может прийти к власти мирно и законным путем. Если такие правила есть, революция – преступление. Но во всех трех случаях их не было, как их нет и в других странах СНГ, кроме Молдавии, где факт прихода к власти коммунистов доказал, что они есть. Во всех трех случаях правящие президенты подтасовывали результаты выборов, устраняли своих политических соперников при помощи послушных им судов и меняли правила игры по ходу игры. Акаев, например, правил при трех разных конституциях, каждый раз якобы одобрявшихся на референдумах подавляющим большинством голо-

сов. (В референдуме по последней конституции 2003 года по официальным данным участвовали 86,36% избирателей и за нее проголосовали 75,5%). И в Грузии, и в Украине, и в Киргизии неконституционной и антиконституционной была сама власть, а восстававшие против нее, напротив, утверждали принципы конституционализма. Воплощал и отстаивал право в Киргизии не президент-академик и демократ, принимающий присягу на очередной конституции, которую он так же не собирается соблюдать, как и предшествующие, а прискакавший из киргизской «глубинки» всадник с желтым флагом в руке, которого мы могли видеть на телеэкранах. И совершенно не важно, знает ли этот всадник слово «конституционализм». Ибо в конечном счете «конституционализм» – это просто «честная игра», а эти слова всадник знает.

Никто не может гарантировать, что киргизская революция приведет к установлению демократии. Но представление о том, что если уж мы не готовы ни к какой иной демократии, кроме очень «управляемой», то где уж киргизам, – не верно. У недавних кочевников–киргизов нет опыта своего государства, в их прошлом есть лишь протогосударственные институты «племенной демократии». Но отсутствие опыта своего государства может быть лучше, чем практически не прерываемая история разных форм самодержавия. У киргизов – сильные субэтнические и региональные различия и самосознания. Но общество, в котором есть общности как-то поддерживающих друг друга и

не одиноких людей, может быть лучшей основой для демократии, чем общество, где власти противостоит однородная масса атомизированных и одиноких индивидов. Культура киргизов – не европейская. Но демократии есть в неевропейских Турции или Тайване, хотя их еще нет в европейских России и Белоруссии. Киргизы – очень бедные, но хотя бедность, несомненно, мешает установлению демократии и правопорядка, но богатство, возникающее из «нефтедолларов», тоже явно не помогает. Есть пример страны, еще более удаленной от Европы и с совершенно неевропейской культурой, также населенной бывшими кочевниками и также бедной, которая, тем не менее, смогла в посткоммунистический период создать систему с едиными демократическими «правилами игры», в рамках которой уже несколько раз к власти приходили разные политические силы. Это – Монголия. И если монголы смогли создать не «управляемую» и не имитационную демократию, то почему не смогут киргизы?

Но даже если на этом этапе своего развития киргизы к демократии не придут, если они скатятся к анархии, из которой возникнет какой-то новый авторитаризм, все равно они сделали к ней громадный шаг. Теперь в киргизской истории и киргизском сознании есть опыт того, что народ смог свергнуть президента, который был уверен, что, манипулируя выборами и референдумами, он будет править столько, сколько захочет, а когда совсем устанет, передаст власть сыну или дочери. Наши поступки остаются в нашей памяти

и преобразуют нас. Человек, который смог дать отпор тем, кто над ним издевался, преодолев свой страх, тем самым становится иным человеком, чем раньше. В следующий раз ему уже легче будет преодолеть страх и дать отпор. Да и другие будут с ним поосторожней. Так же как человек, который струсил и подчинился, также становится другим. То же и с народами. Что бы ни случилось дальше, киргизы уже – другой народ. И даже если в Киргизии к власти сейчас придут люди не лучше Акаева, им уже будет труднее пойти по акаевскому пути, а киргизам – легче им это не позволить.

Сейчас все в СНГ гадают – кто следующий, четвертый? Казахстан, где президент совершенно так же, как Акаев, намерен переизбираться до тех пор, пока у него хватает физических сил, и где для него главная политическая проблема – кого из его зятьев, или, может быть, просто любимую дочку сделать следующим президентом? Азербайджан, где уже правит сын покойного президента и где между тем, как люди голосуют, и тем, какие результаты оглашает избирательная комиссия, не только нет полного соответствия, но, похоже, нет и никакой корреляции? Белоруссия, где президенту лучше умереть, чем пойти на честные выборы, ибо, если придет к власти оппозиция, будут расследоваться «таинственные исчезновения» его политических противников? Перечисление можно продолжить – картина везде примерно одинаковая.

Мы не знаем, кто будет четвертым. Но ясно одно. Во всех наших театрах история поставила пьесы с

одним и тем же, не слишком сложным сюжетом. Это пьесы о людях, которые пришли к власти, клянясь в верности демократии, некоторые – даже искренне. Но им и их близким очень понравилось быть у власти, и они стали создавать «управляемые демократии», то есть совершать разные преступления и обманы, чтобы сохранить власть. Народы им достались наивные, запуганные предшествующей историей, неорганизованные – «человеческий материал», удобный для «управляемых демократий». Но до бесконечности это делать все равно не получается. Обман становится уж слишком очевидным, и правители приходят к неизбежному краху. Этот сюжет разворачивается по-разному, где медленно, где стремительно, где очень драматично и насильственно, где мягче и прозаичней. Но это – один сюжет, и у него есть своя «железная» логика. Пьеса неумолимо движется от пролога к эпилогу. Ее первый акт – «Приход к власти» – уже давно сыгран. Но если на сцене второй акт («Стабильность»), значит, за ним будет сыгран третий («Крах»). Других пьес в наших театрах нет.

Новая газета. № 23. 31.03–03.04.2005. С. 9.

«ИСЛАМИСТЫ» И «СИОНИСТЫ»

Ислам Каримов заявил, что андижанские повстанцы – исламисты. Это утверждение подхвачено нашими МИДом и СМИ. Все встает на свое место. Да, убивать своих сограждан нехорошо. Но исламисты – другое дело.

Исламизм – удобное слово. Это – страшное слово, ассоциирующееся с такими словами, как фанатизм, джихад, теракты. Миндальничать нельзя. «Хороший исламист – мертвый исламист». Одновременно «исламист» – слово, которое можно применить чуть ли не к любому мусульманину. Так в позднесоветское время употребляли другое страшное слово: «сионизм».

Советская власть стремилась использовать антисемитизм, не решаясь говорить о «борьбе с евреями», и говорила: «сионизм», – как сейчас, не решаясь говорить о борьбе с мусульманами, употребляют эвфемизм «исламизм». Сионизм – это идея еврейского государства в Палестине. Найти евреев, выступающих против идеи Израиля, – трудно. Почти все евреи – сионисты, и на них всех можно распространять страшное слово, однокоренное с «сионскими мудрецами» с их «протоколами». Исламизм – это стремление претворить в общественной жизни нормы ислама. Но найти мусульманина, утверждающего, что нормы ислама не должны быть претворены в общественной жизни, так же трудно. Страшное слово «исламист» можно столь

же легко применять к мусульманам, как «сионист» – к евреям.

Есть еще одно сходство и удобство в применении этих слов. Сионизм, поддержка Израиля – нечто очень широкое: какими методами должна осуществляться поддержка и каким государством должен быть Израиль, можно понимать по-разному. Были сионисты – террористы и сионисты – сторонники ненасилия. Сионисты – поклонники Ленина и сионисты – поклонники Муссолини. Поэтому про сионистов можно сказать все что угодно. Утверждение советской пропаганды, что «сионисты вступали в контакты с немецкой разведкой на Ближнем Востоке», было ложью в одном – опускалось слово «некоторые». Создавались псевдологические цепочки: не принимаем евреев в вузы, так как практически все они – сионисты, а сионисты восхищались Муссолини, устраивали теракты и вступали в контакты с немецкой разведкой. То же и с исламизмом. Идея претворения в общественной жизни норм ислама предельно широка. Методы и сами нормы могут пониматься в громадном диапазоне. Турецкое правительство, ведущее Турцию в ЕС, – «исламистское», и «Аль-Каида» – «исламистская». Что исламисты организовали теракты 11 сентября – неоспоримый факт. Не хватает лишь слова «некоторые». И опять – псевдологическая цепочка. В Узбекистане студентов, замеченных в частом посещении мечети, могут отчислить из вуза – исламисты уничтожили «башни-близнецы».

Слово «исламизм» помогает Каримову глушить протесты «мировой общественности» против расправ с оппонентами. Идут удивительные процессы. Как «исламистов», связанных с международным терроризмом, Каримов клеймил всех своих критиков, апеллирующих к нормам ислама. Усердный последователь исламской обрядности мог быть допрошен в полиции, а официальный представитель Каримова сказал: «В Узбекистане будет такой ислам, какой нужен президенту». После этого «исламизм», который в Турции сочетается с курсом в ЕС и представители которого в Таджикистане, недавно воевавшие, мирно участвуют в политической жизни, в Узбекистане просто не может не принимать экстремистских форм. То, что вначале было пропагандистской ложью, становится правдой. Советские обвинения сионистов (евреев) во всех грехах были ложью. Но несколько доведенных до отчаяния «сионистов» решили захватить самолет.

Слово «исламизм» не должно использоваться как синоним ужаса и как оправдание любых жестокостей. Если есть религия ислам, – должен быть и исламизм, стремление претворить нормы этой религии в жизнь. Как если есть народ евреи, должен быть сионизм, национализм этого народа. Если бы в СССР сионисты имели право исповедовать свои взгляды и свободно уезжать в Израиль, но все равно угоняли бы самолеты, их действительно следовало бы сажать в тюрьмы. И если исламисты имеют право пропагандировать свои

взгляды, но все же прибегают к насилию, они становятся преступниками. Но сначала надо дать им это право.

Известия. 2.06. 2005. С. 6.

ПОДДЕРЖКА ОБРЕЧЕННЫХ

В Брюсселе на совещании министров обороны НАТО и России наш военный министр С. Иванов горячо заступился за Ислама Каримова, жестоко расправившегося со своими восставшими в Андижане по-
данными. Он заявил, что ему точно известно: никаких международных расследований действий Каримова не нужно – Каримов вполне справится с расследованием собственными силами.

Наше заступничество за правителей, которых обвиняют в нарушении прав человека и демократических свобод, и помощь им – уже старая традиция. За кого только мы не заступались! И за Саддама Хусейна. И за Милошевича с Караджичем. И за Кучму. А сколько раз наши наблюдатели на разных псевдовыборах и псевдореферендумах в СНГ отмечали высокую организованность, в то время как наблюдатели западные отмечали массовые фальсификации! «Безальтернативные» правители, продлевающие власть подавлением оппозиции и фальсификациями, знают: попади они в трудную ситуацию, у России, может быть, и не хватит сил их выручить, но искреннее сочувствие и желание помочь будут всегда.

Почему мы каждый раз им помогаем? Мы полагаем: если Запад так и будет сковывать руки «безальтернативным» президентам, не давать им подавлять оппозицию и даже способствовать их свержению, в

конец концов очередь может прийти и до нас. Кроме того, действует инерция «холодной войны»: противник Запада автоматически мог рассчитывать на нашу помощь, как любой наш противник – на западную. Но рациональные соображения уже и не играют большой роли. Помощь правителям типа Каримова стала уже чем-то вроде рефлекса, инстинкта.

Это – плохая политика. Не только в моральном отношении (мораль мы оставим в стороне), но потому, что следствием ее может быть только серия провалов. Режимы, которые мы поддерживаем – слабы и недолговечны. У них нет никакой ясной идейной основы, которая была у коммунистических или фашистских режимов. Они построены на имитации демократии, быстро теряют связи с реальностью, коррумпируются и впадают в маразм. И хотя падение того же каримовского режима вовсе не будет означать, что после него в Узбекистане воцарится демократия, само это падение – раньше или позже – неизбежно. Вопрос о том, падет ли этот режим, вообще бессмыслен, может обсуждаться лишь то, когда и как он падет и что придет ему на смену. Но это означает, что нет вопроса и о том, выиграем ли мы или проиграем, поддерживая этот и ему подобные режимы, вопрос лишь в том, когда мы проиграем.

Поддерживая в годы «холодной войны» антикоммунистических диктаторов, Запад тоже был обречен на серию поражений. Иранский шах, Сомоса или Батиста

были так же обречены, как режимы Каримова или Туркменбаши. Помогая их врагам, противопоставляя их обветшалому авторитаризму коммунистическую альтернативу, мы могли иметь реальные успехи, расширяя сферу влияния. Но с тех пор многое изменилось. Двойные стандарты в западной политике сохраняются, но поддержка Западом антикоммунистических диктатур осталась в прошлом. А вот поддержка демократии и «прав человека» играет значительно бóльшую роль. И эта политика (опять-таки, мы абстрагируемся от моральных аспектов) в той же степени выгодна, в какой наша поддержка режимов каримовского или лукашенковского типа обречена на провал. Оппозиция в странах с режимами «безальтернативной власти» (кроме разве что самых отчаянно-исламистской) обращают взоры к Западу. И поскольку падение таких режимов – дело времени, зона западного влияния расширяется.

Наша политика, в отличие от советской, – чисто оборонительная. В борьбе за расширение своего и ограничение западного влияния мы можем лишь помогать продлить жизнь режимам, которые обречены. У нас нет модели общества, которую мы могли бы противопоставить каким-либо ветшающим диктаторским режимам. Нет оппозиций этим режимам, которые устремляли бы взор на Москву. Поэтому любая смена режима, где бы она ни произошла – в Сербии или Грузии, Украине или Киргизии, – для нас означает внешнеполитическое поражение, ослабление нашего

влияния. И тем не менее мы снова и снова героически встаем на защиту обреченных.

Пока еще есть кого поддерживать. Вот даже и Каримов еще держится. Поэтому впереди у нас – новые сражения и новые поражения.

Известия. 15.06.2005. С. 6.

ТЕРРОРИЗМ – СМЕРТЕЛЬНО ОПАСНАЯ БОЛЕЗНЬ РОСТА

С каждым новым злодеянием исламистских террористов все больше опасность восприятия их и породившего их мира ислама как чего-то совершенно чужого, страшного, даже не совсем человеческого. Это – естественно и неизбежно. Но абсолютно не верно.

Исламистские террористы – тоже люди, и в их мотивации не может быть ничего, чего нет у людей иных религий и народов. Просто сейчас у мусульманских народов чувства, нам знакомые, стали особо интенсивными и распространенными, порождая преступные действия.

Какие чувства? Прежде всего – естественный страх перед неотвратимо надвигающимся новым и сожаление об умирающем старом. Тем более, когда в уходящем мире далеко не все однозначно плохо, а в новом – много откровенного уродства. Ощущения исламистского радикала от вторжения западной (то есть просто современной) цивилизации и разрушения традиционного уклада жизни в принципе те же, что ощущения старообрядцев от петровских реформ, ужас народников перед капитализмом, подрывающим крестьянскую общину, ламентации советской деревенской прозы и нынешние призывы защитить «православную цивилизацию» от рынка. Страх перед будущим осложняется

завистью и ощущением собственной недостаточности. Исламский мир, имевший великие достижения, в современной реальности больших успехов не добился. Его богатства – в основном «свалившиеся с неба» доходы от нефти. Технические средства, применяемые террористами, созданы на Западе или в Восточной Азии, и даже методы, похоже, навеяны голливудскими боевиками. Демократия наталкивается в странах ислама на огромные трудности, большинство этих стран живут под авторитарными и коррупционными режимами. Исламские народы – не лучшие ученики в мировой школе. Но плохой ученик, стремящийся самоутвердиться и не знающий, как этого достичь, начинает хулиганить и терроризировать других учеников и учителей, заставляя обратить на себя внимание. Если не уважают, пусть боятся. Все это нам, тоже не самым лучшим ученикам, знакомо. Неотделимая от зависти ненависть исламистских террористов к Западу – тоже в принципе чувство, которое прочитывается в нашем антиамериканизме, периодически принимающем формы «астенических» истерик, только доведенное до всепожирающей страсти. Когда у нас во время приступа истерии по поводу Югославии выстрелили из гранатомета в посольство США – это был карикатурный вариант действий исламистских террористов. А сжигание книг Пелевина и Сорокина или погром молодежи православными оскорбительной выставки в музее Сахарова относятся к актам исламистов так же, как

скандал, устроенный приревновавшим мужем, к действиям Отелло.

В основе комплекса чувств исламистских террористов нет ничего, чего бы не было у других. Это своеобразная форма проявления и высокая степень интенсивности чувств, возникающих у народов, ощущающих собственную «недостаточность» в современном мире, зависть к преуспевающим, обиду и злобу. Окончательно исчезнуть они не могут, всегда будет прогресс, уничтожающий дорогое нам старое, и всегда кто-то останется в стороне, завидовать успевающим. Но сила этих чувств в народе может быть сведена к приемлемому минимуму, если есть некие успехи этого народа, которыми народ гордится, некий вклад в наступающий новый мир. Наше антизападничество (слабая форма антизападничества исламистов) не исчезнет, но предельно ослабнет, когда в России начнут интенсивно развиваться экономика, наука и искусства и установится политический строй, за который не будет стыдно. То же и с мусульманскими народами. Каждый успех мусульман, в чем бы он ни был – в иранском кино, в турецкой демократии или малайзийской экономике, – это обретение альтернативной и общественно полезной формы самоутверждения и удар по терроризму.

Исламистский терроризм – болезнь трудного взросления мусульманских обществ. Процветающие сейчас общества переболели подобными болезнями. Сейчас

все уже немного забыли о японских камикадзе, китайских хунвэйбинах, немецких фашистах. Уйдут в прошлое и исламистские террористы. Чтобы это произошло скорее, надо понимать их мотивы. А понять чужие мотивы – это значит увидеть нечто подобное в самих себе.

Известия. 25. 07. 2005. С. 5.

САМОЕ ПРОСТОЕ И САМОЕ ТРУДНОЕ

В ноябре произойдут выборы в парламент Азербайджана, а в декабре – президентские выборы в Казахстане.

Три революции в странах СНГ с режимами, однотипными с казахстанским и азербайджанским, совершались по одной схеме. Оппозиция не признает фальсифицированных результатов выборов, выводит людей на улицу, власть видит перед собой превосходящую силу и сдается. Сработает ли эта схема в Азербайджане и Казахстане на этот раз – сказать невозможно. Но то, что рано или поздно системы, основанные на имитации и фальсификации демократических процедур, обеспечивающих «безальтернативным» президентам продление их власти настолько, насколько они сами хотят (обычно они хотят до смерти), и передачу этой власти тому, кому хотят (обычно – сыну или дочери), падут – несомненно. Сейчас, может быть, и «пронесет», но бесконечно «проносить» не будет.

Но можно ли обойтись без революций? Переход от системы «безальтернативной» власти к системе, основанной на ротации власти, – это качественное изменение, революция. Но может ли такая революция произойти «сверху»? Возможен ли переход от «управляемой» и «имитационной» демократии к реальной без угрозы силы со стороны революционных толп на улице?

На первый взгляд, переход к демократии – очень прост. Даже не нужно менять конституций, ибо во всех наших конституциях прописаны все права и свободы. Нужно только одно – начать соблюдать то, что написано. Начать проводить честные избирательные кампании и честно подсчитывать голоса. Это даже не означает немедленной утраты решившимся на такой шаг президентом власти. Бесконечно сохранять власть и передавать ее наследникам при честных выборах невозможно, но можно представить себе, что президент, решившийся впервые организовать такие выборы, честно на них победит. Почему же, тем не менее, в постсоветской истории стран СНГ есть уже три революции «снизу», но ни одной «сверху»?

Прежде всего, есть очень сильные психологические препятствия для появления у президентов желания организовать честные выборы. Как правило, за время своего безальтернативного правления они совершили много такого, за что, если уйти от власти, придется расплачиваться – если не тюрьмой, то разорением. Но даже если такая угроза минимальна, они за долгие годы правления (Назарбаев стал первым секретарем ЦК в 1989 году, а президентом – в 1990 году) настолько привыкли к своей роли, что потерять ее было бы страшным психологическим шоком. Чем заняться в отставке – непонятно. Кроме того, перейти к честным выборам значило бы своими руками начать демонтировать систему, которую ты сам создавал.

(Ильхам Алиев в лучшем положении, чем Назарбаев, ибо и правит еще не так долго, и систему создавал не он, а его отец). Это означает обречь себя в ходе избирательной кампании на массу неприятностей. Президент будет вынужден видеть по телевидению мало симпатичные ему физиономии своих противников, которые будут ругать его на чем свет стоит. Каждое утро он будет со страхом раскрывать газеты, которые ему приносятся. Его придется пойти на неприятные и унижающие его теледебаты. Он будет нервничать в день выборов и не сможет спокойно спать в ночь подсчета голосов. И все время он будет знать, что на все эти муки он обрек себя сам, и он легко может всего этого избежать.

А что выигрывает президент, перейдя к честным выборам? Конечно, он избавляется от угрозы революции. Но угроза революции – это что-то вроде угрозы рака легких или инфаркта для курильщика. Сначала ты гонишь от себя мысли о них, а потом уже слишком поздно. Президент завоеует какие-то симпатии «общества», одобрение Запада и перспективу хорошо войти в историю. Но все это, по сравнению с вполне реальными опасностями и муками, – что-то туманное, неосязаемое. Для того чтобы перейти к честным выборам и обречь себя на все связанные с ними страдания, нужна какая-то новая и очень сильная идейная и моральная мотивация. Что-то не так далекое от религиозного обращения (настоящего, а не такого, через которое все наши президенты легко прошли в 1991

году). Возникновение такой мотивации не у пылких юношей, а у зрелых государственных мужей очень маловероятно.

Но даже представим себе, что каким-то чудом такая мотивация возникла. Президент решает, что с понедельника он начнет новую жизнь. Он публично заявляет о том, что выборы пройдут честно, и издает всякие указы. Но кто же ему поверит? Кроме того, у его чиновников есть и свой интерес в сохранении системы. Президенту придется вступить в борьбу со своим аппаратом. А если аппарат решит, что президент не занимается нормальной демагогией, а действительно начинает сам разрушать систему власти, то такого сошедшего с ума президента могут и убрать, ибо при всей преданности чиновников президенту система для них важнее.

Мысль о том, не перейти ли к честным выборам, наверняка периодически возникает у президентов. Но это – мимолетная фантазия, которая тут же отбрасывается. Наши президенты – всесильны, если их желания не выходят из узкого круга нормальных желаний президентов. Они легко могут разорить и уничтожить любого неприятного им человека и так же легко сделать приятного им миллионером, министром, депутатом и даже следующим президентом. Но перейти к честным выборам они не могут, как всесильный полицмейстер у Салтыкова-Щедрина мог все, но не мог не брать взятки.

Если Назарбаев и Алиев не «сойдут с ума», что очень маловероятно, революция в Казахстане или Азербайджане – это вопрос времени. Путь, на который вступили наши страны, – путь, в конце которого – революция. Но пока по нему идешь – он очень удобный. Он – под гору, и ноги сами идут. Нормальные президенты с него не сойдут.

Известия. 21.09. 2005. С. 6.

НЕ ВСЕ, НЕ СРАЗУ И НЕ ДЛЯ ВСЕХ

С падением коммунизма произошло резкое сужение нашего политического горизонта. В советское время мы следили за событиями в самых далеких и «экзотических» странах. С перестройки наше внимание стало переключаться на самих себя, а интерес к внешнему миру пошел на спад. Это – естественно. Во-первых, наша страна стала меньше и слабее, и резко сузилось пространство, в котором мы можем влиять на события и события в котором нас непосредственно касаются. Во-вторых, наша внутренняя жизнь приобрела настолько яркий характер, что российские новости стали конкурировать и с детективами, и с фильмами ужасов, и с эстрадой. Возможности человеческого внимания ограничены, и его просто не хватает не только на страны Африки или Латинской Америки, но даже на наши бывшие братские республики.

Наш советский интерес к событиям в Анголе или Никарагуа в значительной мере был компенсацией монотонности нашей внутренней политической жизни (люди спасались от скуки, читая о бурной жизни в других странах, как они спасаются от нее бульварными книжками). Поэтому и переключение внимания на себя – процесс естественный и здоровый. Но он зашел слишком далеко. Наряду с приобретениями случились и потери.

Мы потеряли чувство сопричастности человечеству в целом. В советское время какой-нибудь искрен-

ний коммунист мог ощущать, что, борясь, например, за выполнение плана, он участвует в той же борьбе с империализмом, которую где-то далеко ведут партизаны какого-нибудь сальвадорского Фронта имени Фарабундо Марти. А пытавшиеся «расшатать советскую власть» диссиденты и либералы понимали, что они делают то же, что чешские «ревизионисты», польские рабочие и, может быть, даже «контрас» в Никарагуа.

Это ощущение исчезло, причем во всех частях нашего политического спектра. Наша власть успешно укрепляет свою «безальтернативность». Но так как никакой глобальной стратегии и идеологии при этом у нее нет, у нее нет и идеологических союзников в других странах. Объективно она идет по пути, где естественной путеводной звездой должны бы быть режимы, доведшие безальтернативность и властную вертикаль до совершенства, вроде режима Каддафи в Ливии. Но она этого не осознает и не способна осознать. Путин не может сказать и не может подумать: «Я веду ту же великую борьбу за построение управляемой демократии, которую ведут Ассад в Сирии, Мубарак в Египте и жертвой которой пали Кучма, Милошевич и Саддам Хусейн».

Но горизонты нашей более идеологической, чем власть, оппозиции не намного шире. Российские коммунисты умудрились не заметить, например, двукратной победы коммунистов на выборах в Молдове. А наши либералы и демократы, если и переживают из-за

событий в Украине и Белоруссии (эти страны мы еще не ощущаем за границей), то уж судьба демократии в Египте или даже Азербайджане их совершенно не волнует.

Я думаю, что нам сейчас очень важно вернуть ощущение нашей включенности во всемирное политическое развитие, понимание того, что борьба различных сил и тенденций в нашем обществе – это часть борьбы аналогичных сил и тенденций во всем мире.

Для начала надо понять, на кого мы похожи.

Сейчас уже нет ясных идеологических маркеров, типа «коммунизм», «научный социализм», «свободный мир», которые раньше позволяли легко отличать «своих» от «чужих». Но объективно, по типу своего устройства, страны, даже если они не осознают своего политического родства, образуют определенные группы. Мы с нашими «безальтернативными» президентами, передающими власть назначенным ими преемникам, «Единой Россией» и т.п. – не одиноки в этом мире. У нас есть «братья по разуму». Определить их нам могут помочь грубые, как все рейтинги, но необходимые и, насколько я могу судить, объективные оценки, которые каждый год дает всем странам мира американская неправительственная организация «Фридом хауз».

Каждая страна получает получает «отметки» уровня политической демократии и уровня гражданских свобод по семибалльным шкалам, в которых 7 означает минимальную, а 1 – максимальную степень де-

мократии и гражданских свобод. Две шкалы (демократии и гражданских свобод) тесно связаны, но не тождественны, максимальное удаление оценки по одной из них от оценки по другой может достигать 2 пунктов из 7.

Наши оценки за прошлый год – 6 за демократию и 5 за гражданские свободы. В СНГ такие же оценки получили Азербайджан, Казахстан, Кыргызстан и Таджикистан, а вне СНГ – Египет, Тунис, Пакистан, Камбоджа, Мавритания, Руанда. О Руанде и Мавритании мы знаем слишком мало, но все, что мы знаем об Азербайджане и Казахстане, говорит о том, что оценка в основном – правильная. Российская политическая система – очевидно однотипная с казахстанской и азербайджанской, уровень свободы у нас примерно одинаков, и проблемы, стоящие перед нашей властью и нашей оппозицией, – это те же проблемы, которые стоят перед властью и оппозицией в этих странах. Те немногие сообщения, которые у нас были о недавних египетских выборах президента, говорят, что это – копия наших выборов. А во время последних президентских выборов в Тунисе мне случайно довелось там быть. Везде были развешаны громадные портреты действующего президента и еще какие-то маленькие портреты. Я спросил у гида-тунисца, знающего русский, кто на этих маленьких портретах. «Это – кандидаты от оппозиции. Вот этот – коммунист, этот – либерал-западник, а эти – не помню кто». «Ну и много голосов

они получают?» – «Да кто же будет за них голосовать? – искренне удивился тунисец. – Их и по телевидению не показывают». Я почувствовал себя на Родине.

Оценки 6 и 5 – плохие. Из 192 стран лучшие оценки имеют 145. В СНГ впереди нас – Армения (5 и 4), Украина (4 и 3), Грузия и Молдова (3 и 4). Значительно более приличные оценки стабильно имеют некоторые страны, которые мы привыкли считать дикими и «в упор не видим», – Мали, Ботсвана, Монголия (2 и 2), Сенегал (2 и 3). Но есть и страны с худшими оценками. Иран получил 6 и 6. Китай, Узбекистан и Белоруссия – 7 и 6. Две семерки получили 8 стран – Туркмения, Ливия, Судан, Сирия, Саудовская Аравия, Северная Корея, Куба и Бирма.

США или Англии могут служить «путеводной звездой», но это – слишком отличные от нас политические организмы. Чтобы лучше понять самих себя, наше устройство, проблемы и перспективы нашего политического развития, нам надо смотреть не столько на США или Англию и даже не на быстро ушедшие далеко вперед от нас центральноевропейские страны и страны Балтии. Полезнее обратить внимание на находящиеся в одной группе с нами Казахстан и Египет и на не так далеко ушедшие от нас в одном направлении – Узбекистан и Ливию, и в другом – Украину, Грузию, Молдову или даже Танзанию (оценки Танзании – 4 и 3). Стать, как США или Англия, – это в масштабах жизни нашего, а скорее всего

и следующего поколения, – нереальная перспектива, а стать, как Узбекистан или, наоборот, как Украина, мы можем в обозримое время.

Каждый год карта демократии меняется. Какие-то страны идут ко все более жесткому авторитаризму, где-то происходит частичная либерализация, а где-то возникают демократические системы. В 1991 году оценка, данная нам «Фридом хауз», была 3 и 4. С тех пор мы проделали большой путь в авторитарном направлении.

Но как нет ничего исключительного в нашем теперешнем политическом устройстве, так нет ничего эксклюзивного и в этой эволюции. На постсоветском пространстве за период 1991–2005 годов ухудшили свои показатели не только мы, но и Белоруссия, Азербайджан и все центральноазиатские страны. (Пример противоположной эволюции – Молдова, оценки которой в 1991 году были 5 и 5, значительно худшие, чем наши, а сейчас, несмотря на то, что у власти там – коммунисты, – 3 и 4. Сейчас мы ближе к Туркмении, чем к Молдове). А вообще переходы от нестабильных «полудемократий» к авторитарным системам происходили в разных странах множество раз. В известной книге С. Хантингтона «Третья волна» хорошо показано, что в истории было несколько волн демократизации, и за такой волной всегда следовал откат, охватывающий часть перешедших к демократии, но не готовых к ней стран. Мы оказались в такой откатной волне, которая

охватила большую часть стран СНГ. Но за «отливом» всегда наступает новый «прилив» («цветные революции» – это уже новая демократическая волна).

Чтобы понять логику нашего развития, наше вероятное будущее, надо смотреть не на страны с устойчивой демократией, где – иные проблемы и иные ритмы, а на страны Латинской Америки, Пакистан, или Турцию, несколько раз переходившие, как и мы, от хаотических и коррумпированных демократий к авторитаризму и затем снова – к новым попыткам построения демократии, причем Турция и большинство латино-американских стран в конце концов из этого круга, похоже, вышли.

Рейтинги «Фридом хауз», проводящиеся с 1973 года, фиксируют эти колебательные, маятникообразные движения. Но они фиксируют и другое движение, перекрывающее эти колебания. Число стран, где демократия удерживается во время антидемократических «отливов» и стабилизируется, все время растет. В рейтинге 1973 года из 148 оцениваемых стран высшие оценки «за демократию» – 1 и 2 – получили 42 страны, что составляет 28, 3%. В 2005 году – уже 85 стран из 192, то есть 44, 3%. За это время к демократии перешли большинство посткоммунистических европейских стран и Монголия, большинство латиноамериканских и несколько африканских стран, Южная Корея, Тайвань, Испания, Португалия, Греция. Только за прошлый год улучшили свои показатели по рейтингу по-

литической демократии 11 стран, по рейтингу гражданских свобод – 4, а ухудшили – 8 (включая Россию) и 2. Даже в арабском «заповеднике авторитаризма» происходят некоторые сдвиги (в Иордании, Египте и Марокко). А если взять большие отрезки времени, то успехи демократии – просто колоссальны. В 1900 году в мире было несколько демократических стран. После Первой мировой войны их стало больше, но откатная волна в Европе смела почти все демократии. Это сейчас Туркменбаши кажется гротеском, а в 30-е годы почти в каждой европейской стране было по своему «туркменбаши», и режимы большинства центрально-европейских стран и стран Балтии, установившиеся в 30-е годы, были значительно ближе к теперешним российскому и центральноазиатским, чем к теперешним балтийским.

Я думаю, что расширение сферы нашего внимания, соотнесение себя с другими странами и общими мировыми процессами имело бы очень здоровые психологические следствия. Очень плохо все время сравнивать себя только с теми, кто далеко впереди тебя, завидовать им и ощущать свою недостаточность и ущербность. Мы, действительно, в числе «отстающих» в мировой школе. Что делать – трудное детство, тяжелая наследственность. Но не мы одни, и ничего «особенного», уникально плохого нет ни в нашем устройстве, ни в нашей эволюции. Только очень наивные и опьяненные свободой люди могли серьезно думать, что мы с

нашими привычками, нашей сформированной историей психологией после 1991 года сможем быстро стать демократической страной. В нашей истории 1991 год – вторая неудачная попытка установить демократию (первая – 1917 год), причем наш провал на этот раз – значительно меньших масштабов. А сколько провалов до установления стабильной демократии было когда-то во Франции? А сколько в Бразилии или Турции? А в Туркмении или Ливии даже провалов не было, ибо еще не было и первой попытки.

Сознание того, что твои беды и трудности – не уникальны, имеет «терапевтическое» значение. Но терапевтическое значение могут иметь и чужие успехи. Демократия зародилась в небольшой группе стран, имевших «культурную предрасположенность» к ней. Но сейчас она охватывает и многие страны, где особой культурной предрасположенности к ней не было. Южная Корея, Монголия, Турция, Ботсвана, Сенегал – резко впереди нас. Лозунг «Догоним Монголию по уровню демократии!» звучит немного смешно, хотя не так уж давно смешным показался бы призыв догнать по ВВП на душу населения Южную Корею. Пример таких стран, как Монголия, может казаться даже унижительным. Но он – и оптимистический. Как ни глубоки корни нашего авторитаризма и как ни поверхностны наши представления о Монголии (это нас они угнетали, а своего Чингисхана и его преемников они избирали на курултаях), все же ясно,

что если монголы могли построить демократию, то, в конце концов, сможем и мы.

Но чтобы это произошло скорее, нам надо яснее видеть свою ситуацию, свои трудности и свои перспективы. А для этого надо стараться узнать не только о тех, кто, как американцы или французы, уже давно живут в другом «измерении» и о своем додемократическом прошлом просто забыли. Но и о тех, кто мучается так же, как мы. И о тех, кто относительно недавно отлучился и «сдал экзамен». И о тех, для кого даже наш уровень свободы – пока предел мечтаний. Чем больше мы будем знать об окружающем мире, тем спокойнее и увереннее мы будем смотреть в наше демократическое будущее. Не очень близкое, но в конце концов – неизбежное.

Большая политика, №1, ноябрь 2005.

2006

«МЫ ПУГАЕМ, А САМИМ СТРАШНО²»

Российско-украинский конфликт быстро вспыхнул, быстро разгорелся до «газовой войны» – прекращения российских поставок, угроз судом, обвинений Украины в воровстве и призывов Фрадкова к ЕС унять соседку-воровку – и так же быстро погас и исчез из российских СМИ.

Вокруг конфликта было сказано столько вранья, было сделано столько воинственных заявлений и поступило так мало серьезной информации, что разобраться в его обстоятельствах очень трудно. Мы назначили для Украины цену в 250 долларов за тысячу кубометров. При этом мы утверждали, что весь поступающий из России в Украину газ – российский, а дешевый туркменский поступать в нее физически не может, ибо у нас есть соглашение с Туркменбаши, по которому мы его забираем себе, а больше туркменского газа просто не могут пропустить трубы. После того как мы перекрыли наши поставки газа в Украину, украинцы продолжали забирать нужный им газ, который они считали уже оплаченным туркменским. Мы же утверждали, что это – ворованный российский газ, предназначенный для западных потребителей, которые действительно стали получать меньше.

По достигнутому соглашению, однако, выясняется, что туркменский газ в Украину все же поступает и

---

² В соавторстве с П.Палажченко

будет поступать в громадных размерах, и кроме него, есть еще казахстанский и узбекистанский. Смешиваясь с российским, среднеазиатский газ снижает цену, за которую Украина получает газ из российских трубопроводов, с 230 долларов до 95. (Ющенко в свое время называл приемлемой цену в 100 долларов).

Обвинения в воровстве газа исчезли. Российская плата за украинский транзит увеличивается примерно в полтора раза. Разница между содержанием соглашения от 4 января и предшествовавшими ему российскими заявлениями – так велика, что на Украине разные комментаторы пытаются найти в документах какой-то подвох, дьявольскую «москальскую хитрость», а власти уверяют их, что все так и есть.

Здесь очень много неясного. Не ясна вся история с центральноазиатским газом, который таинственно то исчезает, то появляется. Не ясна роль Вашингтона, несомненно, не ограничившаяся нотацией, сделанной нам К. Райс уже после разрешения конфликта. Но ясно, что наш эмоциональный накал абсолютно не соответствовал причине конфликта, который, совершенно очевидно, мог быть решен спокойно. Но если эмоции не соответствуют причине конфликта, значит, эта причина – лишь повод.

Когда в коммунальной квартире соседка Р. устраивает соседке У. истерический скандал с криками: «Воровка, я тебя под суд отдам!», за то, что она не доплачивает за газ по счетчику и ставит свой суп на чужую плиту, а на следующий день уже любезно здо-

ровается с У., ясно, что дело не в газе. Не было бы газа, скандал возник бы из-за чего-то другого. Ведь это – далеко не первый скандал соседок. Вспомним хотя бы конфликт из-за Тузлы. Предмет этого конфликта был совершенно иной, но «психологический рисунок», стиль нашего поведения – один и тот же. Сейчас мы отключили на один день газ, а тогда мы строили дамбу. И тогда все тоже кончилось быстро и мирно, в полном противоречии с нашей воинственной риторикой. И тут же все забылось. Что сейчас с этой дамбой – никто не знает, и никто этим даже не интересуется.

Украина всегда нас раздражала, а после «оранжевой революции» стала особенно раздражать. Но дело – не только не в газе, но и не только в Украине. Дело в нас, ибо похожие скандалы с очень схожим «рисунком», когда от страшных угроз мы легко переходили к сдаче позиций и буквально на следующий день все удивительно быстро забывали, были у нас не только с Украиной. Вспомним наши конфликты с Грузией.

Вспомним самый громкий устроенный нами скандал – из-за Косова, когда Ельцин напоминал Западу о нашем ядерном оружии, Примаков развернул самолет над Атлантикой, мы даже послали какие-то военные суда в Средиземное море и заняли аэродром в Приштине. Затем Черномырдин летал в Югославию убеждать Милошевича сдаться. А через очень короткое время все полностью забылось. Никаких «югославских синдромов», никаких выяснений, правильно ли мы поступали. Как будто ничего и не было.

Можно говорить о едином психологическом «рисунке» всех этих конфликтов, специфическом русском постсоветском стиле внешнеполитического поведения, напоминающем стиль поведения персонажей «Астенического синдрома» Киры Муратовой. Быстрый переход в истерику, «взвинчивание» себя, затем истерика внешне запно кончается, и только что рыдавший и орущий человек уже улыбается, как ни в чем не бывало.

Это – именно русский постсоветский, а не путинский стиль, ибо Путин и Ельцин – очень разные люди, а российское поведение в конфликтных ситуациях – очень похоже и при несдержанном Ельцине, и при сдержанном Путине. Здесь дело не в индивидуальной, а в общественной психологии.

Откуда этот стиль? Он отражает несоответствие наших привычек и реальности, нашего положения и возможностей. Привычки у нас – великой державы, СССР. Но мы уже далеко не СССР и до сих пор не очень-то понимаем, как произошла эта «крупнейшая геополитическая катастрофа», превратившая нас из домовладельца в жильца коммуналки. Отсюда – подозрительность, обидчивость, истерики. Но и физических, и моральных, и идеологических сил у нас мало. На серьезный, длительный и требующий жертв конфликт мы не способны. Поэтому мы забываем, вытесняем из сознания наши истерики и наши провалы. Это – очень нездоровый, невротический стиль, который приводит нас к потере того самого уважения окружающих, которого мы так жаждем.

Соседка Р. – плохая соседка, общаться с ней – неприятно. Но это – глубоко несчастная женщина, живущая воспоминаниями о своих былых молодости и величии, обиженная на весь мир и подозревающая всех в желании унижить ее, одинокая и нуждающаяся в любви и уважении. А так она совсем не плохая. Ей только нужно разобраться в своих чувствах, адаптироваться к реальности, научиться бороться со своими импульсами, контролировать себя. Но в том-то и дело, что этого она не может.

Для того чтобы изменить свою психологию и поведение, нужна постоянная самокритика, разбор каждого конфликта и каждого провала. В обществе роль такого внутреннего критического голоса играет оппозиция. В Украине она есть. Поэтому украинцы будут еще сто лет обсасывать все возможные ошибки Ющенко в газовом конфликте. Украинская оппозиция не дает украинскому обществу и украинской власти забыть реальность и погрузиться в иллюзорный мир. А русские люди знают, что совершал Путин ошибки, или не совершал, он все равно – безальтернативен, а в 2008 году будет безальтернативен тот, кого он назначит себе в преемники. Но тогда зачем разбирать ошибки и думать о неприятном. Лучше просто все забыть – до следующей истерики.

Новая газета. 2006. 16.01.–18.01.

УЙТИ ПО-КИТАЙСКИ³

Операция «преемник–2008», несомненно, уже продумана и выверена президентом до мелочей и будет еще многократно продумываться и выверяться. Путин, в отличие от своего предшественника, вообще не импульсивен и тщательно планирует свои действия. Кроме того, можно не слишком продумывать то, что непосредственно тебя не касается, вроде «монетизации льгот», но нельзя не продумывать свою собственную судьбу – где ты будешь работать, какое будет у тебя положение, какие доходы, какие отношения с будущим начальством. И практически нет сомнений, что операция пройдет удачно. Никаких сил, которые могли бы помешать президенту ее осуществить, в нашем обществе пока нет, и к 2008 году они вряд ли появятся. Поэтому кого Путин назначит – тот и будет. Он – единственный и совершенно свободный российский избиратель. Более того, кого он назначит, того наш народ, во всяком случае первое время, и будет любить – как девушке в традиционном обществе, брак которой решен ее родителями и которая даже не видела жениха до свадьбы, ничего не остается, как начинать любить своего мужа.

Но у людей профессии нашего президента самое тщательное продумывание операции часто сочетается со смутными представлениями об ее конечных целях и дальних последствиях. Интеллектуальные силы людей

---

³ В соавторстве с П. Палажченко

ограниченны, и если работник спецслужбы все силы своего интеллекта направляет на то, как провести некую операцию, у него просто не остается сил, чтобы так же напряженно думать, нужна эта операция вообще и к чему она, в конечном счете, может привести. Например, очевидно, что операция по началу второй чеченской войны разрабатывалась очень тщательно, но вопросы о том, каковы будут ее далекие последствия и действительно ли она необходима, скорее всего вообще не возникали. Очень похоже, что и сейчас мы присутствуем при процессе разработки и проведения блестящей операции, конечные результаты могут оказаться совсем не такими, какими хотелось бы их видеть ее разработчику.

Каковы вообще могут быть цели этой операции? Для чего Путину надо передавать кому-то власть? С Ельциным – все понятно, он устал и болен, еще одних выборов он бы просто не выдержал, фактически его уход от дел был средством продлить свою жизнь. Но Путин – в прекрасной форме, ему бы еще править и править. О том, что он мог бы, если бы захотел, изменить Конституцию, даже и говорить нечего. Как нечего и говорить, что он выиграл бы свои третьи выборы. Конечно, какие-то трудности возникли бы, но – вполне преодолимые. И значительно меньше тех трудностей, которые неизбежно возникнут перед ним при его уходе.

Решение Путина уйти со своего поста необъяснимо «эгоистическими» мотивами. На наш взгляд, его

можно объяснить лишь мотивами «идеалистическими». При всем своем стремлении к «властной вертикали» Путин – не «маньяк власти». Власть досталась ему случайно, и он это понимает и относится к ней, как к «заданию» (вполне возможно, даже данному Богом), которое он старается добросовестно выполнить. Его сосредоточение в своих руках все большей власти проистекает не из властолюбия, а из стремления к наведению порядка – теми средствами, какие подсказывают ему его личный опыт, наша культура и наша политическая система, основные принципы которой определились задолго до его прихода к власти («других порядков у нас нет»).

В этой системе есть два имманентных ей элемента – безраздельная личная власть президента и правовой конституционный фасад, камуфляж этой власти. И Конституция для Путина – часть того порядка и стабильности, который он обязался поддерживать. Человек, руководствующийся лишь инстинктом власти, конечно, изменил бы эту конституцию, но Путин не может. Когда он говорит о том, что надо соблюдать Конституцию – основу нашей стабильности, он, скорее всего, совершенно искренен. Его будущий уход – часть его работы, логичное завершение выполненного им задания по стабилизации системы, после чего он сможет спокойно вздохнуть – «отслужил!».

При этом, однако, Путин не хочет, как это сделал Ельцин, вообще уйти из политики и от власти. До

пенсии ему еще далеко. Он предполагает, что будет и дальше участвовать в руководстве страной и неформально – своим влиянием на преемника, и формально, заняв какой-то видный пост, предположим, главы «Единой России» и заодно «Газпрома». Очень похоже, что Путину видится какая-то роль, аналогичная роли Дэн Сяопина в Китае.

Но китайская модель с дисциплинированной компартией, с уходом руководителей на покой в очень преклонном возрасте и с китайской культурой почтения к старикам вряд ли переносима на совсем иную российскую ситуацию. При уходе Путина возникают проблемы, которые, вполне возможно, до конца им не осознаются.

Уход президента «не до конца» при сохранении им политического влияния формально, конституционно – вполне нормален. Но Конституция – лишь фасад нашего здания, причем фасад, скрывающий его реальную конструкцию, как советские конституции скрывали реальную конструкцию советского общества. Будучи вполне конституционным, такой уход противоречит глубоким «неформальным» основам нашей политической системы и, более того, – российской политической культуры.

Ясно, что Путин найдет (очевидно, уже нашел) «достойного» преемника, что в рамках его идей и ценностей и исходя из его личных интересов (здесь интересы и ценности полностью совпадают) означает – мак-

симально предсказуемого и нехаризматичного. Такого, который не отклонялся бы от уже проложенного курса и не вступал бы в конфликт с ним, не «предал» бы его. Но возможно ли это?

Ситуация, когда правитель, не собирающийся умирать или уходить на покой, избирает своего преемника, в нашей истории – уникальна. Но ситуация, когда люди, не собирающиеся уходить от дел и от власти, избирают правителя, – отнюдь не уникальна. Так в советское время членами Политбюро избирались все правители, которые после избрания становились «безальтернативными» и несменяемыми. И всегда эта небольшая группа реальных «избирателей» руководствовалась примерно теми же соображениями, которыми сейчас не может не руководствоваться единственный избиратель Путин, – выбирался самый скромный, самый слабый, самый безопасный (только в самом конце советской власти, когда члены Политбюро ощущали, что надо срочно что-то менять, были избраны Андропов и затем Горбачев). И каждый раз избиравшие (которые были не глупее Путина и не хуже его разбирались в людях) обманывались.

Каким бы безопасным ни казался будущий правитель, он все-таки личность. И стремление как-то утвердить себя на своем посту как личность, доказать себе и другим, что он – не просто плохая копия своего предшественника и не пешка в чужих руках, у него возникает неизбежно. И это утверждение себя как личности означает его дистанцирование и от своего

предшественника (вплоть до вынесения Хрущевым тела Сталина из мавзолея), и от своих «избирателей», которые думают, что он должен быть им всю жизнь благодарным (вплоть до их поголовного истребления Сталиным). А Путин для своего будущего преемника одновременно – и предшественник, и «избиратель».

Но не только сам преемник стремится дистанцироваться от предшественника. Получив нового правителя, общество естественно начинает связывать с ним какие-то свои надежды и тем самым – противопоставлять его предшественнику. «Слава Богу, не Сталин!», затем – «Слава Богу, не Хрущев!», затем – «слава Богу, не Брежнев!» и т.д. И если Путин действительно уйдет, при первом же признаке перемен, в какую бы сторону они ни были направлены, откуда-нибудь да раздастся: «Слава Богу, не Путин!»

Путин сам прошел через все это. Он был выбран Ельциным и его окружением как наименее опасный, наиболее предсказуемый и верный, как тот, кто «не предаст». Но хотя он, действительно, основные обязательства перед предшественником соблюл – расследований деятельности его и его семьи не допустил, – «имидж» нового президента строился на контрасте с Ельциным и противопоставлении ему. И иногда он даже переходил в этом границы «приличия» – вспомним его речь перед родственниками моряков, погибших на «Курске». И это исходило не только от него, но и от общества. Ведь любая похва-

ла Путину объективно являлась косвенным порицанием Ельцина. Для Ельцина очень нелегко слушать о том, в каком тяжелом состоянии принял Путин страну и как хорошо, что у нас такой замечательный президент, который нас из этого состояния выводит. И вряд ли ему было так уж приятно видеть, как уходит его старое окружение (в том числе и те, кто подсказал ему кандидатуру Путина) и приходят какие-то непонятные «питерские чекисты». Но Ельцин ушел окончательно, «на пенсию». А что будет делать в такой ситуации Путин?

Просто невозможно представить себе степень безликости преемника Путина, у которого не возникло бы стремления как-то показать, что «сейчас не путинское время». Равно как невозможно представить себе Путина, у которого не возникло бы желания как-то поправить своего преемника, указать ему на его ошибки. И естественно, окружение и того, и другого будет усугублять их малейшее недовольство друг другом, разъедая малейшие трещины в их отношениях, как соль разъедает трещины в камне.

Дистанцирование носителя верховной власти от своего предшественника в нашей политической культуре и возникавших на ее основе трех политических системах (самодержавной, советской и постсоветской) – нормально. Но всегда делалось в отношении тех предшественников, которые уже умерли сами, или были убиты (Петр III, Павел), или (уже в наше гуман-

ное время) еще живы, но полностью ушли в политическое небытие (Хрущев, Ельцин). В автократических персоналистских системах у правителей живых и активных предшественников не бывает.

И точно так же не может быть никакого (кроме фиктивного, формального) разделения власти. Власть всегда – одна и у одного. Но как трудно представить себе будущего президента настолько безликим, чтобы он согласился бы быть просто «слабой копией» Путина, так трудно представить себе ситуацию, при которой он – просто «пешка», а вся власть целиком все равно – у Путина. Сталин мог править безраздельно, будучи всего лишь генсеком, в то время как Калинин был чем-то вроде главы государства, а Рыков и Молотов – председателями Совнаркома. Но «Единая Россия» – не партия большевиков, и наша теперешняя система – президентская, а не партийная.

Операция «преемник–2008» – очень рискованная операция не потому, что ее легко провалить (провалить ее практически невозможно), но потому, что она создает ситуацию, которая находится за рамками нашей системы и, более того, за рамками нашей политической культуры. Она предполагает реальное разделение властей – то, чего в России не было просто никогда. Она создает трещину в системе российской власти и в элите и вносит смятение в общество.

Поэтому в призывах к Путину остаться – не только неверие, что его решение – реальное и окончательное,

что это – не проверка лояльности, вроде отречения Ивана Грозного. Есть в этом и искреннее недоумение – для чего это нужно, и инстинктивный страх перед появлением новой, непривычной, психологически дискомфортной и опасной ситуации. Ситуации, когда люди не будут знать, кого они должны любить, кем восхищаться, чьи портреты должны ставить в своих кабинетах. От которой – один шаг до реального выбора.

Путин, решив уйти со своего поста, стремится укрепить нашу политическую систему, освободить ее от привязки к определенным личностям, рутинизировать и формализовать процесс смены власти. Но очень вероятно, что, сам того не желая, он ускорит и без того неизбежный кризис этой системы. которая может не выдержать двух начальников. Боливар не вынесет двоих.

Однако, может быть, он еще передумает – какое-то время у него еще для этого есть.

Большая политика. № 1–2, январь-февраль 2006

ГЕНСЕК, КОТОРОГО МОГЛО НЕ БЫТЬ

Мне думается, что при анализе значения перестройки и роли Горбачева в истории мы должны стремиться избежать того противоречия, которое вообще часто присутствует в историографии и наиболее ярко, как мне представляется, присутствовало в советской историографии Октябрьской революции.

С одной стороны, все, кто писал о революции, стремились показать ее закономерность, подготовленность всем предшествующим ходом развития. При этом, чтобы доказать неизбежность революции, допускалось множество искажений и натяжек. Преувеличивались развитость капиталистических отношений, размеры и организованность рабочего класса и т.д. С другой стороны, Ленин всячески превозносился как величайший мыслитель и политик. Противоречие здесь – в том, что если Октябрьская революция была полностью предопределена всем ходом предшествующего развития, то ее осуществление – задача, которая не требовала особой гениальности, как от мышки, которая «хвостиком махнула», не требовалось особой силы, чтобы разбить яйцо. Не было бы Ленина – был бы кто-то другой. Признание предопределенности Октябрьской революции и грандиозной исторической роли Ленина противоречили друг другу. (Я лично думаю, что Ленин был великий человек, и что роль его – грандиозна именно

потому, что победа большевистской революции в России не была исторически predetermined, что это был лишь один из возможных вариантов развития, который без него не реализовался бы).

Вот такого противоречия, мне думается, мы и должны стараться избегнуть при попытках осмыслить перестройку. Естественно, что мы не в состоянии (и никогда не будем в состоянии) ясно и однозначно указать на соотношение в перестройке субъективных и объективных факторов, необходимости и случайности. Но надо четко понимать, что чем больше мы представляем перестройку как событие, детерминированное всем предшествующим развитием, которого не могло не произойти, тем меньше значения мы должны придавать личности М. С. Горбачева. Не он, так кто-то другой, чуть раньше, чуть позже, чуть иначе. И наоборот, если мы говорим о перестройке как о великом событии и о громадной исторической роли Горбачева, это логически подразумевает, что без них все могло бы быть совершенно иначе.

Поэтому вопрос о роли Горбачева и значении перестройки неотделим от вопроса о других, неперестроечных вариантах развития СССР и всего мира. Попытаемся понять, были ли эти иные «неперестроечные» варианты развития, и какими они могли быть?

Прежде всего, пытаясь представить эти варианты, мы должны исходить из того, что советский

режим был практически на сто процентов защищен как от опасностей извне, так и от опасности революции снизу. Атомное оружие исключало возможность нападения на СССР, и никакое наше отставание в гонке вооружений ничего здесь принципиально не меняло – достаточно иметь несколько атомных бомб и минимальную возможность хоть одну из них обрушить на головы противников, чтобы быть полностью гарантированным от угрозы извне. (Пример – КНДР). Но так же он был застрахован и от революции снизу. Проникающий повсюду аппарат КГБ исключал возможность возникновения революционного подполья. То значение, которое советскими властями придавалось горстке диссидентов, говорит скорее о патологиях советского сознания, чем о реальности угрозы, исходившей от этих диссидентов. Конечно, могли быть и были стихийные бунты, однако без революционной организации они не могли быть особо опасны. Но без угрозы вторжения извне и революции снизу ни технологическое отставание от Запада, ни экономические трудности, связанные с неэффективностью экономики, ни даже утрата веры в официальную идеологию сами по себе не могли привести к смене режима.

Для меня несомненно, что режим, основывающийся на идеологии, в которую практически уже никто не верит, в конечном счете обречен. Но даже очевидно не-

эффективный и переживший свое время режим в условиях тотальной защищенности мог существовать еще долгое время. Не говоря уже о режиме коммунистического Китая, который пока что никак нельзя назвать неэффективным, но ничуть не более эффективные и менее защищенные, чем режим СССР, коммунистические режимы в Северной Корее или Кубе существуют до сих пор. В конечном счете, они тоже, несомненно, обречены (как обречен и китайский). Но они дожили до 2006 года и просуществуют еще не ясно сколько времени. Поэтому возможность сохранения коммунистического СССР до настоящего и даже до значительно более позднего времени представляется мне вполне вероятным, хотя и не реализовавшимся вариантом развития событий.

Эта практически полная защищенность советского режима, достигнутая по окончании Второй мировой войны, когда СССР получил доступ к ядерному оружию, приводила к тому, что единственной возможностью смены режима могли быть лишь какие-то действия сверху, самой власти. И так как никакой прямой угрозы власти не было, это должны были быть действия, мотивированные не столько стремлением к самосохранению, сколько идейно. Но какие формы могла иметь эта идейная мотивация, и насколько вероятным было появление Горбачева с его мотивацией и именно в это время?

Идейная мотивация к демократическому преобразованию советского строя, которое могло бы вообще вывести за его пределы, могла проистекать только изнутри советской идеологии. Естественной и единственной формой такой мотивации было стремление к очищению идеологии от позднейших наслоений, ее оживление и дедогматизация путем обращения напрямую к ее сакральным источникам – к Марксу и Ленину и их «новому прочтению» в демократическом и либеральном духе. Я бы назвал это «коммунистической реформацией», «марксистским протестантизмом». И идеология хрущевских реформ, и идеология перестройки были движениями «Назад, к Ленину» и «Назад, к Марксу». Движение вперед, к большей свободе, могло идти только через движение назад – к гуманистическим и демократическим аспектам мысли основателей идеологии.

Такие идеи в советском обществе второй половины 50-х – 60-х годов, в период, начинающийся примерно с XX съезда КПСС и заканчивающийся примерно подавлением чехословацких реформаторов в 1968 году, были очень популярны. Я думаю, что если бы вместо Хрущева в то время у власти оказался несколько иной человек, или же Хрущева сменил бы не Брежнев, а кто-то другой, который смог бы стать продолжателем Хрущева, то есть человек с мотивацией и идеями, близкими к горбачевским, могла бы произойти успеш-

ная, постепенная трансформация советского режима сначала в более демократический, а в конечном счете и просто в демократический. Это – то, что пытались осуществить чехословацкие реформаторы 1968 года. Но эта возможность не реализовалась ни в СССР, где в тот момент не оказалось в руководстве такого человека, ни в Чехословакии, где ей не дали осуществиться советские танки.

Между тем, дальше вероятность такого развития событий, по-моему, не увеличивалась, а уменьшалась. В 70-е – 80-е годы притягательная сила марксистско-ленинской идеологии стремительно падала, и в верхушке партийной иерархии, как это и продемонстрировала перестройка и постперестроечное развитие, ее искренних приверженцев уже практически не было. Соответственно, стремительно падала и вероятность трансформации режима при опоре на демократические стороны и потенциалы марксистско-ленинской идеологии.

Только то, что Горбачев, когда говорил: «больше социализма» и «как учил Ленин», искреннее в это верил (он и сейчас в это верит), могло дать ему силы и «наивности» не бояться предпринять его «перестройку». Таковую силу могла дать только вера – в «творческие силы народа», который в конце концов обязательно «разберется», в «потенциал социализма» и потенциал «советского федерализма», которые еще «не раскрыты в

полной мере», в «новое мышление», к которому не могут не прийти все народы и страны. Циник-«реалист», даже умный и вообще-то желающий блага народу, как многие горбачевские соратники, быстро ставшие с распадом советской системы «страстными антикоммунистами», на это был бы не способен, ибо задача перестройки – не «реалистическая» задача. Между тем, в окружении Горбачева, да и в обществе в целом, «верующих» практически не уже не было – Горбачев был одним из самых последних (и это было главной причиной его поражения, ему не на кого было опереться).

Поэтому появление именно в это время Горбачева и его «идеалистического» реформаторского проекта представляется мне отнюдь не самым вероятным вариантом исторического развития. Более того, мне думается, что реализовался как раз один из наименее вероятных и с каждым годом становящихся все менее вероятным вариантов.

Между тем, марксистско-ленинская реформация была не единственной формой идеологии, которая могла вывести за пределы советской системы. Но в совсем ином направлении.

Советское государство представляло собой очень сложное образование. С одной стороны, СССР был государством, основанным на марксистско-ленинской интернационалистической идеологии. С другой стороны, он был продолжением Российской империи, Россий-

ской империей в новом воплощении. Соответственно, было и две идеологии этого государства – была официальная и все более формальная и утрачивающая жизненную силу идеология марксизма-ленинизма и была неформальная, «теневая» идеология русского великодержавия. Весь брежневский период эта вторая, «теневая» идеология фашистского типа постепенно усиливалась по мере упадка первой, официальной, и уже выходила из тени. Особенно, естественно, такие идеи распространялись в армии и спецслужбах.

Эта идеология также могла создать идейные мотивации для преобразований, ведущих за пределы системы. По мере все более очевидного маразмизирования власти, как мне представляется, усиливалась возможность, что какой-то заговор верхушки армии и спецслужб устранит некоего нового Черненко и установит открытую диктатуру с националистической имперской идеологией, которая видела бы своей высшей задачей возвращение «дисциплины» внутри общества и силовую имперскую политику вовне. Общество такую диктатуру приветствовало бы – вся постсоветская российская история и трансформация российского постперестроечного режима, поддерживаемая большинством населения, демонстрируют громадную силу таких идей и настроений. Тем более что ее установление могло сопровождаться устранением ряда социальных несправедливостей и облегчающими жизнь населения реформами.

И чем дальше бы существовала советская власть, тем больше была бы эта возможность, последствия реализации которой могли бы быть ужасны, и не только для России. Все равно неизбежная гибель советской империи могла бы в этом случае стать не «крупнейшей геополитической катастрофой», как ее охарактеризовал Путин, а настоящей катастрофой.

Мне представляется, что появление Горбачева произошло на самом излете возможности первого («марксистского») варианта трансформации советской системы и тогда, когда вероятность второго («имперского») варианта трансформации была еще не так велика.

Советская власть была обречена. Но конец ее мог наступить в очень большом временном диапазоне и в разных формах, и на смену ей могли прийти режимы разного типа. Появление реформатора типа Горбачева именно в его время было не самым вероятным развитием событий. Это был не лучший вариант развития. Лучшим был бы приход фигуры типа Горбачева раньше, в 60-е годы. Но это был вариант, спасший Россию и весь мир от других, значительно более страшных и опасных.

Человек, 75 лет которого мы отмечаем, действительно, повернул историю и нашей страны, и мира. Его значение – именно в том, что его вполне могло бы и не быть, и все было бы во много раз хуже. Его значение – в маловероятности появления такого человека в его время на вершине советской иерархии.

Сила Горбачева – в его искренности и убежденности и неотделимой от них «наивности», которая во много раз выше «реализма». Его сила – в том, что он не поступался своими принципами даже в ситуации, когда любой реалистически мыслящий человек пошел бы на компромиссы. Его сила – в том, что он долго убеждал общество не бояться его, чего не стал бы делать ни один «нормальный» правитель, который даже ради благих реформаторских целей предпочел бы использовать страх. Его сила – в том, что когда ошалевшее от свободы общество, естественно, обратилось против него, когда здравый смысл подсказывал, что надо припугнуть, он продолжал уговаривать. Что ему даже в голову не приходило, например, избавиться от Ельцина тысячами возможных способов – «ради сохранения стабильности и продолжения курса преобразований».

Одной из самых больших психологических загадок Горбачева является то, что он не производит впечатление проигравшего человека. Так воспринять поражение и неизбежно следовавшие за ним унижения мог только человек, для которого власть – не самоцель, а средство для реализации его идеалов. Поражение было частью той цены, которую он был готов за них заплатить. И это поражение – его самая большая победа, победа над логикой политической борьбы, над ведущим к катастрофе «здравым смыслом», над соб-

ственными естественными, человеческими, властными импульсами.

Горбачев единственный в русской истории правитель, который, имея всю полноту власти, пошел на риск ее потерять во имя своих идей и свободы других. Он показал, что для политика может быть что-то, что важнее власти. Россия станет нормальным, современным, человеческим демократическим обществом только тогда, когда закон будет значить больше, чем лицо, осуществляющее власть. Над Горбачевым такого закона не было. Но такой закон был в его душе, и он стремился сделать его объективным, «институциональным» и пожертвовал ради него всем.

Исходя из критериев современного демократического мира России почти нечем гордиться в своей политической истории. Деспотов, строивших из человеческого песка распадавшиеся затем империи, было много, а борцов за свободу – мало, и все какие-то сомнительные, путавшие народную свободу со своей властью. Но у нас есть одна несомненная фигура, «оправдывающая» русскую политическую историю и русскую политическую культуру, которой мы можем гордиться сейчас и которой обязательно будут гордиться наши потомки. Это – Горбачев.

Горбачев и подаренные им шесть лет движения ко все большей свободе был крупный российский и советский выигрш в лотерею истории. Вообще-то мы

знаем, что выигрыши бывают, и даже крупные, но они маловероятны, и рассчитывать на них глупо. И уж совсем маловероятно, что такой выигрыш в одной и той же стране может произойти в обозримое время дважды. Главы государства, который, как Горбачев, хотел бы свободы для людей больше, чем власти для себя, больше не будет.

Независимая газета. 3.03. 2006

ВОЗВРАЩЕНИЕ ПАРТИИ

В «Единой России» – уже миллион членов, и это – только начало. В стране быстро устанавливается система, при которой вступление в эту партию будет необходимым условием политической (а со временем, очевидно, и любой) карьеры. Очень скоро среди наших знакомых начнут появляться члены «Единой России», которые на наше недоумение будут несколько смущенно говорить, что им не нужны проблемы с бизнесом, или им надо спасти институт, или «нельзя же допускать, чтобы там были одни проходимцы».

В этой статье я попытаюсь разобрать три вопроса: 1) чем вызван этот процесс; 2) в чем отличия этой системы от старой советской системы (в чем сходства – и так ясно); 3) к чему, в конечном счете, эта система должна привести.

1

Российская постсоветская политическая система, как и предшествующая советская – организмы, развивающиеся по своей внутренней логике и проходящие через определенные стадии развития. При этом разные стадии эволюции одного и того же организма могут разительно различаться между собой.

Мы смотрим фотографии и недоумеваем. Неужели эта милая девочка, эта гордая красавица и эта

старушка-«божий одуванчик» – один и тот же человек? Неужели из этого мальчика вырос такой ...? Неужели этот дряхлый старик когда-то ...? Но то же самое и в истории. Неужели боровшийся с «космополитизмом» Сталин – руководитель той же партии, в которой еще недавно в руководстве евреев было больше, чем русских? Неужели Черненко – глава той же партии и того же государства, которыми руководил Ленин? Неужели Горбачев – такой же генсек КПСС, что и Сталин?

Также и с нашей постсоветской системой. Различия ельцинского и путинского времени и самих Ельцина и Путина – колоссальны и не меньше различий Ленина и Сталина и ленинского и сталинского времени. Тем не менее это – различия этапов эволюции одного организма, зародившегося в «утробе» СССР и с распада СССР развивающегося по своей внутренней логике. В основе этой логики лежит стремление власти к самосохранению. Но в разных условиях, на разных этапах это стремление может вести к совершенно разным действиям. «Время разбрасывать камни и время собирать камни, время обнимать и время уклоняться от объятий» и точно также: «Время разрушать СССР и время укреплять СНГ, время пестовать олигархов и время сажать олигархов».

В своем партийном аспекте наша система прошла через три этапа, коренным образом различающихся между собой и образующих что-то вроде гегелевской триады – тезис, антитезис, синтез.

Самый начальный (скорее даже – «утробный») этап – это этап Ельцина – лидера «демократов». Ельцин – подходящий «вождь», которого «демократы» искали и нашли, который способен говорить с народом, и которого не слишком боится номенклатура. Но без «демократов» Ельцин – ничто. Сила и власть Ельцина на этом этапе – производные от силы демократического движения. Этот этап кончается с Беловежскими соглашениями, сделавшими Ельцина главой уже независимого от союзного центра российского государства.

Второй этап – отрицание первого. Став главой государства, Ельцин быстро начинает дистанцироваться от демократов и провозглашает себя беспартийным «президентом всех россиян». Он понимает, что демократы – меньшинство (фактически они были меньшинством даже в момент его избрания президентом), причем меньшинство «претенциозное», считающее, что Ельцин ему обязан, и чего-то от него все время требующее. Одновременно Ельцин осознает, что у него может быть неизмеримо большая поддержка, проистекающая из российской привычки к безальтернативной и неограниченной власти, которая, какая бы она ни была, для народа всегда лучше, чем безвластие и необходимость свободного выбора. Как сказала одна старушка, которую спросили, почему она, у которой новые порядки все отняли, все равно намерена голосовать за Ельцина, а не за Зюганова: «Вот когда Зюганов станет президентом, тогда мы за него и будем голосовать». Имя этой

старушки – легион, и никакие демократы с ней власти не нужны, тем более, что стоит только припугнуть их «коммуно-фашистами», и они тут же забудут все обиды, как это произошло в 1996 году.

Проходит время, и все снова радикально меняется, наступает «отрицание отрицания». При Путине система окончательно стабилизируется, оппозиция отмирает, выборы президента становятся не «псевдоальтернативными», как в 1996 году, а уже открыто безальтернативными. И тут власть начинает активное строительство своей партии. Почему? Почему Ельцину никакой партии не было нужно, а при Путине она понадобилась?

Строительство «Единой России» – не просто возвращение назад, а возвращение «на новом высшем этапе». Это не возвращение к зависимости лидера, президента, от партии или движения, ограничивающих его власть, а создание партии, являющейся властным инструментом президента. «Демократическая Россия» возникла до Ельцина, помимо Ельцина и имела свою идеологию. Наоборот, «Единая Россия» – прямое создание возникшей до нее и абсолютно независимо от нее передаваемой по наследству от президента к президенту безальтернативной власти, и у нее есть одна идеология – «служить отечеству», то есть этой самой власти.

Президент не может следить за всеми и каждый раз при любом назначении судорожно наводить справки – что это за человек, контролируем ли он, можно ли на

него положиться. Ему нужен какой-то простой и ясный признак, по которому можно различать своих и чужих, и какой-то механизм предварительного отбора кандидатов на должности. Человек, вступающий в «Единую Россию», объявляет себя готовым «беззаветно» служить власти («отечеству»). Он входит в «кадровый резерв». И наоборот, пока этого еще нет, но очень скоро люди, которые в «Единую Россию» не вступили, будут становиться несколько подозрительными.

«Демократическая Россия» как реальная «пропартия» могла ограничивать власть. Ее поддержка власти в силу наличия у нее своей идеологии не могла не быть условной и для власти обременительной. У «Единой России» такой идеологии нет и ее поддержка власти – безусловная. Но именно поэтому, хотя членство в «Единой России» скоро станет необходимым условием прохождения во власть, она не может быть «правлящей партией». Строго говоря, даже КПСС не была, кроме самых ранних этапов своей истории, «правлящей партией», ибо члены ее не имели никаких прав, кроме права единогласно голосовать за принятые не ими решения. Правящая партия, которая не может потерять власть (кроме как революционным путем), перестает быть партией и перестает быть правящей. Она становится механизмом управления и системой карьерных фильтров.

«Единая Россия» – новая инкарнация брежневской КПСС, и сравнивать ее надо не с такими долго правя-

щими, но реальными партиями, как либерально-демократическая партия Японии или шведские социал-демократы, а с псевдопартиями – преемниками КПСС, уже давно, раньше нас, созданными «безальтернативными» президентами ряда стран СНГ, раньше стоявшими во главе республиканских парторганизаций, как казахстанской «Отан» или азербайджанской «Ени Азербайджан».

2

Мы движемся по разным «диалектическим спиральям» и развиваемся по гегелевским «триадам». Лидер демократов, ставший президентом, – беспартийный президент, отец всего народа – президент, формально выдвинутый «Единой Россией» (этап еще не наступивший, но очень вероятный) – это одна «триада». Но есть и вторая «триада»: «безальтернативная» власть генсеков КПСС – переходный период демократического хаоса – «безальтернативная» власть президентов.

То, что на новом этапе и в новых идеологических формах у нас возвращается (уже вернулась) однотипная с советской системой система безальтернативной верховной власти, не зависящей от общества и контролирующей его (как в советское время в новых формах происходило возвращение основных элементов системы самодержавия), – слишком очевидно, чтобы об этом говорить. Доказывать сходство «Единой России»

и КПСС – ломиться в открытую дверь. Значительно интереснее обозначить различия советской и постсоветской систем, КПСС и «Единой России».

КПСС была партией с великой историей и с догматической идеологией, вначале вызывавшей действительно религиозную веру, за которую умирали и убивали. Начальный этап ее существования – это РСДРП(б), крохотная революционная секта, со всеми свойственными секте верой, преданностью и энтузиазмом. Когда она пришла к власти, в нее, естественно, хлынул поток карьеристов и конформистов. Однако ее идеология была настолько мощной, достижения настолько очевидными, что и десятилетия спустя многие люди вступали в КПСС, потому что действительно «хотели быть в передовых рядах строителей коммунизма». Но в конце концов идеология превратилась в набор пустых фраз, а насчитывающая многие миллионы членов партия стала партией людей, вступивших в нее для карьеры или удобства жизни. Когда КПСС была крохотной РСДРП(б), противостоящей многочисленным другим политическим силам и раздираемой внутренней борьбой, она жила. Когда она стала многомиллионной, безусловно правящей и не имеющей конкурентов партией, в которой все решения принимаются единогласно, достаточно было потрясения перестройки, чтобы она рассыпалась, как прогнившее дерево, в труху.

У «Единой России» нет ни славного революционного прошлого, ни своей идеологии. Она не боролась

за власть, а можно сказать – стояла у власти еще до своего рождения. Ей не нужно проходить через период ожесточенной идейной внутренней борьбы, в которой вырабатывается догма. В ней нет идей, из-за которых могла бы вестись такая борьба, поэтому в ней с самого начала – полное спокойствие, и могут быть только клановая борьба на местах и подковерные интриги наверху. Представить себе съезд «Единой России», где открыто и с непредрежденным результатом боролись бы, скажем, «фракция Медведева» с «фракцией Иванова», как на ранних большевистских съездах Троцкий боролся с Зиновьевым, Каменевым и Сталиным, – просто смешно. КПСС только в конце стала партией, куда большинство вступали лишь из-за карьеры и жизненных благ. «Единая Россия» – изначально такая партия, ибо представить себе идейные мотивы при вступлении в нее невозможно. У «Единой России» не было детства – она «родилась старой».

В некотором роде она начала с того момента разложения и деидеологизации, на котором кончила КПСС. Это – КПСС, но освободившаяся от идеологии, уже к концу советской эпохи ставшей набором утерявших смысл формул.

Если КПСС – тезис, демократический хаос – анти-тезис, а «Единая Россия» – синтез, то синтез этот – карикатура на тезис. Спираль ведет вниз. Тоже Наполеон, но – третий и малый.

Экстраполируем существующие тенденции. Дотянуть членство в «Единой России» до 10 миллионов большой проблемы не составляет.

Оппозиция представляет собой определенную проблему, но проблема эта – совсем не в том, что она может победить на выборах. Это – так же смешно, как смешна картина съезда «Единой России», где после упорной борьбы небольшим большинством голосов Медведев победил бы Иванова. Проблема оппозиции – в том, что она неумолимо исчезает, и «Единая Россия» не может с ней не бороться, но при отсутствии оппозиции она полностью теряет идеологическую определенность. КПСС могла жить без оппозиции, ибо она была в оппозиции к «миру капитализма». Но «Единая Россия» может самоопределяться лишь через отрицание каких-то идеологических определенностей – как партия не олигархов, не либералов, не коммунистов и не фашистов. Но если все олигархи, либералы и фашисты будут окончательно побеждены (а на деле их и побеждать нечего, они уже давно побеждены) и сами войдут в «Единую Россию», а коммунисты вымрут, что получится?

Получается картина полной, гротескной пустоты. Есть громадная многомиллионная партия, единственная идеология которой – любовь к президенту, назначенному предшествующим президентом. Все

партийцы стремятся к разным жизненным благам, которых без членства не получишь, но всем им чуть-чуть стыдно, что надо имитировать любовь, и, конечно, как только появится возможность сохранить блага без членства в партии, тут же из нее уйдут и в дальнейшем афишировать свое бывшее членство не будут.

Мобильность в этой партии и государственном аппарате определяется примерно теми же принципами, которыми она определялась в поздней КПСС – выдвигаются самые безликие, самые контролируемые, наименее опасные для начальства, что ведет к дальнейшей деградации элиты. Элита у нас и так плохая, ибо костяк ее сформировался в поздней КПСС, хотя в смутное горбачевско-ельцинское время в нее вошла целая когорта разных талантливых «самовыдвиженцев». Но трудно даже представить себе, какая будет элита, если механизм отбора через «Единую Россию» заработает в полной мере.

Такая система – «хрупкая», и будет становиться все более хрупкой. Долго ли она может продержаться? В. Сурков говорит, что «Единой России» надо готовиться на роль правящей партии лет на 15. И я думаю, что он совершенно прав. Построенная на вере и крови советская система безальтернативной власти прошла свой жизненный цикл от романтической и жестокой юности к расслабленной и маразматической старости за 70 лет. Система «Единой России», которая «родилась старой», поздний этап развития постсоветской рос-

сийской системы безальтернативной власти, больше 15 лет скорее всего не протянет.

Как она придет к концу, и каким будет этот конец – сказать невозможно. Ни один старик не умирает просто так. Всегда находится какие-то причины – один случайно упал, другой случайно простудился. Но конечная причина всегда одна – слабость и изношенность организма. О сроках можно спорить, но неизбежность конца нашей системы проблемой не является. Главная проблема – в другом. Что за концом?

Русская политическая культура в условиях нового времени регулярно порождает внешне монолитные и прочные системы безальтернативной власти, которые прогнивают насквозь и распадаются в труху, как распалась самодержавная система, а затем – советская. Проблема – не в том, когда и как рухнет третья такая система, а в том, чтобы выйти из порочного круга подобных систем, перейти к устойчивому демократическому развитию. Менять надо не систему, а порождающую такие системы культуру. Но изменить себя, свой характер – неизмеримо труднее, чем идеологию. Идеологию мы на протяжении прошлого века меняли трижды, а уж развенчивали бывших кумирами правителей – раз десять. Но характер у нас с царских времен изменился мало.

Независимая газета. 24.03. 2006. С. 11.

«ХОЛОДНАЯ ВОЙНА» НА ПРОСТОРАХ СНГ

Вести из стран СНГ – как вести с фронта. Потеряны Грузия, Аджария, Украина, Молдова, Киргизия. Приднестровье – в осаде. Враги устраивают диверсии в Узбекистане, Казахстане, подбираются к Минску. Минск держится, но если он падет, страшно думать, – открывается дорога на Москву. Что же за война идет на просторах СНГ? Кто, с кем и за что воюет?

Эта война – продолжение той «холодной войны», которую вели Запад и СССР, только на значительно более узком пространстве, при ином соотношении сил и с несколько меньшим ожесточением. Ясно, что борьба России и Запада за Украину и Белоруссию – прямое продолжение борьбы СССР и Запада за Польшу, Венгрию, Чехословакию. Поддержка Европой и США Ющенко и Саакашвили – это продолжение их поддержки Дубчека и Валенсы. Наша поддержка Лукашенко – это продолжение поддержки СССР коммунистических режимов в ныне Центральной, а тогда – Восточной Европе. Почему же с концом коммунистической системы и провозглашением России демократическим и рыночным государством, вроде бы исповедующим те же ценности, что и Запад, борьба не прекратилась?

Как поведение человека по отношению к другим людям определяется тем, какой это человек, так внешняя политика государства определяется тем, какое это государство. Природа общества проявляется в его отношениях с другими обществами.

СССР был «первым в мире государством победившего социализма», и этим определялась его внешняя политика. Любое государство стремится создать вокруг себя безопасную среду. Для СССР создание такой среды означало «победу социализма» в других странах. Политику СССР можно рассматривать и как предельно циничную, в которой цель оправдывает средства, и как предельно идеалистическую – миллиарды выбрасывались на ветер только для того, чтобы помочь какой-нибудь Анголе «встать на некапиталистический путь развития». Но «идеалистический» и «эгоистический» компоненты были в ней неразделимы, ибо речь шла о безопасности и выживании государства со строем, основанным на коммунистической идеологии.

Как политика СССР диктовалась природой советского общества, так политика США и других стран западных стран диктовалась их природой. Они также стремились к созданию в мире безопасной для них среды, гарантирующей их выживание. Только природа этих стран – совершенно иная, и, соответственно, совершенно иная и благоприятная, безопасная для них

среда. «Идеализм» и «эгоизм» в политике Запада также были неразрывно связаны друг с другом. Как для СССР борьба за его национально-государственные интересы была неотделима от борьбы за «победу социализма во всем мире», так для стран Запада, и прежде всего США, страны, самосознание которой неразрывно связано с системой ценностей, зафиксированных в идеологических документах, создавших США как нацию, – Декларации Независимости и Конституции, борьба за национальные интересы неотделима от борьбы «за идеалы демократии».

Обе стороны шли на различные «компромиссы с реальностью», поддерживая идеологически чуждых им «врагов своих врагов». Страх ядерной войны заставлял их быть осторожными и говорить о «мирном сосуществовании». Порастерявший свои идеалы и впадающий в маразм СССР под конец уже плохо соображал, за что он борется, и совсем забыл о «победе коммунизма во всем мире», просто пытаясь забором из ракет отгородиться от старости и смерти, приближение которой он где-то в глубинах сознания ощущал. Тем не менее советская формула о «непримиримой борьбе противоположных социальных систем» правильно отражала реальность. Противоречия между советской и западной системами действительно были «антагонистическими», и «мирное сосуществование» могло быть лишь «продолжением классовой борьбы иными средствами». Борьба была непримиримой и

могла прекратиться лишь с исчезновением одной из борющихся сторон.

Но вот Запад победил и СССР рухнул. Почему же борьба продолжается?

* * *

Как внешняя политика СССР была проекцией во-вне, в сферу межгосударственных отношений, природы советского общества (а в западной проявлялась и проявляется природа западных обществ), так внешняя политика постсоветской России определяется природой постсоветского российского общества. Какое же это общество?

Это – общество, на символическом уровне порвавшее с советским прошлым и принявшее демократические ценности. Никакой серьезной, реальной идеологии, альтернативной демократии, у нас нет и вроде бы не предвидится. Вместе с тем это – общество, не способное жить в соответствии с демократическими ценностями и воссоздавшее у себя систему «безальтернативной власти», все более схожую с советской, но, в отличие от нее, не имеющую какого-либо идейного обоснования. Постсоветская российская система основана на глубоком противоречии формального и неформального устройства общества, противоречии, которое общество вынуждено прятать от мира и от самого себя. (Выборы, вроде бы демократические и даже

альтернативные, но с заранее известным результатом. Суд, вроде бы независимый, но выносящий те решения, которые нужны власти, и т.д).

Как США, как СССР, как любая страна, постсоветская Россия стремится создать вокруг себя адекватную, безопасную среду. Но крайняя противоречивость нашего общественного устройства диктует противоречивые требования к безопасности. Если определять наш строй как «управляемую демократию», или «закамуфлированный под демократию авторитаризм», то оба компонента этих определений диктуют разную политику.

Поскольку наше общество формально исповедует те же принципы демократии и свободного рынка, что и Запад, поскольку открытое отрицание этих принципов означало бы смену режима и не возможно, хорошие отношения с Западом, членство во всяких Советах Европы и восьмерках, дружеские ужины президента с западными лидерами и т.п. жизненно важны для России. Это является как бы зримым подтверждением нашей «нормальности», выданным нашему строю «сертификатом легитимности». Демократический «камуфляж» нашей системы требует «партнерства» с Западом, это – необходимый элемент обеспечения нашей безопасности.

Но авторитарное, «управляемое» содержание нашей системы диктует прямо противоположное. Безопасная среда для нашей системы – это среда одно-

типных нам политических систем «управляемых демократий», которую мы активно поддерживаем в СНГ и, поскольку нам позволяют силы, везде – в Сербии, на Ближнем Востоке, даже в Венесуэле.

Политика СССР могла казаться циничной и могла казаться даже «донкихотской» – зачем во имя «пролетарского интернационализма» тратить столько денег? Но идеализм и «реализм» были неотделимы друг от друга, ибо, если не расширяться, значит, сужаешься, если не вбухивать миллиарды в экономику коммунистических стран, если допустить падение здесь коммунистических режимов, через какое-то время встанет вопрос о нашем собственном выживании. Точно так же наша политика по отношению к режиму Лукашенко и другим аналогичным режимам может казаться и верхом цинизма и верхом идеализма. Для чего тратить столько сил и денег? Но система управляемой демократии в России также не сможет выжить, если Россия будет со всех сторон обложена странами «неуправляемых демократий», как СССР не смог бы выжить, если бы пал санитарный кордон «стран народной демократии». В конечном счете речь идет о выживании системы, а ради сохранения жизни денег никогда не жалко.

Запад не может не поддерживать установление однотипных западным систем, что означает расширение зоны его безопасности – это обусловлено самой природой западных обществ. Он может применять «двойные стандарты» только тактически – если недемокра-

тический режим является противником другого недемократического режима, который он считает более агрессивным и опасным, или если он полагает (правильно или неправильно – другое дело), что в данной стране в данный момент демократия может привести к появлению более еще более опасной диктатуры, как он поддержал в 1993 и 1996 годах Ельцина из-за страха перед возвращением к власти коммунистов. Но отказаться вообще от поддержки демократии он не может.

Мы тоже не можем не противодействовать этому и не стремиться к укреплению систем «управляемых демократий». Поэтому внутренняя борьба в странах СНГ приобретает характер российско-западного противостояния. Любая оппозиция авторитарным президентским режимам обращает свои взоры к Западу. Президенты стремятся не портить отношения с Западом, поскольку Запад выдает «сертификаты легитимности» их режимам, но когда дело доходит до реальной угрозы власти, тут уже не до Запада и не до легитимности. Тут Каримов и Кучма вспоминают, что у них есть единственный влиятельный друг, который никогда не предаст их в трудную минуту, – Россия.

Борьба России и Запада на просторах СНГ (и в какой-то мере в мире в целом) – это такая же борьба двух в конечном счете непримиримых систем – системы «управляемой демократии» и системы просто демократии, как в свое время непримиримой была борьба «мира капитализма» и «мира социализма». Но так как

управляемая демократия в отличие от коммунизма – система, не имеющая идейного обоснования, система, в основе которой – противоречие реальности и провозглашенных принципов, Россия может вести эту борьбу лишь «прикрыто», не объявляя своих целей и даже не признаваясь в них сама себе. У СССР был прекрасно разработанный язык, описывающий его политику, – «победа социализма во всем мире», «интернациональная солидарность», «мирное сосуществование двух систем», «мирное соревнование двух систем» и т.п. У нас нет и не может быть такого языка. Лозунг: «Да здравствует победа управляемой демократии во всем мире!» – невозможен. Мы не только другим, но и сами себе не можем сказать, что наша цель – не допустить в странах СНГ честных избирательных кампаний и нефальсифицированных выборов. Но если нет языка, не может быть и достаточно ясных мыслей и стратегий.

Противоречивость нашей политики, принципиальная невозможность для нас адекватно ее сформулировать (это бы означало определить для самих себя нашу социально-политическую систему, но система эта – такова, что может существовать, лишь пока она не определена, пока ее природа закамуфлирована), вытекающая из самой природы нашей системы необходимость стремиться сразу к двум противоположным целям: принятию в западное общество и противодействию Западу, где только можно, – одна из причин наших внешнеполитических поражений,

нашей слабости. Но более глубокие причины наших неудач – в другом.

* * *

Президент Путин сказал, что СССР погиб, потому что «оказался нежизнеспособен». И он совершенно прав.

Западные, демократические и рыночные системы, в которых идет постоянная борьба политических сил, способны адаптироваться к самым разным вызовам современного быстро меняющегося мира, они адекватны этому миру.

Коммунистическая система была жизнеспособна на определенном этапе своего развития и для определенных стран – относительно невысокого уровня развития и культурного типа, мешающего установлению демократии и рынка. Но эта основанная на догме система была организована так, что очень быстро становилась ригидной и закрытой, не способной адаптироваться к меняющейся реальности. Бурная экспансия коммунизма останавливается на границе наиболее развитого мира и дальше начинается его стагнация и разложение. В конечном счете коммунизм уничтожили его собственные достижения, несколько замедленное ригидным социально-политическим строем, но неизбежное и необратимое развитие коммунистических обществ, которым все более ригидная система становилась все более тесна.

Системы «управляемых демократий» – смягченные варианты советской системы. В них уже нет сковывающей догмы, но в них нет и свободной борьбы политических сил и их ротации у власти, которая дает возможность обществу адаптироваться к новым вызовам. Отсутствие у них своей идеологической базы, имманентное им противоречие «формы и содержания» делает их еще более хрупкими и неустойчивыми, чем коммунистические системы.

Управляемые демократии – естественные режимы в обществах, уже переросших коммунистические системы (или переросших традиционалистские системы, как в арабских и африканских «управляемых демократиях»), но еще не способных жить в демократических условиях. Это – компромиссные, переходные образования на пути к реальным демократиям. Развитие обществ подтачивает такие системы так же, как оно подтачивало коммунистические, но, похоже, быстрее. И именно в этом – конечная причина наших теперешних внешнеполитических неудач.

В 90-е годы, сразу после распада СССР, у нас была полоса успехов. Пали романтически-националистические и прозападные режимы в Азербайджане и Грузии, и эти страны, где установились «управляемые демократии» Алиева и Шеварднадзе, вошли в СНГ. В Украине «архитектора украинской независимости» Кравчука сменил «прагматик» Кучма, а в Белоруссии к власти пришел человек, который (во всяком случае,

по легенде) был единственным белорусским депутатом, голосовавшим против Беловежских соглашений. Россия вроде бы снова стала «собирать земли», создавая вокруг себя удобную для своей социально-политической системы среду, нечто вроде нового и миниатюрного варианта «соцлагеря». Эти успехи не были результатом хитроумной и дальновидной российской политики. Они были результатом естественных провалов попыток перейти к демократии не готовых к демократии стран, где устанавливаются однотипные режимы власти «безальтернативных» президентов, тянущиеся к России. В этот период само время работало на нас.

Но следующее десятилетие – полоса провалов. И опять-таки, эти провалы – следствие не «просчетов», а естественных процессов. Это – следствие деградации режимов «управляемых демократий», погружающихся в коррупцию, теряющих «обратные связи» с обществом, переходящих к открытым репрессиям и убийствам своих оппонентов и утрачивающих свою легитимность. Режимы деградируют, а общества развиваются. Современные Украина, Белоруссия, Казахстан – значительно более готовые к демократии общества, чем в начале 90-х. Волна «цветных революций» остановилась, пройдя по наиболее развитым обществам и сметя наиболее слабые режимы управляемой демократии, но вопрос о падении остальных режимов этого типа – лишь вопрос времени.

Мы обречены на неудачи, поскольку пытаемся сдерживать неумолимые и необратимые процессы. И мы не можем не пытаться их сдерживать, ибо это стремление вытекает из нашей природы.

«Холодная война», которая продолжается в смягченной и закамуфлированной форме, может прекратиться только тогда, когда сама Россия перейдет от управляемой демократии просто к демократии. Если изменится наш «организм», изменится и вся система наших «национальных интересов». Старые проблемы исчезнут сами собой, как в Европе с победой демократии исчезла масса казавшихся вечными проблем, и возникнут новые. Но это будет еще не скоро. А пока нас ждут новые битвы и новые поражения.

Независимая газета. 27.03.2006. С. 10–11.

ЦЕРКОВЬ ОДНОЙ ПАРТИИ

Документы X Всемирного русского народного собора – вступительное слово патриарха, доклад митрополита Кирилла и Декларация о правах и достоинстве человека – РПЦ впервые пытается определить свое отношение к проблеме «прав человека».

Концепция прав человека, как правильно говорит митрополит Кирилл, «родилась и развилась в западных странах» и ее развитие, начавшееся с эпохи Реформации, неотделимо от всего развития современного мира с его наукой, техникой, рынком и демократией. «Права человека», подчинение власти праву и принятие разными идеологиями и религиями общих правовых норм – одно из требований современности, один из аспектов модернизации. Но это – именно тот аспект современного общества, усвоение которого для России – особенно трудно.

И для РПЦ, которая на протяжении всей своей истории – ни при царе, ни при советской власти – практически никогда не жила в правовых условиях и не сталкивалась с идеологическими вызовами со стороны современного демократического общества, определить свое отношение к «правам человека» – задача новая и сложная.

В Средние века, эпоху безраздельного господства православной церкви в духовной жизни России, ни о каких правах человека речи идти не могло. Для людей

этого времени было самоочевидно, что высшей задачей человека является «спасение души», для которого отнюдь не достаточно соблюдения общепринятых моральных норм («добродетели язычников»), а необходима прежде всего вера, принадлежность к истинной Церкви. Это было время, когда Иван Грозный мог искренне надеяться попасть в Царствие Небесное, поскольку от веры он не отступал, в церковь ходил, посты соблюдал, исповедовался и т.д., а за убитых им Бог простит. Нам сейчас уже трудно понять этот мир средневековья, в котором поступки, представляющиеся нам сейчас ужасными и аморальными, были вполне оправданными и даже нравственными. Сжигали еретиков, преследовали раскольников, насильственно крестили татар и язычников – не негодяи и садисты (вернее, совершенно не обязательно негодяи и садисты). Это делали люди, которые были глубоко убеждены, что они спасают души людей. Ведь некрещеным язычникам и мусульманам после смерти уготован ад, а еретик – хуже заразного больного, так как чума или холера могут лишь обречь людей на временные страдания и погубить тело, а соблазненный еретиком обречен на вечные муки и погубит душу. Этот мир, где палачи и жертвы легко менялись местами, где, если бы идущие на смерть, но не отрекающиеся от своей веры еретики вдруг победили, они точно так же стали бы сжигать на кострах своих бывших преследователей, был по своему логичен, последователен и даже прекрасен.

Но этого мира уже нет. В современном мире последние «бастионы» обороняющегося средневековья – это афганские талибы, взрывавшие буддистские «идолы», афганские судьи, которые недавно приговорили к смерти человека, перешедшего в христианство, иракские сунниты, подрывающие мечети «неверных» шиитов, обезумевшие террористы «Аль-Каиды». В «большом» мире давно победили «права человека», которые означают подчинение всех религий общим морально-правовым нормам. Имманентный этому миру принцип, который с негодованием цитирует митрополит Кирилл, – «свобода вероисповедания ограничена правами человека», что в переводе на простой русский язык значит: «верь во что хочешь, но веди себя прилично и не хулигань».

Могут ли религии подчиниться общим для всех правовым и моральным нормам современного мира? Подчиняются, значит могут. Но это всегда – трудно, ибо противоречит естественному универсализму религии. Если ты действительно убежден, что твоя вера – истинная и единственная приводящая человека к спасению, сохранить ее и одновременно не мешать проповедовать иноверцам, которые губят людские души, – очень нелегкое дело. Чтобы подчиниться нормам прав человека искренне, принять общеобязательные правила поведения, религиям нужно очень глубокое переосмысление всего своего наследия.

Но этот процесс идет, идет уже давно и во всех церквях и религиях, хотя с разной скоростью, встречая разной силы сопротивление и в разных формах. Идет он и у нас, и материалы собора – тому свидетельство. Но, как все у нас, он идет очень сложно и мучительно.

Эти муки современного российского церковного сознания видны в документах собора, в их противоречивости и нелогичности, проистекающих из-за присутствия в них разных, противоположных друг другу логик.

Одна логика – это нормальная логика средневековой веры, в которой, строго говоря, вообще нет места свободе вероисповеданий (не может быть свободы для проповеди того, что губит души людей) и для прав человека (есть одно «право» – следовать учению Церкви, ведущему к спасению души). В соответствии с этой логикой Декларация заявляет: «Мы признаем права и свободы человека в той мере, в какой они помогают восхождению личности к добру». Но как определить, что добро и что – зло? Митрополит Кирилл говорит: «Различие между секулярным гуманизмом и религиозными традициями касается решения вопроса о том, кого считать авторитетом в определении добра и зла». Человек сам не может точно определить, что есть добро и зло, – грех застилает ему глаза. Но «Бог помогает человеку сохранить эту способность распознавания через свое Откровение».

Пока что все ясно и все логично. Бог через Церковь дал Откровение, истинное определение того, что такое добро и что такое зло, и это ограничивает любые права человека. Они кончаются на пороге церкви. А общество должно подчиняться церкви, как носителю высшей Истины.

Но выдержать эту логику не получается. Современные идеи и ценности вторгаются в нее, искажают ее и порождают причудливые идеологические конструкции. Сразу же за словами митрополита Кирилла о том, что Бог помогает человеку распознать истину через Откровение, идет следующий конец этой фразы: «... содержащее хорошо известный и признаваемый практически всеми религиозными традициями свод нравственных правил». Это – уже из совсем иной логики. До сведения христианского Откровения к своду общих для всех традиций нравственных правил, по-моему, не додумался ни один «секулярный гуманист». Это – пощиче любой «ереси экуменизма», «экуменизм навыворот».

Между тем это – совсем не случайная неудачная фраза. Весь текст Кирилла построен на том, что никаких противоречий между «традиционными» религиями нет – почти так, как в древнем Риме разные языческие боги мирно сосуществовали, и преследовалась только «деструктивная» и «тоталитарная» секта христиан. Кирилл даже говорит, что между разными религиями должно быть «категорически исключено

соревнование в миссии». Здесь «терпимость» Кирилла – больше, чем терпимость западных обществ, которую он так осуждает. Кирилл отвергает «западный» принцип подчинения религий общим нормам, но в западном обществе никто не запрещает «соревнования в миссии», его только вводят в рамки определенных правил. Кирилл же вообще готов от него отказаться. Отцы церкви и русские святые от такой терпимости митрополита к буддистам и мусульманам должны в гробах перевернуться.

Как объяснить эти противоречия? Почему митрополита, который так осуждает «светский гуманизм» и «западное понимание» прав человека, не волнует то, что при «категорическом запрещении соревнования в миссии» миллионы китайцев, мусульман, буддистов и прочих так и не услышат Евангелия и будут обречены на вечную гибель? Откуда это сочетание нетерпимости к «деструктивным сектам» и терпимости к мусульманам, буддистам, кажется, даже иудаистам?

Дело в том, что логика веры подчиняется у Кирилла и участников Собора логике совершенно не религиозной, светской идеологии. Как вообще можно понять, во что человек действительно, а не на словах, верит? Это определяется его делами, его жизненными выборами. Вера – это то, что тебе действительно дорого, чем ты не пожертвуешь ради чего-то другого. Если ты идешь на смерть, как протопоп Аввакум за то, чтобы креститься двумя пальцами, ясно, что ты веришь в это,

ты доказываешь эту веру своей жизнью и своей смертью. Но если ты готов отказаться от проповеди буддистам и мусульманам и вместе с ними, единым фронтом противостоять соблазнам «западной цивилизации» с ее «пресловутыми» правами человека, значит, твоя реальная вера – не вера в Бога и его Откровение, а в то, что западная цивилизация – источник зла.

Современность «обмануть» очень трудно, она подчиняет себе и тех, кто пытается ей противостоять. Ведь секуляризм и модернизм – это не только пересмотр традиции, не только экуменизм и женское священство у англикан и лютеран. Это и полное соблюдение традиции, когда реальным объектом веры становится не содержание этой традиции, а просто сама традиционность. Одно дело – верить в истинность своей религии, и совсем другое – верить в то, что всякие народы должны придерживаться своих разных религиозных традиций и не отступать от них под влиянием западных учений о «правах человека» и иностранных миссий. Первое – это религиозная вера, второе – вера во вполне светскую и современную российскую идеологию, являющуюся комбинацией национализма, антидемократизма и традиционализма. Не случайно более чем сомнительный псевдонаучный термин «русская цивилизация» (интересно, говорят ли румыны о «румынской цивилизации», а албанцы – об «албанской») упоминается митрополитом чаще, чем слова «Христос» и «Евангелие».

Истинный смысл всех рассуждений митрополита и деяний участников Собора, по-моему, выражен словами Декларации, где говорится, что Собор «против использования прав человека для навязывания определенного государственного и общественного строя».

Власть в нашей «управляемой демократии» боится «оранжевых революций», боится идущей с Запада демократической «заразы». Но никакой серьезной идеологии, которую она могла бы противопоставить идеям демократии, у нее нет. Однако есть традиционный авторитет религии, который можно использовать. Если защиту строя, при котором у оппозиции нет доступа к СМИ, при котором власть может снимать неугодных кандидатов в депутаты с регистрации, арестовывать олигархов, которые неуютны президенту, и т.п., объявить защитой «русской цивилизации» и к этому прибавить защиту православной веры и «достоинства человека», получается не так уж и плохо. Авторитарному государству нужна церковь, готовая противопоставить правам человека его «достоинство», которому противоречит терпимость к гомосексуализму и разрешение аборт, но не противоречит фальсификация выборов и цензура СМИ. И церкви нужно авторитарное государство, от которого – все материальные блага, и которое защитит ее от иноверцев, пытающихся проповедовать русским и отбирать паству. Получается византийская «симфония» светской и духовной власти.

Когда-то в Англии была фраза: «Англиканская церковь – это партия консерваторов на коленях». Но в Англии, где демократия – неуправляемая, были и есть и другие церкви и другие партии. У нас, в соответствии с особенностями «русской цивилизации» (в этом она близка ко многим другим «цивилизациям» – белорусской, узбекской, туркменской, северокорейской и т.д.), должна быть одна партия, которая так и называется: «Единая Россия», и одна церковь – РПЦ.

Большая политика. 2006. № 5(7). С. 36–39.

СУДЬБОНОСНЫЙ ВЫБОР И ЕГО ПОСЛЕДСТВИЯ

Со времени выборов 1996 года, первых президентских выборов в постсоветской России, прошло уже десять лет. Эти выборы – третья важная веха в становлении нашего теперешнего режима.

Первая – это Беловежские соглашения, само рождение нового государства, которое возникло против воли большинства народа и без каких-либо «консультаций» с народом. Уже в самом этом способе рождения нашего государства в зародыше заключалась вся будущая судьба провозглашенной им демократии. Заключив Беловежские соглашения, Ельцин тем самым сделал практически невозможной передачу власти оппозиции, ибо оппозиция теперь просто не могла не поднять крик о «разрушении великого государства», то есть не могла не обвинять Ельцина и его сподвижников в беззаконии и государственной измене. Кравчук, другой деятель Беловежских соглашений, имел в кармане народный мандат – решения украинского референдума о независимости. Поэтому он мог позволить себе проиграть выборы. А Ельцин уже не мог, он вынужден был строить «управляемую» или «имитационную» демократию уже не только из-за властолюбия, но и из-за инстинкта самосохранения.

Вторая вежа – расстрел Белого дома и принятие на более чем сомнительном референдуме конституции, максимально удобной для формирующегося режима. Если до расстрела Белого дома еще как-то было можно вообразить, что Ельцин передает власть оппозиции, не попав затем в тюрьму, то после него никаких шансов на это уже не было. Построение режима власти безальтернативных президентов, передающих ее своим еще более безальтернативным преемникам, стало единственно возможным, действительно безальтернативным путем для Ельцина и его окружения.

1996 год – это первые выборы президента в рамках фактически уже сформированного режима имитирующей демократию власти безальтернативного президента, испытание этого режима на прочность. И если президентские выборы 1991 года, в условиях еще советской и коммунистической власти, были реально альтернативными и честными (хотя они и не были выборами верховной власти в независимом государстве), то первые же выборы верховной власти в «свободной России» носили уже имитационный характер, были выборами без выбора. То, что оппозиции власть не отдадут, сколько бы она голосов ни получила, было очевидным и даже так открыто и говорилось. Избирательная компания, при которой Зюганов просто не мог появиться по телевидению без сопровождения каких-то антикоммунистических комментариев, была пародией на демократическую

избирательную кампанию, а махинации с подсчетом голосов при сравнении результатов первого и второго туров голосования в ряде регионов были видны невооруженным взглядом.

Всегда трудно совершить что-то в первый раз. В 1996 году власть нервничала, суетилась, сомневалась, проводить ли вообще выборы или отменить их, предпринимала колоссальные и ненужные усилия и раздавала деньги коробками из-под ксерокса. Олигархи, журналисты и политологи слетались на запах денег. Старый и больной Ельцин плясал перед народом (я думаю, что после таких плясок человек должен возненавидеть народ, перед которым он был вынужден плясать) и после выборов слег в больницу и стал думать о преемнике. Но дальше все пошло как по маслу. Впереди Ельцина и созданный им режим ждало еще одно испытание – определение подходящего преемника, но сами по себе выборы президента проблемой быть перестали. Если в 1996 году реальная безальтернативность победы власти достигалась созданием иллюзии «судьбоносного выбора», то затем эту иллюзию поддерживать было уже невозможно, да и не нужно – система безальтернативной власти утвердилась окончательно и была принята обществом. Преемнику Ельцин передал уже построенное здание постсоветской политической системы, и от Путина требовалось лишь провести некоторые отделочные работы и убрать строительный мусор.

Фактически все было определено с самого начала. Наше политическое развитие определялось характером всех действующих сил и ситуацией, в которой они оказались после Беловежских соглашений. И характером правящей верхушки, которая не только не хотела, но и не могла отдать власть. И характером оппозиции, которая не могла не поднимать революционных (они же контрреволюционные) лозунгов, понимая в глубине души, что ни на какую революцию у нее сил нет и не будет, но пугая народ гражданской войной и тем самым объективно работая на руку власти. И, конечно, прежде всего – характером народа, больше всего боящегося самого себя и якобы присущей ему способности к бунту «бессмысленному и беспощадному» и посему предпочитающему любую власть ситуации собственной свободы выбора. 1996 год – рубеж, но не решающая точка «бифуркации» – такая точка была в 1991 году.

Но может быть, именно в 1996 году обреченность нашей демократической попытки и неизбежность построения у нас «имитационной демократии» стала наиболее зримой, ибо из лагеря тех, кто называл себя и даже искренне считал себя демократами, не раздалось практически ни одного голоса в защиту демократических «правил игры». В 1991 и 1993 годах еще могли быть иллюзии. Кроме того, кое-кто из демократов выражал против Беловежских соглашений (правда, не поймешь, то ли из-за их недемократичности, то ли из

сожаления о потере империи) и против расстрела парламента (в основном – из-за того, что операция была проведена топорно и с большой кровью). Но в 1996 году никто не возмутился, что первые же президентские выборы в стране, провозгласившей демократию, стали пародией на выборы. Никто из демократических политиков не предпочел утверждение правил честной игры победе над коммунистами при игре нечестной. Но ясно, что если на защиту демократии не встанут и демократы, утвердить демократию невозможно.

В основе демократии лежат элементарные моральные требования справедливости и честности. Главное в ней – готовность к игре по правилам и к принятию собственного проигрыша. Ибо честная игра – это такая игра, в которой ты не только можешь проиграть, но в которой рано или поздно, каким бы игроком ты ни был, ты обязательно проиграешь. Это – система абсолютных запретов, изменить которые нельзя в принципе, как нельзя изменить правила шахматной игры или основные моральные запреты. Если нельзя поедать других людей, то их нельзя поедать, даже если в противном случае ты умрешь от голода. Если нельзя убивать свою мать, то ее нельзя убивать, даже если она тебя «достала». Если ты проигрываешь в шахматы, а тебе страстно хочется выиграть, ты все рано не можешь пойти конем как-то не так, как коню положено, потому что ты просто уничтожишь этим игру. И точно так же демократ «по определению» не может прово-

дять нечестные выборы. Вопрос: «Но что же делать, если в противном случае к власти придут коммунофашисты?» логически не отличается от вопросов: «Но если я не съем ближнего своего, я же умру с голода?», или: «Но если я не пойду так конем, я же проиграю?».

Ситуация 1996 года была не столько ситуацией выбора между Ельциным и Зюгановым, сколько ситуацией выбора нашими «демократами» между честной игрой, со всеми тяжелыми последствиями, которые в человеческой жизни может повлечь за собой честность, и игрой нечестной, гарантирующей тебе победу и сохранение власти, но ликвидирующей саму «игру». В больших, национальных масштабах это была обычная ситуация морального выбора между невыгодной честностью и выгодной нечестностью, подобная тем, в которых мы оказываемся на каждом шагу.

Каждый раз, когда политические силы, на знамени которых – демократия, побеждают в какой-либо стране, через некоторое время для них наступает этот момент «экзистенциального выбора». У победителей не может не быть противников. И если победители провозглашают демократию, они тем самым провозглашают создание условий, при которых эти противники могут прийти к власти. Более того, обязательно придут. От победивших демократов, какие бы хорошие они ни были, народ обязательно устанет. Победитель-демократ обречен на свое поражение. И только если он готов принять его, у демократии есть шанс. Если

его противники, какими бы они ни были, понимают, что они могут победить при установленных правилах игры, есть шанс (не гарантия, а только шанс), что они не отменят эти правила, придя к власти, что игра продолжится, и в конце концов правила станут настолько привычными, что об игре без правил забудут. Если же победители-демократы сами переходят к игре без правил, у демократии шансов нет вообще, игра прекращается.

Этот «экзистенциальный выбор» был перед демократами во всех тех странах, где демократические революции рубежа 80-х и 90-х годов свергли коммунизм. (И очень скоро перед таким выбором встанут победители новой серии демократических революций, Саакашвили и Ющенко). И победа демократии в этих странах всегда приходила через поражение тех демократов, которые предводительствовали революциями и пришли к власти на их волне, и через их согласие принять это поражение. Это всегда был трудный выбор. Когда в Польше Валенса и его сподвижники по «Солидарности» поняли, что к власти идут «перекрасившиеся коммунисты» во главе с Квасьневским, сидевшие в министерских кабинетах, когда герои «Солидарности» боролись за свободу и сидели в тюрьмах, ими не мог не овладеть ужас. И у них наверняка появлялось искушение нарушить правила игры. Но они ему не поддались и приняли горечь и позор поражения. Так же, как приняли их «саюдисты» в Литве, когда победил Бра-

заускас, как его приняли даже демократы Молдовы, где к власти пришли не «перекрасившиеся», а просто коммунисты, сейчас последовательно ведущие свою страну в ЕС.

Наши демократы сделали иной выбор. И никакие разговоры о том, что «наш» Зюганов – хуже «их» Квасьневских, Бразаускасов или Ворониных, ничего не стоят. Свой Зюганов всегда страшнее их Бразаускасов, как своя беда всегда страшнее беды соседа. И если Зюганов действительно проигрывает по сравнению с Квасьневским, то ведь Ельцина даже неприлично сравнивать с героем польского народа Валенсой. Отношения между этими фигурами можно выразить уравнением: «Отношение Валенсы к Ельцину – такое же, как отношение Квасьневского к Зюганову».

Наши демократы сделали такой выбор не потому, что «наш» Зюганов был так уж хуже «их» Квасьневского, а потому, что они сами были «хуже» польских демократов, потому что все мы оказались «хуже» поляков (и литовцев, и болгар и т.д.), потому что в нашем обществе в целом не было того минимума честности, правосознания, чувства справедливости, без которого демократия невозможна.

Победа Зюганова не гарантировала бы сохранения и укоренения демократии. Она была бы тяжелым испытанием для демократов и демократии. Но она давала бы шанс. Но победа Ельцина, достигнутая таким путем, каким она ему досталась, гарантировала конец

нашей демократической попытки на сто процентов. Все, что пришло после, было полностью predetermined событиями 1991, 1993 и 1996 годов, и все те, кто сейчас возмущается «басманным правосудием», ликвидацией свободного телевидения и почти ликвидацией свободной прессы и т.д., возмущаются неотвратимыми и естественными последствиями своего «экзистенциального выбора» в ситуациях 1991–1996 годов. Как коммунисты, возмущавшиеся Сталиным и гибнущие в сталинском терроре, возмущались естественными и закономерными следствиями своих собственных дел.

История не так уж несправедлива. Очень часто она вознаграждает за правильный моральный выбор и всегда заставляет платить по счетам за неправильный. Демократы других стран, сделавшие выбор в пользу честности, пережили потерю власти, всякие неприятности и тревожные минуты, но в результате получили демократию и везде через какое-то время смогли вернуться к власти. Наши, выбрав нечестность, избежали множества неприятностей, которые произошли бы, приди к власти коммунисты, но потеряли демократию, а затем многие (и не худшие из них) потеряли и свои прежние социальные позиции, а кое-кто – и просто личную свободу. И это еще явно не конец.

Может быть, самой большой прогресс, который мы совершили за 10 лет, прошедших с 1996 года, заключается в том, что понимание того, что демократия – это

правила игры, которые в 90-е годы ликвидировали сами демократы, начинает кое-где проглядывать. Не-что подобное уже говорили самые разные люди, к со-жалению, только после того, как их смолотла та маши-на, которую они сами создавали – и Ходорковский, и Киселев, и Глеб Якунин, и еще кто-то. Для этого витка исторической спирали такое понимание приходит к ним слишком поздно. Я сознаю, что нехорошо так го-ворить о человеке, сидящем сейчас не только в тюрь-ме, но и в карцере, но если бы Ходорковский понял это не сейчас, а хотя бы в 1996 году, может быть, он в тюрьме бы и не сидел. Но хотя сейчас это новое пони-мание практических следствий не имеет, в нем – залог нашего демократического (то есть, просто порядочно-го, приличного) будущего.

Но, насколько я знаю, ни одна официальная демо-кратическая структура и ни один высокопоставленный демократ не сказали, что они раскаиваются в прошлом и теперь понимают, что выборы должны быть честны-ми, даже если при этом ты можешь проиграть, а ком-мунисты – выиграть. Поэтому до демократии нам еще расти и расти.

Независимая газета. 23.06.2006. С. 11.

ПРЕЗИДЕНТ ПУТИН КАК РУССКИЙ ГАМЛЕТ

Эпоха «серьезных» антидемократических идеологий ушла в прошлое. В современном мире трудно найти людей, которые принципиально против демократии, как когда-то против нее были фашисты и монархисты. Сейчас все за демократию и права человека. Даже советское руководство не было против демократии – оно было только против того, чтобы, «прикрываясь лозунгами демократии, поднимали голову антисоциалистические силы». И не против свободы слова – лишь против того, чтобы эта свобода использовалась для «клеветы на социалистический строй». И тем более не может быть сомнения, что президент Путин и его окружение являются сторонниками демократии. А про его предшественника и говорить нечего, он вообще был вождем демократической революции.

Но между признанием того, что демократия – хорошо и правильно, и самой демократией расстояние может быть больше, чем от признания того, что пить и курить – плохо, до трезвого и здорового образа жизни. В современном российском обществе нет серьезных идейных альтернатив демократии, каких либо целостных идеологий со своими проектами альтернативного устройства. Но нет и культурной и психологической способности жить в условиях демократии

(здесь наше общество отнюдь не уникально, такие общества существуют на половине земного шара), и наоборот, есть выработанные веками привычка к подчинению, страх решать самим, остаться без твердой направляющей руки.

Если у общества нет ни способности жить в условиях демократии, ни идейных альтернатив демократии, возникает та политическая система, которая сложилась у нас, и аналоги которой существуют во множестве современных стран, – система личной власти президентов, камуфлируемой в демократические формы, имитирующей демократию. Такая система складывается не по злему умыслу и не по плану, а сама собой. И Ельцина, и Путина на путь построения такой системы толкали само общество, сама жизнь. От их личностей зависело не так много. Можно сказать, что иного пути практически и не было.

Задача построения демократии вообще не может быть задачей президента. Ведь поставивший ее глава государства должен был бы сам создавать себе оппозицию, которая его отстранит, сам сковывать себе руки, поощрять критику самого себя. Такая задача противоестественна, противоречит нормальным инстинктам человека. (Нечто в этом роде делал Горбачев, но он – почти аномалия). Самый искренне приверженный демократии правитель не может не стремиться, чтобы его слушались, чтобы ему не мешали работать, не вставляли на каждом шагу палки в колеса.

Он всегда будет хотеть, чтобы после него не пришли к власти люди, которые испортят все, что он сделал, чтобы на важных постах были люди, с которыми ему удобно работать, чтобы те, кого он считает негодяями, получили по заслугам, и т.д. и т.п. И если общество не способно его ограничить и готово ему подчиняться, он, реализуя эти нормальные человеческие желания, будет тем самым создавать авторитарную систему.

Ни у Ельцина, ни у Путина не было никакого плана «удушения демократических свобод». Эти свободы сами собой исчезали по мере решения президентами конкретных проблем.

Ельцин, расстреливая Белый дом, отнюдь не боролся с демократией, более того, наверняка он был уверен, что борется за нее. Он лишь хотел не пустить к власти обнаглевшего Хасбулатова, неблагодарного Руцкого и «красно-коричневых». Когда он создал свою Конституцию, он тоже не хотел «ограничивать демократию». Он лишь хотел, чтобы оппозиция в парламенте не могла помешать ему проводить в жизнь реформы, которые он считал жизненно необходимыми для страны.

И когда Путин ликвидировал независимое телевидение, он не хотел «ограничить свободу слова» – он только хотел, чтобы телевидение не было орудием в руках олигархов, и чтобы там не показывали оскорбительных для него «Кукол». Он не хотел «фактически ликвидировать федерализм» – он лишь хотел ликвидировать положение, когда может быть избран неспособ-

ный или даже криминальный губернатор, а он ничего не может с ним сделать. Он не стремился создавать «неправовую среду и неблагоприятный инвестиционный климат для бизнеса» – он только хотел устранить возмнивших о себе, интригующих и путающихся у него под ногами олигархов, и чтобы конкретный Ходорковский оказался в тюрьме. Он не стремился «фактически ликвидировать парламентаризм», он лишь добивался того, чтобы парламент ему не мешал, а помогал в деле «возрождения России» и удвоения ВВП. Все это – нормальные, «законные» желания, хотя, конечно, как у каждого человека, у президента к «идеалистическим» и «деловым» мотивам не могут не примешиваться и эгоистические, и «личные».

И весь громадный работающий на Путина аппарат не ставит перед собой цели «удушения демократии». Просто каждый губернатор хочет, чтобы его область не оказалась хуже других и не голосовала бы на выборах за каких-нибудь демагогов и врагов уважаемого им президента. Каждый прокурор хочет быть хорошим, зорким «оком государевым». При этом, конечно, каждый думает и о себе, своих карьере и благополучии. И т.д., и т.п.

И в условиях, когда общество не способно к демократической самоорганизации, когда сама мысль о том, что можно избрать президентом не того, кто уже является президентом, или на кого президент указал, кажется ему страшной и революционной, каждое ре-

шение каждой конкретной проблемы, встававшей перед Ельциным, Путиным и их назначенцами, естественно, само собой, уводило нас от демократии и вело к теперешней политической системе, восстанавливающей основные контуры советской системы. Ельцин, и Путин могли даже искренне думать, что их действия – это и есть строительство демократии в конкретных российских условиях, к которым не применимы, или пока не применимы, западные стандарты. Просто когда сама дорога идет если не по кругу, то по спирали, ты думаешь, что идешь вперед, но через некоторое время с изумлением видишь, что после долгого и трудного пути вернулся туда же, или почти туда же, откуда вышел.

Собственно весь путь уже пройден. Осталось не так много.

Во-первых, осталось ликвидировать конституционное ограничение пребывания президента у власти двумя сроками. Это – естественно возникающая в нашей системе задача, даже не обязательно связанная с каким-то особым властолюбием главы государства. В самом деле, зачем популярному президенту, которому удалось многого добиться, который в расцвете сил, судорожно искать себе преемника (и еще найдешь ли подходящего) и для себя – новое непонятное место работы только из-за того, что когда его предшественник сочинял конституцию, ему казалось, что восемь лет – большой срок и до него еще дожить надо? Почему он

должен прерывать реализацию своих разнообразных планов или доверять ее другому? Тем более что общество совершенно не хочет ухода Путина. Оно даже думать об этом его уходе не хочет.

Во-вторых, надо довести до логического конца проект с «Единой Россией», окончательно сделать ее президентской партией, такой же «безальтернативной», как безальтернативен сам президент. Опять-таки, это задача в наших конкретных условиях – естественная и нужная. Это создаст дополнительные рычаги управления, позволит очертить круг лояльных и преданных общему делу лиц, создать кадровый резерв. Позволит больше не растрчивать столько сил на всякие проекты типа создания «Родины», потом раскола «Родины», потом поисков путей утилизации того, что от нее осталось. Общество окончательно перестанет лихорадить во время выборов. И никаких непреодолимых трудностей в реализации этого проекта нет, он уже почти реализован.

Конечно, если Путин пойдет на изменение Конституции, на Западе поднимется шум. Но «по большому счету», что нам до этого шума? При наших нефтяных и газовых запасах и западных потребностях в энергоносителях не мы зависим от Запада, а Запад от нас. Даже исключить нас из «восьмерки» – трудно. Да и так ли нам нужна эта «восьмерка»?

И вдруг происходит что-то странное. Здание новой российской государственности уже почти построено.

Оно строилось исключительно по указаниям президентов. Осталось приложить немного усилий. И вдруг, в последний момент власть не хочет эти усилия прикладывать. Более того, она начинает делать что-то странное и даже угрожающее стабильности конструкции.

Путин заявляет, что не собирается менять конституцию и в 2008 году уйдет. Раз заявляет, два заявляет. Вообще-то такие заявления – вполне нормальны. Это – требование приличия. Нужно выждать паузу, подождать, когда тебя попросят еще и еще раз, и только потом согласиться. Все так и думали (а многие и продолжают думать). Но время идет, пауза уж слишком затягивается, и все больше возникает впечатление, что решение уйти – серьезное. Почему – никто толком объяснить не может.

Вроде бы уже было сказано, что «Единая Россия» будет править лет тридцать. И вдруг сам президент дает новую команду, и те же, кто только что говорил о тридцати годах правления «Единой России», начинают судорожно создавать, буквально из ничего, некое подобие второй партии. Конечно, никакой реальной второй партии так не создашь, а в рамках управляемой демократии можно создать и вторую партию, и хоть десятую. В ГДР их было чуть ли не десять. В Узбекистане сейчас – четыре, одна преданней другой Каримову. Но сейчас, когда Путин собирается уходить, предстоит нервный период. Скоро все начнут напряженно

думать, каким окажется его преемник, следует ли рассматривать его как «настоящего» хозяина, или настоящим хозяином все-таки остается Путин, а этот – только на четыре года, что делать с портретами Путина, которые висят в каждом чиновничьем кабинете. Убирать? Оставлять рядом с новым портретом? Делать новый портрет большим, а путинский – малым, или делать их равного размера? Решение президента уйти и назначение преемника неизбежно породят опасную сумятицу в умах. И зачем в это и без того нервное время вносить еще дополнительную неразбериху, чтобы еще было непонятно, за какую партию надо голосовать и обеспечивать ей победу?

Третий симптом странной нерешительности – меньший по значению, но также вписывается в общую картину. Сурковым был придуман термин – «суверенная демократия», очень похожий на термины коммунистической эпохи – «народная демократия», «социалистическая демократия». Термин, конечно, совершенно пустой, но прекрасно подходящий для теперешней ситуации (нам Запад не указ, мы – суверенная демократия, захотим – и у нас президент хоть десять сроков будет переизбираться). И вдруг власть публично устами Медведева от этого термина отрекается, заявляя, что принципы демократии – едины.

Что все это значит?

Мне кажется, что объяснение может заключаться в следующем.

Ельцин и Путин занимались строительством нового российского государства, не очень-то думая об общем плане и облике строящегося ими здания. Оно создавалось по частям, по мере возникновения потребностей. Но теперь оно почти построено. У него есть ясная форма, ясный контур, ясный образ. Их уже нельзя не видеть, и нельзя не видеть того, что на демократию, которую провозгласили в 1991 году, это здание совсем не похоже, но наоборот, очень похоже на советский строй. Как сказал Черномырдин: «У нас какую партию ни создавай – все получается КПСС».

Осталось приложить последние усилия, сделать последние шаги. Но они уже не могут быть несомнительными. Уже видно, к чему ты пришел, и надо или признать, что ты пришел не туда, куда хотел (что психологически почти невозможно), или – что это и было твоей целью, что мы пришли к каким-то истинно русским, принципиально отличающимся от западных политическим формам. (На самом деле, конечно, они такие же русские, как узбекские, казахские или египетские). Но это требует какого-то идеологического обоснования. Здесь нужны какие-то новые слова и новые мысли. А откуда их взять? Не случайно, конечно, что Путин с таким интересом относится к Ивану Ильину, который писал, что после свержения коммунизма России нужен будет «христианский диктатор».

На последние шаги нужно решиться. Но решиться на них – страшно. И это – не страх Запада, народа или

оппозиции. Это – страх перед необходимостью осмысления пройденного пути, пути «по кругу», необходимостью оценить построенное. Создается ощущение, что президент замер перед этими последними шагами и никак не может на них решиться. И общество ждет, какое решение он примет – само-то оно давно уже ничего не решает. Но часы тикают, время идет. И в будущем году решение принимать придется.

Независимая газета. 30.08. 2006

НАШИ ИДЕОЛОГИЧЕСКИЕ СТРАДАНИЯ

Последний всплеск идеологической активности «в кругах, близких к президентской администрации», связанный с идеей «суверенной демократии», говорит о росте ощущения властью своей «идеологической недостаточности». И это – совершенно естественно.

В России сложилась определенная социально-политическая система, эта система – относительно стабильна, существует логика действий наших президентов и преемственность этих действий, передача «эстафеты» от президента к обозначенному им преемнику. Но идеологические основания этой системы – довольно смутные. Можно ли вообще говорить о какой-то идеологии нашей власти?

Ни Ельцин, ни Путин сами – не идеологи, «мыслители». По характеру своей прежней, допрезидентской деятельности они не могли много читать и думать над мировоззренческими проблемами. А когда стали президентами, времени на это совсем не осталось – им надо было постоянно решать конкретные и насущные проблемы управления страной и укрепления своей власти.

В этом они принципиально не отличаются от предшествующих правителей. После Ленина (может быть, отчасти даже Сталина) над мировоззренческими вопросами они думали очень мало. Но между коммунистическими и посткоммунистическими правителя-

ми – большая разница. Коммунисты принадлежали к организации, обладавшей догматической идеологией. Над этой идеологией, когда ее создавали «основоположники», они думали очень много. Поэтому позднейшие коммунисты уже могли не думать, а просто верить (более или менее искренне) в придуманное за них Марксом и Лениным. Ельцин и Путин такой организации и идеологии не имеют.

Но человек не может как-то не осмысливать свою деятельность, вообще не иметь никаких идей. Полный «цинизм», чисто инструментальное отношение к идеям, просто невозможны, это – романтическая выдумка.

Если человек – и не создатель идей, и не приверженец какой-то созданной другими идеологии, значит, он черпает идеи «из самой жизни», и его идеи – более или менее «как у всех». Идеи наших президентов, идеология нашей власти – это идеи массового сознания с их значительно большей, чем в идеологических системах, неопределенностью и эклектичностью, несколько модифицированные и структурированные специфической ситуацией, в которой они оказались, – людей, олицетворяющих государство и им управляющих.

* * *

Исходным моментом в идеологической эволюции нашей власти является провозглашение в 1991 году

возглавляемыми Ельциным и победившими демократами идеологии демократии и рынка, подразумевающей отказ от прежней коммунистической системы и признание нормой социально-политического строя западных стран. Откуда взялась эта идея, как, например, произошли отказ от коммунизма и обращение в эту новую идеологию лидера демократов Ельцина (Путин тоже прошел через такую же идейную метаморфозу, но он не был тогда публичной фигурой, и его обращение не могло иметь такого значения, как ельцинское)?

Идея эта не зародилась в сознании какого-то российского мыслителя и не развивалась, постепенно овладевая массами. Она взялась «из воздуха» и массовые обращения в нее происходили с удивительной легкостью и простотой. Ельцин, например, еще в 1988 году был ортодоксальным коммунистом, возражавшим против реабилитации Бухарина, а уже в 1989 году стал демократом и антикоммунистом. В этой идеологической трансформации были личные и ситуативные моменты (крах партийной карьеры, обида на Горбачева), которые могли ускорить это обращение и придать ему специфическую окраску. Но ничего «особенного» в этом обращении не было.

На вопрос, был ли Ельцин искренним коммунистом, ответить невозможно – не потому что нет данных, а в силу неопределенности самих понятий искренности и лицемерия. Очень уж искренних комму-

нистов к тому времени почти не осталось. Коммунистическая идеология превратилась в набор формул, утративших смысл, но необходимых для карьеры. Но когда человек говорил эти формулы, он не думал про себя: «Я говорю всю эту чепуху для денег и карьеры». Это была какая-то зона «полуверы-полулицемерия», в которой вместе с Ельциным пребывали миллионы. И как только стал очевиден кризис коммунизма, и прознесение этих формул перестало быть необходимым, эти миллионы от них легко отказались.

Также ничего особенного нет и в том, что отказ от марксизма-ленинизма означал переход именно к идеям демократии и рынка. Других серьезных идей просто не было ни в России, ни в мире в целом. Это в начале XX века существовали десятки разных социальных проектов, и люди должны были как-то размышлять, кто прав – марксисты или народники, и если марксисты, то кто из их многочисленных течений. К 1991 году демократия и рынок стали безусловной нормой не только развитого, но и вообще почти всего мира, и идеологии, предлагавшие какие-то альтернативные социальные проекты, практически просто исчезли. Правда, у нас существовала еще идеология православного монархизма, и Ельцин вроде бы какое-то время проявлял интерес к обществу «Память». Но это была явно маргинальная и «несерьезная» альтернатива. Для человека, отказавшегося от коммунизма, обращение к идеям демократии было практически

«автоматическим», у него просто не было, куда еще «обращаться».

Как в идейной метаморфозе Ельцина не было ничего оригинального в российском контексте, так в ней не было ничего оригинального в мировом контексте. Коммунизм развалился везде, и везде – от Праги до Душанбе бывшие коммунисты примерно в одно время стали говорить, что коммунизм был заблуждением, а правильный путь – путь демократии и рынка. Метаморофоза Ельцина – это вариант метаморфоз Шеварднадзе, Алиева, Снегура, Бразаускаса... – перечислять можно до бесконечности.

* * *

Идеология демократии и рынка победила паразитически легко и быстро. Разумеется, политика Ельцина и демократов встречала сопротивление и слова «демократия» и «демократы» довольно быстро стали ругательными («дерьмократы»). Но никакой реальной альтернативы никто предложить не мог – ее вообще нет в современной культуре. КПРФ могла возмущаться разрушением СССР, грабительскими реформами и тысячами других вещей, но она не могла быть против свободных выборов, независимого суда и т.д. и даже не могла быть принципиально против рынка. А Жириновский так просто назвал свою партию либерально-демократической.

Провозглашение демократии было предельно просто. Но реализация ее оказалась предельно сложной. В России, как и в большинстве постсоветских стран, не имевших достаточной культурной основы, демократия не получалась. Зато авторитарная система президентской власти выростала без особых усилий, сама собой. Идеология и реальность явно не соответствуют друг другу, и это несоответствие с каждым годом – все больше.

В этой ситуации логически есть две возможности ее радикального решения.

Во-первых, это привести реальность в соответствие с идеологией. То есть просто признать, что мы провозгласили демократию, и это очень правильно, а построить ее не смогли. Но это предполагает совершение действий, не очень ясно каких, но ясно, что противоречащих и естественным интересам власти и привычкам народа. Кроме того, это – страшный удар по самолюбию и правящей группы и общества в целом. Это означает признание твоей «недостаточности» и принятие ученической позы перед теми, у кого демократия давно уже получилось, чуть ли не «потерю суверенитета». Поэтому этот вариант можно считать исключенным для власти и на обозримое время – для общества в целом.

Во-вторых, это, наоборот, привести идеологию в соответствие с социальной реальностью, то есть найти открыто недемократическую идеологию. Вообще

какие-то мечты о такой идеологии во власти, несомненно, присутствуют. Это видно и в ностальгическом пристрастии к монархической символике, и в относительно случайных высказываниях, вроде заявленного Путиным интереса к Ильину, который когда-то, живя в нацистском Берлине, восхищался гитлеровской «национальной революцией» и примеривал ее к будущей, освобожденной от коммунизма России. (Я совершенно не думаю сказать гадость о президенте, упрекнув его в тайных симпатиях к фашизму. Ясно, что кто-то положил Путину на стол подборку приемлемых цитат, а неприемлемые, естественно, не клал. Но ясно и то, что тот, кто положил, понимал, что у президента есть неудовлетворенные идеологические потребности, и что цитатами из либеральных мыслителей их не удовлетворишь). Но этим смутным стремлениям к альтернативной идеологии так и суждено остаться стремлениями. Идеологию не создашь на пустом месте. Для создания марксизма-ленинизма нужны были Маркс и Ленин и вся грандиозная предшествующая им мыслительная работа – и во всемирном масштабе, и в России. Ничего похожего нет и не предвидится. Поэтому пути смены идеологии практически – тоже нет.

Как мы все знаем по себе, психологическая ситуация конфликта между принятой тобой нормой, изменить которую ты не в силах, и твоим реальным поведением, изменить которое ты тоже не в силах, – очень мучительная. Естественно возникают чувство «неполноценно-

сти», которое ты должен как-то подавить и компенсировать, ощущение тревоги, раздражение на тех, у кого таких конфликтов нет и кто соответствует норме. Все это есть и в нашей массовой психологии, и в психологии нашей власти, и в нашем поведении во внешней политике. Это проявляется в периодических вспышках всяких фобий и антиамериканских, антиукраинских, антиприбалтийских и прочих чувств как на массовом уровне, так и в высказываниях и действиях власти.

Мысль, которая в ситуации, когда логичные решения проблемы – неприемлемы, не может быть логической и последовательной и ей остается очень немного и очень сомнительных путей.

Можно попытаться просто снизить значение проблемы демократии, переключив внимание на что-то другое и компенсируя ощущение недостаточности в этом аспекте другими реальными или мнимыми достижениями. Да, демократии нет, но это не так уж и важно. Зато мы удвоим ВВП. Или же – зато у нас великие духовные традиции. Зато мы в 1613 году победили поляков, а в 1945 году – немцев. И т.д. Но ясно, что это по сути своей – не решение проблемы.

Можно попытаться неприятную реальность отрицать. У нас – есть самая настоящая демократия. У нас – совершенно свободные выборы, полное разделение властей и т.д. Просто так получается, что оппозиция никогда не могла прийти к власти (уж больно плохая), а президент у нас – уж очень хороший и всеми любимый. Эту стра-

тегию можно дополнить обвинениями в предвзятости демократических стран, сомневающих в нашей демократии или даже ее отрицающих. «Учитель ко мне придирается, у него любимчики, а меня он почему-то невзлюбил, вообще он русских не любит». Кроме того, можно попытаться всячески снизить чужие успехи и преувеличить чужие неудачи в построении демократии (в Прибалтике устраивают марши бывших фашистов, в Украине майдан был организован на деньги не то олигархов, не то Запада, а такой демократии, как в Ираке, нам, уж ясно, не нужно).

Третий вариант – наиболее реалистичный. Да, у нас много несовершенства, но в западных странах демократия тоже создавалась веками. Когда-нибудь и мы придем к совершенной демократии. Это рассуждение – приемлемо, если говорить о российском обществе в целом и брать временной отрезок от Петра I до неизвестного будущего. Российское общество, действительно, проделало колоссальный путь, который в конечном счете ведет к демократии. Но оно абсолютно неприменимо к нашей государственной организации на постсоветском отрезке времени, поскольку она явно не эволюционирует в направлении демократии. Кроме того, этот ход мысли не снимает ощущения нашей недостаточности (может быть, и правда, что ты тоже сможешь сдать экзамен, но другие-то все равно уже давно сдали) и проблемы «ученичества» и отношения к «учителям» и «успешным ученикам».

Собственно, этими вариантами исчерпываются все идеологические ходы. Все они – естественны и одинаково приходят на ум многим – это очень простые ходы массового сознания.

Они не оригинальны, ибо все они присутствуют у всех стран в схожих ситуациях. Так, можно подобрать буквально десятки цитат из речей Назарбаева, Каримова, Ниязова, Акаева, Алиева, что США к демократии шли 200 лет (идея абсолютно ложная, но у центральноазиатских правителей очень популярная), «так что же они от нас хотят». И я уверен, что если бы у и Садама Хусейна спросили, какой у него строй, он бы ответил – конечно, демократия, но очень суверенная. А Ниязов именно так и отвечает, у него даже есть свой Институт прав человека.

И как все эти рассуждения – примитивны, так они все – недостаточны, противоречат фактам и логике. Проблема нахождения идеологического обоснования и оправдания нашему теперешнему строю неразрешима. Строй – внутренне противоречив, и это противоречие неустранимо. Идеальный фундамент его – непрочен.

* * *

В схожей ситуации провозглашенной демократии, жить в условиях которой не получается, были и есть громадное число стран. И все мучались примерно

теми же идейными проблемами. И постепенно, проходя через разнообразные кризисы, все большее число стран к демократии переходит. Пройдя через какие-то будущие кризисы, перейдем к ней и мы. Когда-нибудь русские люди все-таки начнут реально выбирать свою власть, им это понравится, и они к этому привыкнут.

Тогда реальность будет приведена в соответствие с нормой, и все возникающие из их несоответствия друг другу проблемы отпадут. Когда норма претворена в жизнь, о ней можно уже забыть и не думать. Ученик, который никак не может овладеть нормой грамотного письма, может выдумывать всякие оправдания и строить разные идеологии, объясняющие и оправдывающие его безграмотность. Но когда он этой нормой овладел, когда экзамен уже позади, он перестает об этом думать. Он просто, когда ему нужно, пишет. А думает о чем-то другом, более важным и интересном.

Независимая газета, 24. 11. 2006.

МЕНТАЛЬНАЯ КАРТА ИМПЕРИИ

«Суровая реальность», которую в 1991 году создатели СНГ пытались скрыть от себя и своих народов под разговорами о новой форме интеграции, в формулу «цивилизованного бракоразводного процесса» явно не укладывается. СНГ не только не интегрируется, но и «бракоразводный процесс» оказывается долгим, мучительным и не очень-то «цивилизованным». «Постсоветское пространство» стало зоной конфликтов, прежде всего – между Россией и другими бывшими «братскими республиками». Как в плохой семье или «коммуналке», скандалы возникают по любым причинам (от низкого качества вина до отношения к русским меньшинствам) и часто буквально «на пустом месте». Почему же интеграция на постсоветском (оно же «построссийскоимперское») пространстве не получается, а дезинтеграция оказывается очень болезненной? Можно указать три основные причины.

* * *

Прежде всего это разница «весовых категорий». Интеграция «по определению» означает создание механизмов совместного принятия решений. А такие механизмы могут быть основаны либо на принципе равенства интегрирующихся стран («одна страна – один голос»), либо на принципе учета «весовых ка-

тегорий». При относительном равенстве интегрирующихся стран эти принципы не слишком противоречат друг другу и их можно как-то примирить, найти компромисс между ними, как это худо-бедно происходит в ЕС. Но при попытках интеграции стран с несопоставимыми весовыми категориями возникают непреодолимые препятствия и противоречия.

Если представить себе интеграцию Китая и Монголии или даже США и Канады, основанную на действительном равноправии интегрирующихся стран (одна страна – один голос), это означало бы, что «меньший» партнер получает колоссальные преимущества. Как в сказке, где кошка и тигр договариваются охотиться вместе и честно делить всю добычу пополам. Если же интеграция таких стран будет основана на учете «вклада в общий котел» («один человек – один голос»), это означало бы просто поглощение малой страны большой.

Постсоветское пространство – это как раз пространство стран с несопоставимыми «весовыми категориями». Россия – не только больше и сильнее каждой другой страны, но и сильнее их всех, вместе взятых. И уже одно это делает интеграцию невозможной, а любые шаги в направлении интеграции – конфликтогенными. Наиболее же «продвинутой» формой интеграции на этом пространстве – Союзное государство России и Белоруссии – основана на непрочном и гротескном балансировании между эксплуатацией России Белоруссией и поглощением Белоруссии Россией.

Вторая причина, препятствующая интеграции, – это психологический груз прошлого. Интеграция постсоветского пространства – это еще и интеграция бывшего имперского центра («старшего брата») с бывшей имперской периферией. Но в бывшем центре не может не быть ностальгии по имперскому прошлому и имперских привычек. А психологическая адаптация к новой ситуации правового равенства с бывшей периферией всегда проходит болезненно. В разной форме и с разной степенью мучительности через это проходили все бывшие империи. Любые проявления самостоятельности бывших «младших братьев» для России – болезненное напоминание об утраченном. И наоборот, любые «знаки внимания» с их стороны имеют колоссальное значение, и бывшая метрополия готова даже «платить за любовь и уважение», как мы до сих пор платим Белоруссии.

Болезненное психологическое состояние бывшей метрополии и «супердержавы» заставляет цепляться за иллюзию интеграции и не позволяет увидеть очевидного. То, что союзного государства России и Белоруссии быть не может, способен понять ребенок. Но у российской власти осознание этого заняло более десятилетия, и даже сейчас она не может сказать это четко и ясно. Груз прошлого довлеет не только над Россией. Он довлеет и над странами «имперской периферии»,

где есть и привычки к подчинению, и страхи перед бывшим центром, и стремление избавиться от этих страхов и привычек и злобно показать России, что она больше не «начальница».

В результате постсоветское пространство превращается в поле борьбы между Россией, стремящейся восстановить свою роль «старшего брата», и «младшими братьями», которые или восстали, или накапливают силы для восстания, лстя «старшему брату» и эксплуатируя его слабости. Кольцо «младших братьев» – вассалов – легко превращается в кольцо восставших вассалов, кольцо врагов.

* * *

Еще одним препятствием для интеграции является характер политических режимов стран СНГ. Любая интеграция подразумевает отказ от части суверенитета, передачу каких-то полномочий наднациональным структурам. Но уступка суверенитета возможна лишь тогда, когда интегрируются правовые демократические государства. В авторитарных системах вся власть или есть в одних руках, или ее вообще нет. Демократии могут создавать наднациональные структуры, но между абсолютными монархами или диктаторами могут быть только отношения полной независимости или подчинения. Поэтому Германия и Франция при всем грузе прошлого могут интегрироваться, а арабские страны,

при общих языке, религии, враге (Израиле) и идеологии единой арабской нации, интегрироваться не могут. Они много раз провозглашали разные «союзные государства», но каждый раз движение к объединению наталкивалось на один и тот же риф – двух «отцов народа» в одном государстве не бывает.

Политические режимы в странах СНГ (кроме Молдовы и стран, прошедших через «цветные революции») скорее близки к арабским. Это создает определенное единство интересов. Президенты стран СНГ знают, что в борьбе с внутренней оппозицией могут положиться на своих коллег и на главного, российско-го коллегу. Но это же создает дополнительное препятствие для интеграции и усиливает специфическую для персоналистских режимов иррациональность и непредсказуемость отношений.

* * *

Все эти причины и делают интеграцию постсоветского пространства невозможной. Любые попытки интеграции неизбежно превращаются в попытки восстановления ситуации «центра» и «периферии», старшего брата и младших братьев в архаической неразделенной семье и также неизбежно ведут к «восстаниям» младших братьев против старшего. Пока единство этого пространства сохраняется, хотя бы как «ментальная карта», на нем будут существовать

два полюса – подчинение России и «восстание» против России, и любое взаимодействие стран в нем будет определяться этими двумя полюсами.

Выходом из этой ситуации может стать лишь разрушение самой сохраняющейся в нашем сознании «ментальной карты», на которой нанесены границы СССР и Российской империи, и полный отказ от попыток интеграции. Это, в конечном счете, неизбежно, но это – долгий и мучительный процесс. В ближайшей исторической перспективе конфликтогенность нашего пространства будет сохраняться, и в постсоветской «коммуналке» будут вспышки новых скандалов – по любым причинам, которые в конечном счете – не причины, а предлоги.

Коммерсантъ. 5.12.2006. № 227. С. 8.

МИСТЕРИЯ НЕПОДСУДНОСТИ

В Англии экзотическим способом, посредством отравления полонием, убит бывший полковник ФСБ Литвиненко, помощник Березовского и страстный противник Путина, расследовавший недавнее тоже таинственное убийство тоже противника Путина журналистки Анны Политковской. Отравился он после встречи с людьми, приехавшими из России. Скотланд Ярд ищет преступников в России и разрабатывает версию, что убийство совершено или прямо ФСБ, или тайной организацией бывших сотрудников ФСБ, расправляющихся с врагами Кремля на свой страх и риск. Разумеется, прямых доказательств нет, а реальность часто оказывается более нелепой, чем самые правдоподобные версии. Может быть, убийства Политковской и Литвиненко вообще не связаны друг с другом (как и с отравлением Гайдара) и даже не имеют отношения к политике. Может быть все. Но выдвижение «фээсбэшной» гипотезы – естественно. Тем более что роль спецслужб у нас – громадна, президенту принадлежит историческая фраза – «мочить в сортире», и рядом убийств (Яндарбиева, Дудаева, Хаттаба) наши спецслужбы гордились. Это – первое, что должно было прийти в голову.

Как же реагирует на это Россия? У нас начинается компания опровержений не обвинения (обвинения нет), но гипотезы. При этом выдвигаются все мысли-

мые версии убийства Литвиненко и в их пользу приводятся все мыслимые доказательства, включая самые нелепые. Говорится, что ФСБ не может быть такой непрофессиональной и, если бы хотела убить, сделала бы так, чтобы и следов не было. Что убивать Литвиненко было не нужно, ибо и вреда от такого пустякового человека быть не могло. Что его убил Березовский (как и Политковскую?), чтобы бросить тень на ненавистного Путина. Что он мог убить себя сам, опять-таки, чтобы обвинить Путина. Что его могли убить спецслужбы, но не наши, а западные, чтобы помешать России «подняться с колен». Что его могли убить мусульманские террористы. Что следы ведут к Невзлину в Израиль. Что Литвиненко мог заниматься торговлей полонием, носить его в кармане, чтобы показывать потенциальным покупателям, и «где-то его лизнуть». Что полоний можно заказать по Интернету и чуть ли не приготовить в домашних условиях, поэтому и убить Литвиненко мог кто угодно. И т.д., и т.п.

Сыщикам Скотланд Ярда обещают помощь, но при этом генпрокурор подчеркивает, что наших граждан мы ни в коем случае не выдадим и что допрашивать будут наши следователи, а англичане будут только присутствовать. А уж о допросе руководства ФСБ и речи быть не может.

Откуда происходит такая реакция? Она проистекает из самой сути нашей политической системы безальтернативной президентской власти, в которой, как

только возникает угроза для власти, раздается сигнал тревоги и действие права автоматически «вырубается». И заодно «вырубается» и здравый смысл.

В этой системе реальное расследование убийств противников власти или неудобных ей людей принципиально невозможно, совершенно независимо от того, замешана в них власть или нет. Как только следствие сталкивается с убийством таких людей, у него естественно возникает мысль – не ведут ли нити «наверх». Но как только возникает такая мысль, тут же не может не появиться вторая – «эту версию не только нельзя разрабатывать, но даже думать о ней нельзя». Но если одна версия исключается с порога, расследование перестает быть расследованием. Именно поэтому ни одно из уже многочисленных дел об убийствах противников власти у нас так и не было доведено до убедительного конца.

Этот механизм действует во всех странах с однотипной политической системой. Вот один яркий пример. Относительно недавно были убиты два серьезных противника Назарбаева – бывший мэр Алма-Аты З. Нуркадилов и бывший посол в России А. Сарсенбаев. Нуркадилов был найден у себя дома с двумя пулями в сердце и одной в голове. Заключение следствия – «самоубийство». Сарсенбаев найден застреленным в урочище под Алма-Атой вместе с двумя тоже застреленными охранниками. Первая версия следствия – «несчастный случай на охоте». Потом, по-

сле грандиозного шума, был найден человек, который якобы питал личную ненависть к Сарсенбаеву и нанял для убийства бойцов отряда «Арыстан» (казахстанская «Альфа»). Совершенно очевидно, что следователи тут же подумали на Назарбаева или кого-то из «семьи», тут же пришли в ужас и стали думать только о том, как бы поскорее закрыть дело. При этом вполне может быть, что Назарбаев и его «семья» тут действительно ни при чем. Но сама мысль, что она может быть «при чем», парализует следствие.

Таким же образом ведут себя и подконтрольные власти СМИ. Первая и естественная мысль у журналистов, аналитиков, экспертов – мысль о причастности власти. И тут же они начинают соревноваться друг с другом в выдвижении версий того, кто бы мог это сделать, кроме власти. Если версии – дурацкие, ничего страшного. Главное, что ты показываешь свою преданность.

Но к чему неизбежно ведет такая реакция?

Если тебя никто еще не обвиняет, а ты уже истерически кричишь, что против тебя устроен заговор, что допрашивать себя ты не позволишь и оговариваешь всех, кого можно, ты сам переводишь себя в разряд главных подозреваемых. Никто не знает, смогут ли английские сыщики раскрыть дело об убийстве Литвиненко. Но характер нашей реакции неизбежно ведет к тому, что в западном общественном мнении «фээсбешная» гипотеза становится как бы доказанной.

И подобный процесс происходит не только во мнении Запада. Невозможность раскрытия «резонансных» преступлений, инстинктивно-истерическая реакция на саму идею, что в них может быть замешана власть, приводит к тому, что в сознании многих россиян возникает своего рода «презумпция виновности власти». Как в нашей политической системе все отчетливее проступают советские черты, так и неконформистское сознание у нас все больше приобретает болезненные черты, характерные для сознания советского диссидентства. В Рунете уже возмущаются «трусостью и приспособленчеством» Гайдара, заявившего, что он не верит, что отравить его пытались по приказу Кремля. А у тех, кто гонит от себя мысль о виновности власти, эта мысль все равно присутствует где-то на заднем плане, в «подсознании».

Но такие подавленные мысли рано или поздно выходят наружу и превращаются в непререкаемые истины. Неизбежно наступление времени, когда виновность нынешней власти во всех многочисленных нераскрытых убийствах (которые вряд ли будут раскрыты, и во многих из которых она не повинна) станет чуть ли не всеобщим убеждением. А человек, который будет выражать сомнения в том, что, например, Литвиненко был убит по приказу Кремля, будет вызывать к себе такое же отношение, какое сейчас вызывает человек, который сомневается, что Сталин убил Кирова, или говорит, что некоторые из принудительно лечив-

шихся диссидентов могли быть действительно шизофрениками – то ли он хочет показаться оригинальным, то ли хочет обелить злодеев.

Сейчас усилиями самого Кремля и послушных ему политиков, прокуроров и журналистов, создается гротескная картина путинской власти, которой раньше или позже суждено стать общепринятой и лечь в основу кинофильмов и телесериалов – и голливудских, и мосфильмовских. В этой картине будет много преувеличений и масса того, что не доказано, но приобрело статус самоочевидного. Но это – расплата власти за ее безальтернативность, неподсудность и «презумпцию невиновности». Такая «презумпция невиновности» обязательно превращается в «презумпцию виновности», а «неподсудная» власть раньше или позже осуждается без суда и следствия.

Коммерсантъ. 20. 12. 2006. С. 8.

2007

АПОЛОГИЯ ИМИТАЦИИ

Вся современная российская политическая жизнь построена на имитации. В 2008 году мы будем имитировать выборы президента. Мы не знаем, кого выберем, но одно знаем точно – на кого нам Путин укажет, того и выберем. Более того – будем его любить (а что еще остается делать?). У нас имитируется все – выборы, правосудие, партии и их борьба, тендеры, проверки качества вина и санинспекции, и т.д., и т.п. Если дать волю раздражению, можно говорить о «чудовищной системе всеобщей лжи». Но давать волю раздражению не надо.

Прежде всего попытаемся понять, откуда эта система всеобщей имитации? Имитация возникает тогда, когда ты не следуешь норме, которую признаешь. Если выборы подтасовываются, значит, выборы – норма. Если имитируется борьба партий, значит, признается, что борьба партий – норма, и т.д. «Тотальная» система имитации норм правового демократического общества означает «тотальное» же принятие этих норм. Принятие не значит «любви» к этим нормам и глубокой внутренней потребности следовать им. Это значит просто, что других норм – нет.

Мы живем в системе норм, которые противоречат нашим привычкам, нашей психологии, с которыми нам «неудобно», реально следовать которым мы не можем. На рубеже 80-х – 90-х годов прошлого века мы

попробовали, и у нас не получилось. И дело именно в «нас», то есть в обществе в целом, а не в том, что нам попадаются плохие правители, которые вместо того, чтобы «развивать гражданское общество», строят «властные вертикали». И Ельцин, и затем Путин шли по пути, указанному обществом, пути последовательной замены норм, в которых общество жить просто не может, их имитацией. И если бы на их месте оказался кто-то из страстных демократов, он бы или был вынужден идти по примерно такому же пути, или бы его убрали за то, что он вверг страну в хаос и жизнь при нем стала невыносимой.

Но почему же общество не может отбросить нормы, которым оно не следует и даже не может следовать? Откуда вообще взялись эти нормы? Почему на вопрос о преемнике Путин не может ответить – «на кого скажу, тот и будет», а обязательно скажет – «кого выберет народ»? Почему Ходорковского нельзя просто взять и посадить, а имущество отобрать, ибо «такова воля государя, он впал в немилость», а обязательно надо судить? Система имитации – очень сложная, очень дорогостоящая. Почему нельзя ее отбросить?

Нормы, которые мы принимаем, хотя им и не следуем – не наши. Нет у нашего общества глубокой внутренней потребности в разделении властей. Нет даже особой потребности в альтернативных выборах. Это – общие нормы современной культуры. Такие нормы всегда возникают в передовых странах и (или)

в высших стратах общества. Но становятся нормами для всех. Ты можешь ненавидеть эти страны и эти страты, но как бы ты их не ненавидел, ты их нормы признаешь и, если не можешь им следовать, вынужден их имитировать. Пугачев вешал дворян, но именовал себя императором, а своих сподвижников графами и фельдмаршалами. Саддам Хусейн ненавидел Запад, но называл себя вполне по-западному – президентом, и имел свой парламент и свою конституцию. Конечно, можно сказать, что и Пугачев, и Хусейн лгали. Но все-таки слово «ложь» тут не совсем подходит. Это скорее – обязательный «язык», заданный культурой. И хотя он совершенно неадекватен для выражения твоей реальности, другого у тебя просто нет. У общества может не быть потребности следовать этим нормам, но есть потребность и даже необходимость их имитировать.

Раньше царя можно было убить, можно было даже выдать себя за царя, но нельзя было вообще обойтись без царя, и нельзя было провозгласить себя царем, не принадлежа к царскому роду. Это просто «не приходило в голову». Так же в наше время. Можно подтасовать результаты выборов. Можно даже сделать вообще выборы с одним кандидатом, хотя это уже на грани допустимого. Но вообще без выборов обойтись нельзя. Это тоже никому «не приходит в голову». А в постсоветской России, похоже, уже нельзя обойтись и без хотя бы внешне альтернативных выборов.

Имитация правовых демократических форм – не только наша особенность. Они имитируются в десятках стран, не способных жить в соответствии с нормами современной культуры, но вынужденных использовать язык этой культуры. Равным образом, это – не особенность только нашей постсоветской истории.

В советскую эпоху имитация демократических норм имела ограниченное значение, ибо у нас была своя целостная идеология, объясняющая правильность этой нашей имитации, говорившая, что это и есть истинная демократия, а наоборот, западная система – это «буржуазная» псевдодемократия. Но даже эта мощная идейная система в своих обличениях западной демократии использовала тот же, единый для современной культуры, язык. Она все равно говорила о демократии, свободе, воле народа и т.д. И относительная слабость этой идеологии и признание (подавленное, убранный с верхних слоев сознания годами «политучебы» и заслоненный томами произведений «классиков марксизма») превосходства и обязательности «буржуазно-демократических» норм проявлялись в том, что эти нормы все равно имитировались. Сейчас выборы все-таки что-то значат. На местном уровне могут быть просто всякие неожиданности. При выборах президента результат ясен, но все же и они что-то значат. Получит Зюганов 10% или 20%, все-таки отчасти зависит и от него и какое-то значение имеет. При советской власти выборы были полностью

безальтернативны. Но обойтись без них не могли. Для чего были нужны абсолютно безальтернативные советские выборы с абсолютно предрешенным результатом? Для чего Сталину нужна была Конституция, где прописаны все демократические нормы? Для обмана народа? Для обмана Запада? Но это – слишком простые и примитивные ответы. Это – ответы на вопросы, которые просто никем не задавались. И я думаю, что если бы спросить Сталина или Брежнева, для чего нужна Конституция, они бы просто не поняли вопроса и совершенно честно ответили бы что-то вроде: «Как же можно без Конституции, ведь это – основной закон». «Как же можно без царя, ведь он – помазанник». Над нормой не рефлексировали, она просто принимается. «Нельзя без Конституции», и все тут. И без выборов нельзя.

Норма создает обязательный, единственно возможный «язык». И если он не адекватен твоему содержанию, если он выработан для выражения совсем другого содержания, ты вынужден «запихивать» свое содержание в неадекватную для него форму. Но если другого языка у тебя нет, он начинает формировать тебя, твое мировосприятие. Ты перестаешь различать содержание и форму выражения, и постепенно форма начинает определять содержание.

Имитация – не только средство обмана и самообмана. Это еще и средство обучения и усвоения. Советская власть заставляла людей ходить на абсолютно

фиктивные выборы. И возникло глубокое убеждение, что без выборов нельзя. Люди придавали громадное значение тому, что они голосуют. Они могли взбунтоваться и заявить, что если, например, власть не проведет в их поселок, как обещала, воду, они голосовать не пойдут. И это вызывало у власти панику. И могли даже провести воду. Хотя ничего от того, придут они голосовать или нет, не менялось. Ссылки на конституцию были постоянны – «что вы мне рот затыкаете, у нас в Конституции сказано про свободу слова». И здесь не было хитрых обманщиков и обманутых дураков. Это была единая система норм, одинаково принимавшихся членами Политбюро и рядовыми колхозниками, единый «советский язык».

И к концу советской власти стало ясно, что форма оказалась сильнее содержания. Содержание – социализм, КПСС, СССР – как выяснилось, могло быть отброшено, но пустая форма Конституции, которая служила лишь прикрытием реальных механизмов власти, оказалась большей реальностью, чем сами эти механизмы. То, что когда-то казалось не имеющим почти никакого значения, например, границы между республиками СССР, оказалось самым важным. Пустая конституционная форма «победила» содержание.

Мы не смогли в 1991 году претворить конституционализм в жизнь. Но мы все-таки поднялись на следующую ступень. Если советские люди уже не могли

жить совсем без выборов, но могли (до определенного времени) совершенно без смеха и негодования воспринимать выборы с одним кандидатом от «блока коммунистов и беспартийных», постсоветские люди уже восприняли необходимость многопартийности и альтернативности. Они еще не могут претворить эту альтернативность в реальность, но и совсем без нее уже могут. И имитируются сейчас не просто выборы, а именно альтернативные выборы. Если при советской власти при каждом выборе в Верховный Совет проделывалась громадная и вроде бы совершенно никому не нужная работа – составлялись списки избирателей, по квартирам ходили агитаторы, на избирательных участках выступали артисты и продавали дефицитную колбасу, то сейчас работы больше и она сложнее. Власть, естественно, стремится к управляемости. Но когда управляемость грозит стать полной «безальтернативностью», это пугает власть. Теперь власти нужно что-то невозможное – «управляемая альтернативность». При каждом выборе власть судорожно начинает организовывать оппозицию, срочно создаются партии Ивана Рыбкина (автор забыл, как она называлась), «Родины», «Справедливые России» и т.д. На всяких секретных совещаниях обсуждается вопрос, пустить или не пустить в Думу СПС, и т.д. и т.п. По сравнению с наивной и простодушной советской имитацией демократии это – трудная, требующая колоссальных ресурсов, в том числе и интеллектуальных, работа.

И опять-таки, как и при советской власти, через имитацию происходит усвоение, интернализация демократических норм. И пустые, вроде бы служащие лишь прикрытием формы приобретают устойчивость и даже некоторую реальность. Ясно, что создание «Справедливой России» – кремлевский имитационный проект. Но «Справедливая Россия» совершенно всерьез и с ожесточением стала бороться с «Единой Россией». И в этой борьбе она использует единственно возможный демократический язык. Она борется с фальсификациями и «административным ресурсом». И, похоже, в результате выборы даже стали чуть более «прозрачными».

Но самый поразительный пример приобретения формой реального значения – это, конечно, предстоящий уход Путина. Какова бы ни была его мотивация, как бы он ни предполагал дальше продолжать реально править в роли русского Дэн Сяопина, ясно, что этот шаг необъясним из реального соотношения сил. Он необъясним никаким давлением на него. Напротив, ему, несомненно, приходится противостоять давлению тех, кто уговаривает его остаться. И уговаривает не только из сугубо своекорыстных соображений, но и потому, что это – рискованный шаг, который может дестабилизировать сложившуюся систему.

Но этот шаг можно более или менее понять, если принять во внимание еще одну, вроде бы нереальную, несерьезную силу, «клочок бумаги» – Конституцию.

Собственное объяснение Путиным своего ухода – что третий срок подряд просто противоречит Конституции, никем, как мне представляется, не воспринимается всерьез. Но возможно, оно значительно более реально, чем кажется. В Киевской Руси бояре вполне могли прогнать князя или даже убить его. Но бояре никогда не становились князьями. Предположим, мы спрашиваем боярина, почему, когда в его руках оказалась реальная власть, он не объявляет себя князем, а идет по сложному пути поисков нового князя. Что бы он ответил? Он бы ответил – «но ведь я же не княжеского рода». Путин отвечает – «но ведь это противоречит Конституции».

И если он действительно подчинится Конституции, а не согласится в последний момент с доводами «здравого смысла», это будет иметь грандиозное значение для страны. Это будет первый случай ухода верховного правителя от власти только потому, что это так записано в «клочке бумаги», первый случай, когда «форма» определит «содержание» в самом важном вопросе – вопросе о верховной власти. Это создаст важнейший прецедент. И значение этого акта президента для правового, конституционного развития страны будет больше, чем значение всех направленных в прямо противоположную сторону предшествующих путинских действий.

Уход Путина будет важным шагом на пути превращения формы в содержание, имитации в реальность.

Конечно, до действительного претворения принятых нами норм в реальность еще далеко. Самый решительный шаг произойдет тогда, когда мы выберем кого-то, кто не указан действующей властью. Без глубоких политических кризисов тут обойтись принципиально невозможно, и произойдет это не так уж скоро. Но мы идем по этому пути.

Советское общество шло к «перестройке», к попытке претворить в реальность провозглашенные властью и зафиксированные в конституции демократические нормы. Этого не получилось, возникла более свободная, но все же лишь имитирующая демократию система. Но эта система «на новом высшем этапе» повторяет советское развитие. Она тоже идет к своему аналогу «перестройки» (или, скорее, к российскому аналогу «цветной революции»). И даже не такими уж черепашьими шагами.

Независимая газета. 6 апреля 2007

БОЛЬШИЕ ПЕРЕМЕНЫ В ОТСУТСТВИЕ ПЕРЕМЕН

Президент Путин сейчас ведет себя, как мать, которая все тише и тише говорит засыпающему ребенку: «Я здесь, я никуда не уйду», – а сама потихоньку отходит от кровати. Путин внушает, что он вроде и уходит, и не уходит. Кто будет преемником – «вы потом узнаете». Эта таинственность соответствует его личному стилю, но этот стиль соответствует ситуации.

Просто сказать «я уйду, а вы выбирайте, кого хотите» Путин не может. Если бы он так сделал, в стране начался бы бедлам. Возникла бы психологически непереносимая ситуация: общество должно само выбирать власть, чего оно фактически никогда раньше не делало, не хочет, не умеет и не имеет для этого никаких инструментов, ибо партии в нем – не партии, парламент – не парламент, суды – не суды. Но даже если бы Путин сейчас ясно указал преемника, чтобы дать обществу привыкнуть к новой «безальтернативности», все равно это означало бы, что до 2008 года вся система власти будет находиться в нерабочем состоянии.

Для человека, который в нашей ситуации хочет уйти с поста президента, Путин действует совершенно правильно. Он, как истинный советский разведчик, не выдает военных тайн – имени преемника и назва-

ния своей будущей должности, заставляет гадать, кто будет преемником, и «гипнотизирует» общество таинственными заявлениями, что он и уходит, и не уходит. В конце концов загипнотизированное общество примет то, что ему уготовано.

Основное значение утверждений Путина, что он и уходит, и остается, – «успокаивающее». Общество в основном довольно теперешним положением и хотело бы видеть в будущем продолжение настоящего – естественно, при постоянном улучшении разных количественных показателей. Никаких принципиальных перемен большинство не хочет и их боится. И Путин внушает, что никаких особых перемен и не будет, потому что он, гарант стабильности, никуда не исчезнет.

Между тем перемены все-таки будут, и очень важные.

В своей политической культуре Россия в громадной мере остается «досовременным», традиционалистским, монархическим обществом. Такое общество не может управлять собой и не умеет само выбирать своих правителей. Правитель в традиционном обществе – как супруг в традиционной семье, «от Бога», то есть откуда угодно, но не по твоему свободному выбору, и – до смерти (твоей или его).

При этой системе власть неделима, все точно знают, кто хозяин и кого надо любить. И поэтому при этой системе живых и здоровых бывших правителей быть не может. Правителя можно убить, что происходило

не раз, можно запрятать навеки в тюрьму, как Иоанна Антоновича. Но допустить, чтобы бывший правитель «спокойно разгуливал», было абсолютно невозможно.

Россия в прошлом веке дважды проходила через революции и радикально меняла идеологии. При этом она каждый раз в новых формах возрождала эту традиционную систему власти, хотя каждый раз – в ослабленном, смягченном виде.

При советской власти между единоличными правлениями возникали промежутки «коллективного руководства», а свергнутый Хрущев остался жив и даже не был посажен. Но все же периоды, когда было не совсем ясно, кто правитель, были короткими, а Хрущев фактически пребывал под домашним арестом и имя его не упоминалось. Ситуации же действующего в политике бывшего правителя в тех условиях быть не могло.

В постсоветской России система безальтернативной власти снова восстановилась, но в еще более ослабленной, чем в советский период, форме. Это проявляется, в частности, и в судьбе наших правителей. Горбачев вообще, слава Богу, жив и здоров, а Ельцин добровольно ушел с поста и спокойно умер «в своей постели». Тем не менее и судьба Горбачева, и судьба Ельцина не выводят нас за рамки принципа, согласно которому «бывших правителей не бывает». Горбачев – президент другого, уже не существующего государства, падение которого было «крупнейшей геополитической катастрофой», а Ельцин, как все понимали, ушел потому, что больше

физически не мог работать и хотел продлить жизнь. И ушел он действительно «на пенсию». В советской и постсоветской России появились живые бывшие правители, но еще ни разу не было «политически живых» бывших правителей.

Принципиально новая ситуация возникнет у нас только в 2008 году. Уход – вполне добровольный – вполне здорового и намеревающегося как-то оставаться в политике Путина будет означать выход за пределы традиционалистского монархического принципа. Причем основные контуры новой ситуации не зависят ни от имени преемника, ни от должности Путина.

Естественно, что Путин изберет того, в ком он максимально уверен, наиболее «предсказуемого» и наименее склонного к самоутверждению. Те, кто выбирал правителя, не собираясь сами полностью уходить со сцены, всегда руководствовались этими критериями. Так верховники выбрали Анну Иоанновну, большевистские вожди – не яркого Троцкого, а серого Сталина, затем не сильного и умного Берию, а простенького Хрущева. Путин и сам был выбран Ельциным и его окружением по схожим критериям – скромный, исполнительный, по стилистике поведения напоминает о всеми любимом сериале «Семнадцать мгновений весны», за власть не боролся, предыдущему своему начальнику, Собчаку, был предан и должен быть до гроба благодарен тем, кто сделал его президентом.

Но еще ни разу не было, чтобы выбранный исходя из этих критериев правитель не пожелал показать себе и другим, что он – не марионетка в чужих руках. И до сих пор все они так или иначе избавлялись от тех, кто привел их к власти и считал, что они должны быть им «по гроб жизни» благодарны. Глупая Анна Иоанновна убрала умных верховников. Сталин расстрелял всех, кто привел его к власти. Хрущев ликвидировал «антипартийную группу». Путин постепенно убрал всех ельцинских людей и строил свой имидж на противопоставлении имиджу Ельцина, как «анти-Ельцин». Бессильная злоба «лондонского сидельца» Березовского – это то же самое, что и бессильная злоба исключенного из партии пенсионера Молотова.

Обойти эту закономерность, по-моему, просто невозможно. Так же как невозможно представить, чтобы Путину нравилось все, что будет преемник делать.

Между тем ничего поделать с Путиным преемник не сможет. Путин унесет с собой определенный «харизматический капитал», а преемник будет жестко ограничен установленными Конституцией сроками, соблюдение которых именно благодаря предстоящему уходу Путина делается совершенно обязательным. Преемник будет знать, что он в самом лучшем случае – на восемь лет, а то и просто на четыре. И Путин, даже если предположить, что все это им затевается только ради четырехлетнего отпуска, что ему удастся найти человека, который клятвенно обязуется в 2012 году

безропотно уйти, вновь уступив Путину место, все равно в 2008–2012 годах ничего не сможет поделаться с преемником.

На период 2008–2012 годов – гарантированно, а скорее всего и на будущее время, возникнет принципиально новая для России ситуация: неполнота власти, разделение этой власти будет не временным и переходным состоянием (пока правитель не «разобрался» с теми, кто ему мешает), а стабильным и «нормальным». Власть будет жестко ограничена временем. И для общества она перестанет быть безальтернативной.

Для нашего чиновничьего класса, для нашего общества – это некомфортная ситуация. Мы привыкли к хозяину – одному, полному, очевидному и до конца. Поэтому мы так и не хотим ухода Путина, и ему приходится нас убаюкивать: «Не бойся, я никуда не уйду». Это ситуация со значительно менее определенными, чем в период 1991–2008 годов, неформальными «правилами игры», со значительно меньшей стабильностью и с очень большим веером возможностей.

И в этом веере есть возможность перейти ту черту, которая отделяет Россию от уже большинства стран современного мира, – в 2012 или 2016 году впервые избрать не того, кто «безальтернативен» (ибо он – уже начальство или на него нам указало начальство). Перейти (или, вернее, начать переход) от подражания выборам к реальному избранию президента. И от состояния народа, пребывающего в затянувшемся традициона-

листском «детстве», к состоянию нормальной современной «взрослой» нации.

Модернизация российского политического сознания и российской политической системы, очень отставших в своей эволюции от всех стран европейской цивилизации и от многих неевропейских стран, идет странными и извилистыми путями. При этом агентами модернизации могут выступать совсем не самые прогрессивные и либеральные фигуры, а важнейшими актами модернизации – не самые яркие события.

Путин – фигура совсем не прогрессивная и не либеральная. Я вовсе не считаю, что Путин свернул с «демократического ельцинского пути». Восстановление традиционной системы политической власти началось сразу же за разрушением предшествующей системы, в 1991 году. Но Путин завершил этот процесс, и имидж Путина – это имидж не разрушителя, революционера, как у Ельцина, а имидж реставратора. И именно восстановление традиционной русской нормы (при сохранении внешних форм современной мировой нормы) обеспечило ему популярность в нашем обществе. Единственный совершенно непопулярный и вызывающий отторжение у общества его акт – это его предстоящий уход. Акт, который Путин хочет сделать как можно более тихим и будничным.

Самый непопулярный российский правитель XX века – больше всех сделавший для модернизации и раскрепощения российского общества Горбачев. Са-

мый непопулярный акт популярного Путина – это как раз единственный его акт, который имеет громадное «модернизаторское» значение, приближает нас к зрелости и свободе, которых мы так боимся и к которым все равно тянемся. А чем мотивирован этот акт и как сам Путин понимает его последствия и значение – одному Богу известно.

Независимая газета. 23.05.2007

ПОЛИТИКА УШЛА В ПОДПОЛЬЕ

Россия превратилась в страну тайны и непредсказуемости. Самый важный вопрос нашей политической жизни – кто будет объявлен преемником Путина, в чьих руках будет власть после 2008-го – это самая большая и непроницаемая тайна. Но и вообще планы президента – тайна, и все важные назначения, сделанные им, – неожиданности. Практически наверняка – даже для его окружения. Тайной и непредсказуемостью пронизано все. За любым действием власти может скрываться какой-то иной смысл. Если в компанию приходит налоговая инспекция, руководители компании прежде всего начинают думать – не означает ли это, что где-то принято решение (естественно, тайное) компанию отобрать. Если появляется какая-то новая партия, журналисты и политологи тут же начинают гадать – для чего это нужно Кремлю.

Эта таинственность усилилась при «закрытом», приученным своей предшествующей работой «не болтать лишнего» Путине, но возникла задолго до его прихода к власти. При психологически более простом и открытом, чем Путин, Ельцине и его безалаберном «дворе» тайн тоже было предостаточно. А процесс, приведший к назначению Путина, был не намного более открытым, чем теперешний процесс передачи власти, и само это назначение – не более «предсказуемо», чем то, которое, может быть, уже произошло в глубо-

чайшей тайне президентского сознания, а может быть, даже еще и не произошло и произойдет позже.

Таинственность и непредсказуемость – не путинские (или не только путинские) черты, а характеристики, имманентные политической жизни постсоветской России. Почему же у нас так много тайны?

* * *

Прежде всего это связано с громадной концентрацией власти в руках наших президентов. Любая личность – тайна, в том числе, в значительной мере – и для себя, поскольку мы зачастую имеем самое смутное представление о наших реальных мотивах. Проникнуть в мотивацию человека и предугадать его поступки – трудно, и до конца – принципиально невозможно. Но если человек – всевластный правитель, тайна его личности и непредсказуемость его решений становятся тайной и непредсказуемостью политики, общества.

Решения правителя зависят от тысячи не поддающихся учету и контролю факторов – от перепадов его настроения, от каких-то фобий, в которых он сам себе не признается, от влияний, которые могут исходить от кого угодно – от охранника, тренера, любовницы, духовника. Двор правителя, естественно, постоянно пытается проникнуть в тайну его личности, занимается любительским психоанализом и сбором информации об его пристрастиях, привычках и о влияниях на него.

А правитель, так же естественно, стремится сохранить себя как личность, свою свободу и свою частную сферу и «прячется» от окружения.

Любой двор – клубок тайн и интриг. При любом дворе двери плотно запираются, но у этих дверей стоят люди, которые прислушиваются и пытаются подглядеть в замочную скважину. И то, что происходит сейчас в Кремле – это то же самое, что происходило всегда при различных дворах разных правителей. «Сегодня у государя был Витте (или Столыпин, или кто угодно), они долго беседовали, и Витте вышел расстроенным». «Я бы не советовал сегодня просить об этом государя, у него дурное настроение». «А это кто такой? Это – старец Григорий Распутин». Сейчас в Кремле слышно что-то очень похожее. «Сечин (или Сурков, не важно кто) уже две недели не может попасть к президенту!» «Я заметил, что когда президент видит Абрамовича, он всегда улыбается». «Кто это? Это – духовник президента».

Все это в условиях громадной концентрации власти и есть самая важная информация. От мыслей, настроений, планов, характера властителя зависят судьбы не только придворных, но в какой-то мере – и всей страны.

И эта информация всегда – гипотетична и неполна. В душу человека все равно не проникнешь. А тайна и непредсказуемость порождают страх и благоговение.

* * *

Но таинственность и непредсказуемость постсоветской России – не только следствие концентрации власти в руках президента. Очень трудно сказать, больше или меньше власти у наших президентов, чем у царей и генсеков (трудно сопоставить разную природу ограничений власти этих правителей – традиционалистских в царской России, идеологических и институционально-партийных в России советской и связанных с обязательностью внешнего соблюдения правовых демократических норм в России постсоветской). Но таинственности и непредсказуемости у нас сейчас – несомненно, больше, чем раньше.

В царской России после принятия закона о престолонаследии вопрос о преемнике вообще никакой тайной не был. Все знали, что после ныне здравствующего государя на престол взойдет цесаревич – наследник. И даже до принятия этого закона в период дворцовых переворотов все претенденты могли быть только из членов династии. Все варианты можно было перебрать на пальцах одной руки. В СССР, конечно, нельзя было точно сказать, кто будет следующим генсеком, но было ясно, что им может быть только кто-то из членов Политбюро, портреты которых несли на демонстрациях. А сейчас у нас тайной является сам состав «Политбюро». Знал ли Фрадков до последней минуты перед своим назначением, что он – «член Политбюро»?

Чем же объяснить, что в современной России, где есть относительно свободные СМИ, ряд партий, в том числе оппозиционные, и т.д., самые важные вопросы политики окружены большей тайной, чем в России самодержавной и России советской? Я думаю, что наши закрытость и непредсказуемость как раз и связаны с тем, что фасадная сторона нашей жизни – открытая и демократическая. По сравнению с царской и советской Россией в нашей теперешней политической системе разрыв формы и содержания, фасада и того, что скрыто за фасадом – максимален.

В царской России царь и был самодержцем и назывался самодержцем. Форма и суть самодержавия совпадали. В СССР разрыв формы и содержания был больше. Тем не менее в Политбюро и ЦК фасадная и реальная стороны власти почти совпадали. Эти органы власти и формально, «по уставу», были высшими партийными органами и действительно обсуждали и решали важнейшие вопросы, и Политбюро реально выбирало из своей среды преемника генсека.

Сейчас фасад и реальность власти фактически не имеют между собой ничего общего. Реальность власти – безальтернативность президента, практическая неограниченность его власти и даже его полная свобода в назначении преемника. А фасад – демократия, разделение властей и свободное избрание народом президента на открытых и альтернативных выборах. Колоссальная власть президента – это «неформаль-

ная» власть, противоречащая формальным «фасадным» нормам.

Но если реальность власти не имеет ничего общего с фасадом, значит, власть осуществляется тайно, «подпольно». Тайной становятся не только мотивы решений президента, но и сами важнейшие решения, которые при обязательном демократическом фасаде не могут провозглашаться и реализовываться открыто. Решения типа – «обеспечить конституционное большинство «Единой России» или «создать преданную президенту, но конкурирующую с «Единой Россией» «Справедливую Россию» и посмотреть, что из этого получится» или «передать собственность над той или иной компанией или тем или иным СМИ в надежные руки» – могут быть только секретными. И весь механизм их проведение в жизнь может быть только тайным.

А операция «преемник» должна быть высшей тайной именно потому, что здесь противоречие формы и содержания – максимально. Здесь нельзя допустить никакого сбоя, преемник может быть только тот, кто определен президентом. Но и фасад должен быть безупречен. Преемника должны действительно избрать тайным голосованием на альтернативных выборах. «Управляемая демократия» – это по сути своей постоянное проведение «спецопераций». А передача верховной власти в ней – самая ответственная и самая тайная «спецоперация».

Я не придаю такого уж большого значения тому, что Путин – бывший работник КГБ. В других странах, где президентская власть – так же велика и «безальтернативна», но президенты имеют другой генезис, система управления – примерно такая же. «Тайны астанийского двора» бывшего партийно-хозяйственного работника Назарбаева – не меньшие, чем тайны путинского двора. Но ясно, что приобретенный Путиным опыт и его возможность опереться на корпоративную лояльность работников спецслужб и использовать их навыки идеально соответствуют задачам управления в нашей системе. Никто не может лучше осуществлять тайное управление, чем профессионалы тайной службы.

Сфера тайного у нас – предельно широка. Но тайна и непредсказуемость порождают страх, неуверенность в завтрашнем дне. Если известно, что после государя будет править наследник, придворный может как-то подготовиться и приспособиться к будущему. Если за генсеком может прийти кто-то из членов Политбюро, непредсказуемости больше, но все же «простой член ЦК» мог как-то рассчитывать свое будущее. Но сейчас российский чиновник или магнат, не знающий даже приблизительно, что будет в 2008 году, должен жить в ситуации крайнего стресса.

И этот страх, вытекающий из непредсказуемости будущего, то есть из самой природы нашего строя, распространяется во всем обществе. Громадная популярность Путина была связана прежде всего с тем, что наконец

стало ясно, кто – хозяин. Боящееся неопределенности общество испытало облегчение. Сейчас все снова стало неясно и даже более неясно, чем в 2000 году.

* * *

Ситуация тайны, неопределенности, непредсказуемости, прямо вытекающая из природы нашего строя, – неудобная, мучительная. И нет никакого сомнения, что даже «на самом верху» существует большое недовольство этой ситуацией и желание перейти к каким-то более предсказуемым и стабильным формам политической жизни. Или – к более «простому» авторитаризму, продлению до бесконечности правления того, к кому все уже привыкли и приспособились, отбрасыванию неудобной правовой и демократической формы. Или (несомненно, есть и такие настроения) – к более правовой системе, в которой исход борьбы за власть – не определен, но правила игры – более открыты и определены, и поражение в ней не так уж страшно.

Мы не знаем, что творится за кремлевскими стенами, но не может быть сомнения, что обычная, нормальная придворная борьба должна принимать там и некоторую идейную окраску. Какая-то борьба разных образов желательного будущего должна идти и в сознании самого президента, проникнуть в которое уж совсем невозможно. И именно здесь, а не в фасадной

сфере открытой политики, решается ближайшее будущее нашей страны.

Общество – атомизировано, его сознание – неопределенно и аморфно, и оно совершенно неспособно к самоорганизации. Оно не так уж далеко ушло от позднесоветского общества, и всякие «марши несогласных» больше напоминают диссидентские демонстрации, где на одного протестующего приходилось сто сотрудников КГБ, чем демонстрации на Западе или на украинском «майдане».

Но в позднесоветскую эпоху на одного диссидента приходилось не только несколько сотен или тысяч работников КГБ, но и несколько десятков миллионов людей, испытывающих неопределенное недовольство. И эти люди были везде – и в ЦК и даже в том же КГБ. И именно смутное понимание этого заставляло власть приставлять по сто агентов к каждому диссиденту, как смутное понимание того, что «несогласных» в любой момент может стать сотни тысяч, заставляет сейчас власть посылать ОМОН против горстки «городских сумасшедших».

Неожиданное появление Горбачева и процессы в его сознании, которые никто не мог предвидеть, привели к падению советского режима. Стоило исчезнуть (или ослабнуть) страху власти, стоило обществу ощутить, что власть не имеет ясной «безальтернативной» политики и что она – не монолит, как дремота застоя сменилась судорожной активностью.

И сейчас достаточно появления некоторой неопределенности в том, в чьих руках власть, выхода в процессе борьбы за власть наружу разных позиций обладающих властью, апелляции борющихся групп к обществу, как теперешняя дремота может пройти. Операция «преемник» таит в себе риски не только для тех, кто в будущем может оказаться в роли новых Березовских и Ходорковских, но и для режима в целом. Но даже если она пройдет «без сучка и задоринки», какая-то следующая важная спецоперация неизбежно провалится. Это – в природе спецопераций.

Мы не знаем не только то, кто будет нами править в ближайшем будущем, но и то, какой у нас будет политический строй.

НГ-политика. 5.06.2007

ПОЗДНИЙ ПРЕЗИДЕНТ

Чем дальше правит наш президент, тем больше накапливается разных произнесенных им «исторических» фраз. Но если вначале эти фразы производили впечатление продуманных и отрепетированных экспромтов («мочить в сортире»), то затем президент стал говорить все спонтаннее и явно много «лишнего». То он вспомнил мальчика, выходящего во враждебный двор, зажав конфетку, которую он намерен обменять на какую-то ценность, «в потном кулачке», то предлагал разозлившему его журналисту совершить обрезание, при этом явно перепутав обрезание с кастрацией. А его недавнее выступление в Хайлигендамме, где он назвал себя «абсолютным и чистым демократом» и сказал, что «после смерти Махатмы Ганди не с кем поговорить», просто вызывают оторопь. Создается впечатление, что президент – совершенно искренен, он действительно считает себя «абсолютным» демократом, не видит среди мировых лидеров того, с кем бы стоило поговорить, и хотел бы пообщаться с Ганди. Но его субъективная правда не только все дальше от реальности, но все более становится просто фантастичной. Сюжет Путина, беседующего с Ганди (очевидно о Боге, ненасилии и борьбе с плотскими страстями) идеально подходит для картин Комара и Меламида.

Что же происходит с нашим президентом, который, несомненно, – один из самых умных и культурных

(первый после Ленина знающий иностранный язык и ни разу не ошибившийся с ударением) глав государства в новейшей истории России?

* * *

Россия в новейшей истории не избалована культурными и умными правителями. И это – не случайно, а объясняется действовавшими механизмами социальной мобильности.

В СССР господствовал бюрократический механизм мобильности, когда выдвижение зависит от воли начальника, который никогда не сделает своим заместителем того, кто явно его умнее. Пробившиеся на самый верх через бесчисленные карьерные фильтры, каждый раз не пропускавшие слишком самостоятельных и слишком «много думающих», члены Политбюро затем выбирали в своем узком кругу главу государства, фактически пожизненного. Естественно, что при этом выбирался тот, кого они считали самым слабым. Неуклонное действие этого механизма «выживания слабейшего» на протяжении советской власти легко прослеживается при сравнении фигур Ленина, Сталина, Хрущева, Брежнева и Черненко. Только в самом конце, когда маразм достиг совершенно гротескных размеров, и у членов Политбюро возникло чувство, что без каких-то решительных действий система погибнет, этот механизм стал давать сбои, и они избрали Андропова и Горбачева.

Избрание в 1991 году Ельцина было действием принципиально иного механизма – популистско-демократического. Это было избрание президента на совершенно свободных выборах взбудораженным и неорганизованным обществом, стремящимся к переменам и желающим всего сразу. Стремления общества были взаимоисключающими. Люди хотели, например, одновременно неуклонного повышения своего жизненного уровня и перехода к новой социально-политической системе, суверенитета России и сохранения союзного государства. И естественно, что в ситуации выбора между тем, кто говорил, что это – невозможно, и тем, кто убедительно говорил, что это вполне возможно и он знает, как это сделать, люди выбрали второго. То есть человека, не видящего противоречий, которые в спокойном состоянии мог увидеть неглупый десятиклассник. Этот же механизм выдвинул наверх Жириновского. Конечно, в какой-то мере Ельцин, а Жириновский – еще больше, играли, но примитивным обманом их демагогия не была – совсем не веря в то, что ты говоришь, так не сыграешь, нужна искренность.

Качества, требуемые для выдвижения при действии этого «популистско-демократического» механизма – совсем иные, чем при действии бюрократического механизма. Начальству нравятся не те, кто способен понравиться толпе. Трудно представить себе Черненко, побеждающего на свободных выборах, как трудно представить себе Жириновского,

успешно делающего бюрократическую карьеру. Но оба эти механизма выталкивают наверх интеллектуально отнюдь не самых сильных.

С приходом Ельцина к власти, фактически сразу после Беловежских соглашений ставшей безальтернативной, началось постепенное ослабление действия популистского механизма и восстановление действия бюрократического. Эпоха революционного хаоса, когда действовали разнообразные лифты вертикальной мобильности, поднявшие наверх очень разных, но ярких и небюрократических людей (в диапазоне от Гайдара до Жириновского и от Лебеда до Березовского, всех этих ярких персонажей «Кукол» Шендеровича), кончалась, лифты остановились. Как любой нормальный правитель, Ельцин не хотел видеть рядом неконтролируемых, «много о себе понимающих», потенциально непослушных и даже опасных людей.

Но как же тогда могло произойти, что преемником Ельцина стал человек, интеллектуально и культурно стоящий, несомненно, выше его? Я думаю, что здесь сыграли роль два фактора. Во-первых, Ельцин не предполагал, как предполагали члены Политбюро, избиравшие генсеков, что он будет продолжать играть видную политическую роль или даже реально править. Он действительно уходил на покой. В этой ситуации ему было прежде всего важно, чтобы преемник гарантировал ему и его семье спокойную жизнь, и он мог не стремиться подобрать самого слабого в своем окру-

жени. Во-вторых, Ельцин и его «семья» в отличие от членов Политбюро очень боялись выборов (я думаю, безосновательно, любой назначенный Ельциным в нашей ситуации был обречен на победу). Поэтому они стремились подобрать не только человека «предсказуемого» и неопасного для них (то есть непохожего на самого Ельцина), но и человека, который одновременно понравился бы народу. Выдвижение Путина, таким образом, подчинялось и не чисто бюрократической логике и не чисто популистской. Эти разные логики как бы взаимно нейтрализовывали друг друга. И результат получился, действительно, удачный.

Путина очень многие любят (хотя любовь к нему народа – в значительной мере «монархическая», другого бы тоже любили). Некоторые его, естественно, ненавидят. Но он ни у кого не вызывает (пока?) тех презрительных насмешек и ощущения стыда, которые раньше вызывали у своих бессильных подданных многие наши всемогущие правители. Что же с ним происходит? Откуда эти все более явные странности?

* * *

Путин пришел к власти в рамках уже в основном выстроенной системы безальтернативного президентства. И стремясь вернуть стране стабильность и порядок, он шел по уже намеченной дороге, свернуть

с которой почти невозможно. Он строил «властную вертикаль» и «управляемую демократию», последовательно ликвидируя все противодействующие ему центры силы. Винить его за это нельзя – в той ситуации, в которой он оказался, никакого иного пути и не было.

Но построение единой пронизывающей все общество властной вертикали означает, что правитель оказывается без сознательного противодействия и без оппонентов, мнение которых он обязан учитывать.

Фактически единственная серьезная оппозиция Путину – вовне, со стороны других государств. Но разные и не очень-то последовательные упреки западных «партнеров» легко объяснить тем, что они просто не хотят, чтобы Россия «поднялась с колен». Внутри же Путин оказался вообще без какой-либо серьезной открытой оппозиции.

Но если человек остается без оппозиции, если нет никого, кто бы мог сказать ему: «Что же ты такое говоришь?», если на каждом шагу ему говорят, что он, безусловно, прав, а те, кто все же его ругает, куплены Березовским, если не американцами, человек, каким бы умным и нормальным он ни был, начинает погружаться в аутический мир собственных грез. Наша «адекватность» поддерживается только тем, что нам на каждом шагу возражают и противодействуют, и мы сами постоянно контролируем себя, учитывая эти возможные возражения и противодействия.

С Путиным происходит то, что происходило уже очень много раз с людьми, оказавшимися в ситуации полновластных правителей, которым никто не может возразить (опасно, бессмысленно и себе дороже). Сталин и вначале, конечно, был кровавый тиран, но убивал он тех, кто был реально или потенциально опасен. А в конце своего правления он действительно подозревал Молотова и Ворошилова в том, что они – иностранные шпионы, боялся врачей-убийц, верил, что кубанские казаки живут так, как это показано в фильме, и писал «Вопросы языкознания» и «Экономические проблемы социализма в СССР». Хрущев вначале – это не тот Хрущев, который стучал ботинком по столу в Генеральной Ассамблее, называл художников-модернистов «пидорасами» и ввез ракеты на Кубу, для чего – до сих пор историки ищут ответа и тщетно. Брежнев в 1964 году, может быть, сам бы посмеялся, если бы ему сказали, сколько раз он будет награжден орденом Ленина и что он напишет книгу, которая удостоится литературной премии. И Ельцин эпохи «обороны Белого дома» – это совсем не тот Ельцин, который дирижировал в Германии оркестром и неделями «работал с документами». Путинская фраза о Махатме Ганди – это явление того же порядка, что хрущевский ботинок, или «пидорасы», или ельцинское дирижирование с поправкой на более высокий образовательный и интеллектуальный уровень.

И дело здесь совсем не в возрасте, а именно в годах, прожитых без возражений и противодействия.

Преимущества реальной, не «управляемой», демократии – не в том, что народ выбирает самых умных. В устоявшейся, стабильной демократии народ выбирает «средних». Буш – отнюдь не самый умный человек в США, а Саркози – во Франции. Но мы склонны преувеличивать роль ума. Ум – вещь относительная и, может быть, отнюдь не самая важная и вообще в человеке, и в успешном правителе. А по отношению к сложности и многообразию реальной жизни никакого ума все равно никогда не хватит. Какой-нибудь увлекшийся своими идеями (которые, в конечном счете, неизбежно окажутся ложными) умник может погубить страну (Ленин был очень умный), а очень средний человек может быть прекрасным правителем.

Преимущества демократии – в том, что она ставит жесткие пределы «глупости», не дает правителю уйти в мир своих фантазий и увести туда страну. Представим себе, что Буш не имел бы неподчиняющегося ему Конгресса, и республиканцам не грозило бы поражение, что Буш мог бы изменить конституцию и продлить свою власть, пока не доведет до конца все задуманное. Он, вполне вероятно, напал бы еще на несколько стран «оси зла», всех бы победил, а потом и он, и Америка не знали бы, что с ними делать, как она не знает, что делать в Ираке. Он мог бы вообще, руководствуясь

самыми благими стремлениями распространить демократию, привести мир к «Армагеддону».

В нашей системе нет ни противодействующих президенту Думы и суда, ни угрозы победы оппозиции на следующих выборах. И хорошо, что мы не такие уж сильные.

Независимая газета. 20.08.2007

РОССИЯ – НЕ КАЗАХСТАН?

До последнего времени политическое развитие России шло по обычному сценарию развития «имитационных демократий». Общество свергает недемократический режим и провозглашает демократию, но жить в условиях демократии не может, и она быстро превращается в камуфлированный демократическими формами авторитаризм. В новой и новейшей истории этот процесс в разных странах повторялся десятки раз, и даже сейчас в условиях имитационных демократий живут едва ли не большинство стран бывшего «третьего мира» и все страны СНГ, кроме своеобразно развивающейся Молдавии и тех стран, где цикл развития этих систем уже закончился «цветными революциями».

Так как все страны СНГ вышли из одной советской «матки», этапы, формы и даже хронология процесса сначала построения, а потом – саморазрушения этих систем у них примерно одни и те же. Ельцин разогнал парламент. А Назарбаев разогнал даже два подряд (хотя, в отличие от Ельцина, бескровно), и другие президенты разгоняли. Мы после разгона парламента приняли суперпрезидентскую конституцию – и в других странах приняли. У нас выборы президента, а теперь уже и парламента, организованы так, что исход их известен заранее – и точно так же они организованы в других странах. У нас президентская власть вступила в конфликт с олигархами и одних уничтожи-

ла, других – «построила», а в Казахстане это произошло даже раньше, чем у нас. У нас власть прибрала к рукам СМИ, прежде всего – телевидение, и везде она его к рукам прибрала. У нас власть вначале – «беспартийная», а затем создает «Единую Россию», и совершенно такие же партии возникли (раньше, чем у нас) в Азербайджане, Казахстане, Таджикистане. Можно привести еще массу разных аналогий. И это – не следствия взаимовлияния, а просто – следствие того, что у нас политические организмы одного и того же типа, развивающиеся по общей «встроенной в них» схеме. Конечно, субъективные, ситуативные и культурные факторы модифицируют эти общие процессы. Где-то процесс идет быстро, где-то медленнее, какой-то президент – из партработников, как Назарбаев, какой-то – из «чекистов», как Гейдар Алиев, а какой-то – даже из интеллектуалов, как цитировавший Платона Акаев. И т.д. и т.п. Но эти отличия – «стилистические» и не более значимы, чем отличия статуй Туркменбаши от статуй Ким Ир Сена.

Ничем особым, принципиальным, Россия в этом ряду не выделялась. Правда, у нас произошло событие, аналогичного которому в СНГ не было нигде – переход власти от Ельцина к Путину. Но это – не принципиальное отличие, поскольку вызвано оно было явно не системным фактором, здоровьем Ельцина (и, добавим, отсутствием у него, в отличие от Гейдара Алиева, взрослого и деятельного сына). Отличия ельцинской и

путинской политики – это, во всяком случае, пока что – не столько отличия людей, сколько отличия этапов развития системы. (Назарбаев, например, более молодой и здоровый, чем Ельцин, сам естественно перешел от роли скорее Ельцина к роли скорее Путина). Важные отличия России от других стран СНГ с однотипными режимами появляются только сейчас.

Решение Путина уйти и соблюсти конституцию – вне нормальной логики развития режимов этого типа. По всем правилам, ему надо было не конституцию сохранять, а самому уходить, а наоборот, самому оставаться, а конституцию менять, что наши эсэнгешные президенты делали многократно. Тот же Назарбаев правит с 1991 года и будет, очевидно, править до смерти, а сколько раз он менял конституции и принимал к ним поправки, позволяющие ему править дальше, даже подсчитать трудно. Недавно он открыто призвал своего российского коллегу перестать «валять дурака» и поступить, как он и как все «нормальные» эсэнгешные президенты, но Путин призыв проигнорировал.

В режимах имитационных демократий, где конституции играют фасадную роль, изменение конституции не чревато дестабилизацией реальной системы власти, наоборот, оно ее укрепляет. И напротив, соблюдение конституции чревато дестабилизацией реальной системы. Уход Путина во имя соблюдения конституции – действие очень опасное и рискованное для системы, основанной на ясной и безраздельной власти

одного человека-президента. Любая неопределенность с тем, кто – реальный «хозяин», «царь», чревата пресловутым «расколом элиты» и включением в политический процесс более широких слоев населения, у которого появляется что-то вроде возможности выбора. Поэтому, чтобы спокойно совершить свой уход, не допустив борьбы за «престол» и не дестабилизировав страну, Путин проводит сложнейшую и совершенно тайную операцию, включающую множество «ложных ходов» и с определением своего преемника, и с определением своего будущего положения. В нашей системе изменение конституции – относительно просто, но ее соблюдение требует громадных усилий.

«План Путина» не знает никто (я уверен, даже его ближайшее окружение). Любой его новый ход, вроде бы раскрывающий этот план, может оказаться очередным обманным ходом. И даже сейчас гадать о нем бессмысленно – карты будут раскрыты в самый последний момент. Но одно ясно – вся эта сложнейшая шахматная партия, в которой противником Путина является все общество, с одной стороны, не желающее его ухода, с другой – при малейшем признаке ослабления власти и малейшей неопределенности с тем, у кого она, готовое сорваться в панику и хаотическую борьбу, затеяна для соблюдения конституции. Объяснить ее обычными примитивными «президентскими инстинктами», направленными на захват все большей власти и ее максимальное продление, так же невозможно, как

невозможно объяснить такими инстинктами горбачевскую перестройку.

Как это ни странно, конституция действительно значит для Путина очень много. И целый ряд его высказываний – например, его слова на съезде «Единой России», что конституцию нельзя менять под конкретного человека, что партия не должна отождествлять себя с конкретной (его) личностью, недавно сказанная им на Валдае фраза о том, что вот еще недавно говорили, что преемников не видно, а сейчас выясняется, что есть множество людей, которые вполне могут быть президентами, – говорит о том, что он стремится как-то (как – не совсем ясно) сойти с нормального и естественного пути эволюции нашего и всех подобных режимов, по которому страна шла с 1991 года.

Возникает вопрос – почему же Путин ведет себя не так, как все, как Назарбаев, Каримов или Лукашенко?

Естественно, никакого однозначного ответа на этот вопрос быть не может, или этот однозначный ответ может быть только «пустым» – «потому что человек такой». Но какой «такой», какими мотивами вызвано это поведение, мы не знаем, и Путин – не тот, кто дает легко проникнуть в свои мотивы и планы. Это – вопрос к психологам, психоаналитикам и будущим историкам-биографам.

Но часто бывает, что сквозь чисто личные свойства и вроде бы детерминированные только ими и ситуацией поступки правителя проходят очень глубоко-

кие процессы и прорывают какие-то глубокие особенности общества. Может быть, дело не только в том, что Путин – не Назарбаев, но и в том, что Россия все же – не Казахстан (и не Узбекистан, Таджикистан и т.д.). За «странностью» поведения российского президента может скрываться «странность» российского общества и российской культуры.

По своей неспособности к самоорганизации, к отстаиванию своих интересов и взглядов перед властью, по страху перед ситуацией выбора, необходимости самим принимать решения русские – никак не «лучше» казахов или других эсэнгэшных народов. Наше прошлое даже менее способствовало выработке общественной самостоятельности и демократических привычек (казахи, например, выбирали своих ханов, и крепостного права у них не было). Русское общество не имеет сильных «племенных» и региональных лояльностей, которые есть в Казахстане, в Украине и в большинстве других наших стран и которые в какой-то мере сдерживают власть и помогают сопротивляться ей. Наше общество – более атомизировано и, соответственно, – более беззащитно перед властью, легче приходит в панику без нее и легче «ложится под нее», чем многие несомненно «азиатские» общества. Все постсоветское развитие демонстрирует, как легко мы шли к теперешней системе, как она естественна для нас. И зашли мы на этом пути очень далеко. Сама готовность общества совершенно безропотно принять любое путинское решение (Иванов так Иванов,

Зубков так Зубков, завтра Путин скажет, что его преемник – какой-нибудь Сидоров, будет Сидоров) говорит о колоссальной слабости общества и колоссальной силе президентской власти.

Но есть и важные отличия России от других стран со схожими системами, наоборот, делающие такую систему для нас менее органичной, более «неудобной», чем, скажем, для казахов или узбеков.

Русская культура XIX и даже XX века «на равных» участвовала в западной культуре, и Россия как государство с XVIII века принадлежит к «концерту» европейских великих держав. У нас нет того чувства, которое может быть у казахов – демократия потом придет, но главное – что мы впервые в истории создаем казахское государство и современное казахское общество. Сама идея, что мы – нормальная страна «третьего мира», догоняющая другие, для нас совершенно неприемлема, само сравнение нас с Казахстаном и Узбекистаном – унижительно. (И действительно страна, органически участвовавшая в европейском культурном процессе еще в XIX и даже XVIII веке, – не совсем «нормальная» страна «третьего мира»). Мы ощущаем себя великой и, главное – европейской страной, мы все время сравниваем себя с Западом, и наше движение по вполне типичному «третьемирскому» политическому пути облегчается тем, что мы совершенно не осознаем его типичность и «третьемирский» характер, а думаем, что это – своеобразный, но европейский путь.

И я думаю, что за необычностью путинского поведения стоит такое же его нежелание ощущать себя обычным, нормальным «эсэнгэшным» и «третьемирским» президентом, как нашему обществу в целом не хочется ощущать себя просто страной «третьего мира», каких десятки, только побольше. В «причудливости» поведения Путина, с одной стороны, сконцентрировавшего в своих руках власть ничуть не меньшую, чем у любого центральноазиатского президента, а с другой – проявляющего необъяснимую заботу о конституционно-демократическом фасаде, которая даже переходит в нечто большее, вполне возможно, проявляется «причудливость» российских модернизационных процессов, российской культуры. Наша естественная эволюция выталкивала Путина на роль, аналогичную роли Назарбаева и Мубарака, Сухарто и Маркоса, Алиева и Лукашенко. Но эта роль его не устраивает, ему очень важно быть «европейским политиком», как наше общество в целом не устраивает роль страны «третьего мира» и оно хочет видеть себя «Европой». Стремление Путина соблюсти конституцию не объяснимо логикой системы, но оно может быть объяснимо культурой.

И именно это дает нам некоторую, слабую надежду на не катастрофический (хотя и не бескризисный) выход за пределы нашей системы к демократии.

Имитационные демократии – внутренне противоречивы, быстро деградируют, неустойчивы и недолговечны. (Это не значит, что падение таких режимов

обязательно ведет к демократии, оно может привести, после периода хаоса, просто к становлению нового подобного режима). И чем более они внешне прочны, чем больше в них все «безальтернативно» и управляемо, тем большей дестабилизацией затем приходится расплачиваться за это обществу, как России пришлось заплатить за стабильность XIX века 1917-м годом. «Цветные революции», которых так боялись, а сейчас перестали бояться эсэнгэшные президенты, – это очень мягкий вариант падения подобных режимов, возможный лишь в относительно слабых и «либеральных» их вариантах. И если более жесткие режимы их избежали, это означает только то, что их падение будет неожиданным и не мягким, и для их правителей когда-нибудь судьба Шеварднадзе или даже Акаева может показаться счастливой.

Мы построили внешне очень прочную и очень «управляемую» систему. Мы уже прошли ту стадию, когда была возможна мягкая «цветная революция». Такая революция предполагает способность общества к самоорганизации и возможность такой самоорганизации, наличие мощной оппозиции, которая взяла бы власть, если бы у нее не украли 5–10% голосов, и которая способна вывести на улицы многие тысячи людей. У нас пока речь идет о том, сможет ли кто-нибудь из оппозиционных партий преодолеть избирательный барьер. Если ждать появления ситуации «цветной революции», то куда проще дожидаться какой-нибудь не

«цветной» катастрофы, коллапса власти и нового периода хаоса.

Но если это в какой-то мере и в какой-то форме понимается президентом, если у него есть стремление сойти с простого и легкого пути, неизбежно ведущего к катастрофе, это дает некоторую надежду. Горбачевская «перестройка» сделала систему более сложной, противоречивой и неустойчивой, приблизив ее конец. Но если бы ее не было, конец пришел бы позже, но он был бы значительно страшнее. Путинский уход также делает систему более сложной, противоречивой и неустойчивой. Но если для системы это опасно, то для страны это может быть спасительным.

«Катастрофический» путь падения режимов имитационных демократий – совершенно естественный. Напротив, путь преобразования таких режимов в демократии «сверху» и эволюционным путем почти непредставим. (И я лично не знаю таких примеров). Ведь для перехода к демократии вроде бы надо, чтобы когда-то власть потерпела поражение, но не может же правитель сам создавать оппозицию себе и мечтать о своем поражении. Но и чисто добровольный уход с поста президента – тоже вещь очень необычная. «Почти непредставимое» – все-таки не то же, что «невозможное».

Независимая газета. 05.10.2007

РЕВОЛЮЦИОНЕРЫ, ДИССИДЕНТЫ И ДЕМОКРАТЫ

Самодержавная Россия, последняя монархия в Европе, упорно не желавшая вводить конституцию, естественно порождала революционеров. Революционеры черпали вдохновение и отчасти поддержку на Западе. Но Запад с его, в тот период, еще достаточно куцыми демократиями и острыми социальными противоречиями не был для них идеалом. Они ориентировались не на западную реальность, а на возникавшие на Западе социально-критические и утопические идеологии. Они верили в «творческие силы русского народа», который, освободившись, обязательно построит общество, более свободное и прогрессивное, чем западные, и уже не русские будут завидовать Западу, а Запад – завидовать русским и брать с них пример. Во имя достижения этого прекрасного общества, из-за принципов организации которого и путей его построения среди революционеров шли бесконечные и ожесточенные споры, они готовы были умирать и, уж тем более, убивать. Наконец, революция пришла (и хотя революционеры боролись за ее скорейшее наступление, во многом неожиданно), и одна из революционных фракций смогла захватить власть и приступить к осуществлению своих идеалов. То, что она создала, было тоталитарной советской системой, сначала уничтожившей много миллионов

граждан России, а затем все более погружавшейся в сенильный маразм и дрему.

Если самодержавие порождало революционеров, то советская власть породила диссидентов, которых с оговорками можно считать функциональными эквивалентами революционеров. И те, и другие безоговорочно отрицали репрессивный недемократический строй, и не просто отрицали «про себя», но переводили это отрицание в действие. Но при этом диссиденты так же отличались от революционеров, как советская система отличалась от царской.

Советская система во многих аспектах, особенно в первую половину своей жизни, была даже более жестокой и репрессивной, чем царская. Но по сравнению с традиционализмом самодержавия она все же представляла собой и шаг вперед. В искаженной форме она все-таки утверждала некоторые современные ценности – развития, равенства, даже демократии. И диссидентская идеология по сравнению с идеологией революционеров представляла собой движение вперед, но такое же болезненное и искаженное, как сама советская власть по сравнению с самодержавием.

У диссидентов не было революционного утопизма и догматизма, которые лежали в основе кровавой истории ранней советской власти. Они не думали, что России суждено показать всему миру какой-то особо прекрасный строй, и лишь мечтали, чтобы она стала «нор-

мальным» современном обществом. Их идеал лежал не столько впереди, в будущем, сколько в пространстве – на Западе, который к этому времени построил стабильные демократические общества и перестал поставлять утопические идеологии, вдохновлявшие революционеров. Диссиденты жили в тоталитарном обществе, порожденном уже победившей народной революцией, и не могли мечтать об еще одной такой же революции. Они с большой опаской относились к «творческим силам народа», которые уже продемонстрировали себя в 1917 году.

Но этот меньший утопизм диссидентского сознания имел и свои оборотные стороны. Диссиденты не стремились к революции, но у них и вообще не было никаких ясных идей (ни правильных, ни неправильных) о том, как советское общество может прийти к свободе, и может ли оно прийти к ней вообще. Они ненавидели советскую систему, но она казалась им несокрушимым монолитом, и за примерно десять лет до падения коммунизма Солженицын пугал Запад, что СССР и коммунисты возьмут его «голыми руками», а Амальрик возлагал смутные надежды, смешанные со страхом, только на войну СССР с Китаем. «Живя не по лжи», диссиденты тем самым боролись с властью, но они не боролись за власть. У них не было утопизма своих предшественников, но их протест был на порядок более пассивный, индивидуальный и безнадежный, чем протест революционеров.

При этом и само «западничество» диссидентов имело, с точки зрения трансформации советского общества, свои негативные стороны. Как диссиденты относились к Западу лучше, чем революционеры, так и Запад относился к ним лучше, чем к революционерам. Запад «манил» к себе диссидентов, не видевших у себя в стране никаких общественных перспектив, но видевших для себя перспективы на Западе, и тем самым ослаблял трансформационный потенциал советского общества. Я иногда пытался вообразить, что бы было с Россией, если бы Ленин, переехав за границу, тут же получил бы престижную и с хорошим жалованием кафедру в университете для чтения курсов лекций по темам: «Материализм и эмпириокритицизм» и «Развитие капитализма в России».

«Настоящих» диссидентов было немного, еще меньше, чем революционеров. Но как комплекс революционного сознания был у сотен тысяч, так комплекс диссидентского сознания, как это показала эпоха перестройки, был у миллионов. При этом люди, видевшие мир совершенно так же, как диссиденты, но предпочитавшие спокойную жизнь, достаток и карьеры, были везде – и в ЦК, и даже в КГБ, о чем настоящие диссиденты, естественно, не догадывались. Падение советской системы пришло еще более неожиданно для носителей диссидентского идеологического комплекса, чем падение самодержавия для революционеров, и в форме, которая для

них была абсолютно непредставима. Ситуация 1991 года, когда в стране шла борьба между сторонниками генерального секретаря ЦК КПСС, который выступал за постепенное движение к демократии и рынку, и сторонниками недавнего члена Политбюро ЦК, выступавшего за немедленный разрыв с коммунистическим прошлым и максимально быстрый переход к обществу западного типа, причем большинство народа было на его стороне, не могла привидеться ни одному диссиденту ни в каком сне даже за пару лет до этого.

В 1991 году если не сами диссиденты (их было слишком мало, и многие уже прочно обосновались на Западе), то носители диссидентского сознания пришли к власти. И если результатом победы революционеров стала советская власть, то результатом победы диссидентов-демократов – современная путинская Россия. Как в 1917 году под лозунгами свободы и демократии мы стали строить советскую систему, во многих аспектах еще более репрессивную, чем царская, так в 1991 году мы стали создавать политическую систему, все более отчетливо приобретающую черты, аналогичные советской.

И опять-таки, как особенности сознания революционеров несли в себе отпечаток царского строя и были важнейшим фактором трансляции черт этого строя в созданную ими советскую систему, так особенности диссидентского сознания были обусловлены совет-

ской системой и способствовали трансляции ее черт в постсоветскую.

Это – и естественный, но слишком быстрый и легкий переход от чувства полной безысходности, порождавшегося тоталитарной системой, но, как выяснилось, совершенно неоправданного, к неумеренным и тоже неоправданным надеждам и ожиданиям. Этот переход, сочетающийся со страхом, что если ты упустишь непонятно откуда взявшуюся возможность, то уже навсегда – как будто, если не развалить СССР в 1991 году, он будет жить вечно, – заставлял спешить с разрушением старой системы, не думая о последствиях этого разрушения для народа и о том, что придет на смену разрушенному. Это (прежде всего, конечно, не у самих «настоящих» диссидентов, но у миллионов пассивных носителей диссидентского комплекса) – компенсация предшествующих пассивности и приспособленчества гиперактивностью и идеологическим ригоризмом и догматизмом – за запрет КПСС больше всего выступали бывшие члены КПСС, а главным антикоммунистическим идеологом стал бывший заведующий идеологическим отделом ЦК. Это и подмена борьбы с тоталитаризмом борьбой с ненавистной символикой тоталитарного прошлого, позволявшая незаметно для себя в новых одеждах это же прошлое восстановить – когда, например, с коммунистами боролись совершенно коммунистическими методами. И многое другое, что было естественным отражением

тоталитарной советской системы в сознании «тоталитарно» отрицавших ее людей и что привело к тому, что чем более радикально менялась символика, форма, тем более возвращалась суть, содержание.

Сейчас для многих демократов, оказавшихся на обочине политической жизни и с ужасом видящих, что получилось, Путин начинает играть роль невесты откуда взявшегося носителя зла – примерно ту же, какую играл Сталин в сознании тех революционеров, которые ужасались, увидев, что получилось из советской власти. Но Путин – «законный» наследник 1991 года. Власть ему передал главный вождь «диссидентской революции», и сам он был помощником одного из ее вождей, отца Ксении Собчак. Не Путин создал теперешнюю систему, а те, кто последовательно побеждал в 1991, 1993 и 1996 годах.

К данному времени постсоветская система приобрела законченные формы, даже в мелочах во многом повторяющие советские. Мы уже дошли до знатных ткачих, читающих по бумажке восхваляющие Путина речи на «историческом» съезде правящей партии, доминирования в руководстве работников спецслужб, в том числе и тех, кто сам боролся с диссидентами в советском КГБ, и даже до борьбы министерства культуры с новой формой чуждого народу искусства.

Но возвращение прошлого предполагает и возвращение такого имманентного этому прошлому элемента, как диссидентство. Если вновь появились

«знатные ткачихи», то не может не быть и «отщепенцев» – «неодиссидентов».

«На новом витке спирали» все значительно «мягче», многие достижения эпохи перестройки остались с нами, очевидно, навсегда. И демократы, носители «неодиссидентского» сознания, сейчас могут собираться не на кухнях, а открыто, могут выезжать за границу и т.д. Более того, они могут даже как бы участвовать в политической жизни, вступая в бессильные, но легальные партии, продолжающие традиции демократической и западной диссидентской идеологии. Тем не менее во всей этой деятельности, в том числе и в деятельности этих партий, вновь и очень быстро проступают многие черты диссидентского идейно-психологического комплекса.

Как и у советских диссидентов, у демократов-«неодиссидентов» – сильнейшее чувство протеста и одновременно сильнейшее чувство безнадежности. И как у диссидентов, у них нет никакой стратегии перехода к демократии или своего прихода к власти. Их действия – скорее экспрессивные, чем целенаправленные. Максимум, о чем они могут мечтать – это ценой немыслимых усилий попасть крохотным и бессильным меньшинством в бессильную Думу (а по тому, как демократические партии подбирают первые тройки в своих списках, создается впечатление, что даже об этом они всерьез не думают). Неспособность объединиться – из этого же. Вступать в блоки и в не-

избежные в блоках компромиссы имеет смысл, если перед тобой есть цель, которую можно ценой компромиссов достичь. Но поскольку такой цели не видно, то и компромиссы не нужны. Тогда лучше уж пойти на компромисс с властью, что хотя бы принесет какие-то жизненные блага.

В некоторых аспектах психологическое состояние «неодиссидентов» даже хуже диссидентского. Дело в том, что диссиденты все же могли списывать все беды на «катастрофу» 1917 года, которую можно было объяснить случайными факторами, колоссальной «неудачей» России. Как избавиться от коммунизма, никто не знал. Но можно было мечтать, что если каким-то чудом от него избавиться, все будет хорошо. Но вот коммунизм пал, однако все возвращается на круги свои. Значит, дело не в коммунизме и не в стечении обстоятельств, а в самой стране, обществе, народе. Такой народ и такая страна – безнадежны, а значит, и положение демократов – безнадежно, и перспектива демократии – безнадежна.

И сейчас людей, в той или иной степени и форме представляющих «неодиссидентское» сознание, так же на много порядков больше, чем посетителей демократических митингов и даже чем голосующих за демократические партии (зачем голосовать за партии, которые все равно ничего не могут), как раньше «полудиссидентов» и «диссидентов в душе» было на много порядков больше, чем настоящих диссидентов. И они

так же – везде. А по мере усиления маразмизации власти их будет становиться все больше. Последний съезд «Единой России», несомненно, резко увеличил их число.

Возрождение после эйфории перестроечного и раннеельцинского времени в новой форме диссидентского чувства бессилия – естественный процесс, необходимая составляющая уроков, которые можно извлечь из недавнего опыта. Действительно, дело не в коммунизме и, во всяком случае, не только в коммунизме, а в самих стране и народе. Действительно, путь к демократии в России – очень сложный и извилистый, и то, что для других – просто и естественно (самим выбирать свое правительство), дается нам мучительно и медленно. Но опыт конца 80-х – 90-х годов имеет и другую сторону, которая, по-моему, еще недостаточно осознается.

Во-первых, перестройка и события 1991 года показали, что советский строй, казавшийся несокрушимым, оказался колоссом на глиняных ногах. И я не уверен, что мы стали принципиально лучше понимать и знать страну, чем мы понимали и знали ее в конце советской эпохи и в период перестройки. Очень вероятно, что новый шанс для перехода к демократии значительно ближе, чем кажется, и появиться он может так же неожиданно и в неожиданной форме, как этот шанс появился в перестройку. Вообще неожиданность конца, очевидно, имманентна системам с «безальтер-

нативной властью» и заблокированными «обратными связями».

Во-вторых, опыт прошлого показывает, что хотя народ, несомненно, не был готов к демократии, идеи демократии совсем не так уж были ему чужды. Большинство народа поддержало перестройку и, более того, в 1991 году проголосовало за принявшего диссидентскую идеологию Ельцина. И если после кошмара, который свалился на головы людей с победой демократов, люди стали голосовать за коммунистов, а затем полюбили Путина, это – более чем естественно.

В-третьих – и это самое важное, – в поражении демократии важнейшую роль сыграли сами особенности сознания диссидентов-демократов, которые были необходимой составляющей всего нашего циклического процесса, как особенности сознания революционеров были важнейшим фактором восстановления в советской власти худших аспектов самодержавия. Но если особенности сознания демократов – важнейший детерминант развития, приведшего к теперешней системе, значит, изменение этого сознания – гарантия того, что следующая попытка перехода к демократии не будет иметь тех же результатов, что и две предыдущие.

Никто не может сказать, когда откроется новая возможность перехода к демократии и в какой форме это произойдет. Но не может быть ни малейшего сомнения, что она откроется, и практически несомненно, что это произойдет в обозримое время (как ни своеобразен

путь России, он не может быть таким своеобразным, чтобы в XXI веке цепь передающих друг другу власть президентов могла продлиться долго). Но самое важное – это даже не то, чтобы это произошло скорее, а чтобы открытие этой возможности не стало началом нового, аналогичного предыдущим цикла. В недемократической системе ее отрицание не может не нести в себе болезненные черты, порожденные этой системой. От них все равно никуда не денешься. И в какой-то мере они все равно будут выходить наружу. Но если ты знаешь о них, если ты разобрался со своим прошлым, ты можешь как-то остерегаться и контролировать себя.

Независимая газета. 14.11.2007

2008

ПРЕДВАРИТЕЛЬНЫЕ ИТОГИ

При оценке деятельности уходящего президента, как и любого правителя, мы должны стремиться избавляться от сохраняющихся в нашем сознании рудиментов архаического мышления древних или примитивных народов, приписывавших хорошие урожаи добродетели или сексуальной мощи своих царьков, а нашествие саранчи – их грехам или ослаблению этой мощи. Нам надо попытаться различать то, что действительно было результатом деятельности Путина и определялось особенностями его личности, и что просто произошло при нем, но произошло бы и при любом другом правителе.

Так, при Путине происходит значительный рост российской экономики. Но ясно, что после падения, порожденного переходом к новой системе социально-экономических отношений и необходимостью приспособления к новым условиям, экономический подъем был неизбежен. Аналогичные подъемы произошли во всех посткоммунистических странах, даже там, где нет своих нефти и газа. А если уж они есть, и если происходит резкий рост мировых цен на энергоносители, подъем просто не может не быть очень большим – в Казахстане и Азербайджане он еще больше, чем у нас, и это – также не следствие достоинств Назарбаева и Алиева, как наш подъем – не следствие достоинств Путина. Даже трудно представить себе,

что бы такое должен был в этих условиях сделать правитель, чтобы подъема не было.

Как экономический подъем – не «заслуга» Путина, так не его «заслуга» и усиление режима безальтернативной президентской власти. Общество, которое провозгласило демократию, но жить при ней не сумело, само толкает своих правителей к построению «имитационно-демократического» режима, оно мечтает, чтобы его кто-нибудь «стабилизировал» и дал ему «властную вертикаль». В этой ситуации от преемника Ельцина никаких больших усилий и выдающихся качеств для создания этой «властной вертикали» не требовалось. Когда в свое время изнемогшая от «смутного времени» Россия жаждала покоя и порядка, стабилизация наступила при гротескно слабом монархе Михаиле Федоровиче.

Путин – совсем не слабый и скудоумный Михаил Федорович, но он как бы находился на эскалаторе, который вез его сам. Как аналогичные эскалаторы везут Назарбаева, Лукашенко, Каримова, Рахмонова и везли Шеварднадзе, Акаева, Кучму. И этот эскалатор также вез бы любого ельцинского преемника, и вез бы самого Ельцина, будь он покрепче здоровьем и не уйди со своего поста.

Конечно, что-то при другом преемнике Ельцина, например, при забытом сейчас, но едва не ставшем нашим президентом Аксененко, было бы иначе. Может быть, Ходорковский процветал бы, а сидел бы какой-то другой олигарх (Березовского, я думаю, убрал бы

любой президент, его уже и Ельцин хотел убрать). Другой президент окружил бы себя иными людьми, например, при железнодорожнике и сибиряке Аксененко было бы больше железнодорожников и сибиряков. При нем появились бы другие миллиардеры. Но все это – отличия, значение которых для конкретных лиц – громадно, но для страны в целом – не очень велико или совершенно не ясно.

При Путине Россия стала более жестко противостоять Западу. Но и здесь «заслуга» Путина – сомнительна. Если развитие нашего режима дошло до такой стадии, когда его отличия от западных стали очевидны, если одновременно зависимость от иностранных займов прекратилась и нефтедолларов куры не клюют, то как же Россия может не «встать с колен» и не начать противостоять Западу?

Путин добился народной любви. Но если мы «вычтем» из этой любви, во-первых, «монархическую» любовь к безальтернативному президенту как таковому, не зависящую от его качеств, а во-вторых, любовь к президенту, при котором жить стало лучше и жизнь вернулась в привычное русло, что опять-таки произошло бы в нашей ситуации при любом правителе, что у нас останется? Может быть, что-то, что связано именно с его личностью, и останется, но явно не много. Ясно, что, назначив Ельцин в свое время в преемники Аксененко, народ полюбил бы его примерно так же, экономический подъем и стабилизацию режима связывали бы с его руководством («план

Аксененко)), а политологи писали бы о «феномене Аксененко».

Мы можем долго искать след личности Путина, и либо вообще не обнаруживаем его, а находим случайное совпадение каких-то закономерных процессов с тем, что они развивались именно при президенте по фамилии Путин, либо обнаруживаем, но значение его невелико и неопределенно. Роль личностей Горбачева и Ельцина в нашей истории – неизмеримо больше.

Эта неопределенность роли личности Путина почти не связана с качествами его личности. Просто Путин стал президентом в ситуации, когда развитие страны уже определилось и степень свободы правителя и других «действующих лиц» сузилась. Страна, как и индивид, проходит в своей истории (биографии) через ситуации, в которых – большой веер возможных исходов, и личные и случайные факторы имеют громадное значение, и через ситуации прочные, изменить которые практически невозможно. Например, в биографии индивида выбор профессии – всегда ситуация с большим веером возможностей, и тот же Путин, несомненно, мог в юности не пойти на работу в КГБ, и его жизнь сложилась бы иначе. Но если ты уже совершил выбор и получил определенную профессию, «переиграть» это требует колоссальных усилий, и иногда, как с профессией работника КГБ, уже просто невозможно. Также и со странами. В конце советской эпохи ситуация была нестабильная, с возможностью самых разных исходов, зависящих и от личных особенностей

и решений действующих лиц и от совершенно случайных факторов. Представим себе на минуту, как изменился бы ход истории, если бы упавший при неясных обстоятельствах с моста в воду Ельцин получил бы воспаление легких и умер. Но после 1991 года диапазон возможностей неуклонно сужался. Ко времени Путина он был уже очень узким. Мы двигались по пути, который как бы сам вел нас вперед, свернуть с которого было практически невозможно.

Я думаю, что есть только одно действие Путина, которое, несомненно, является его свободным решением, обусловленным какими-то сугубо личными чертами и мотивами, и, одновременно, так же несомненно имеет исключительно важное значение для будущего страны. Это – его решение уйти с поста президента в соответствии с конституцией и стать премьером.

Это нестандартное решение, идущее вразрез и с логикой развития нашей системы, и с «архетипами» нашего сознания, во-первых, уже само по себе вносит в нашу жизнь важные и необратимые изменения, а во-вторых, создает нестабильную ситуацию с возможностью разных исходов.

В сохраняющем глубоко архаичные черты русском политическом сознании, сформированном эпохой самодержавия, правитель – один, его власть – нераздельна, и она – на всю жизнь. В эпоху самодержавия был только один путь избавиться от царя – убить его, что и делалось неоднократно, ибо «царь в отставке» – противоречие в терминах. В более «цивилизованные» вре-

мена свергнутым правителям могли оставить жизнь, но только ценой изоляции от общества, отнятием у них «политической жизни» (Хрущев, отчасти Горбачев). И как царя нельзя было отправить в отставку, так и он сам не мог уйти с царства (отсюда – красивая легенда о мнимой смерти и уходе в странники Александра I). Живой и свободно разгуливающий «бывший царь» невозможен, ибо он унес бы с собой часть «священного трепета», связанного с царской должностью, и этим ослаблял бы и «десакрализовал» власть преемника. Он не только мешал бы преемнику спокойно править, но он мешал бы всем, разрушая нормальный «образ власти» и внося сумятицу в народные чувства. Пока что единственный случай добровольного ухода правителя – это уход Ельцина, но он не создавал прецедента, ибо был явно по здоровью и явно – окончательный, «на пенсию». Уход Путина – первый случай добровольного ухода правителя не «на пенсию». Это уже – удар по архаическим основаниям нашего политического сознания, по нашему «образу власти». Но за эти ударом должны последовать другие.

Из всех возможных форм своего ухода с поста президента Путин избрал самую странную – переход в премьеры без перераспределения полномочий. Идея путинского премьерства возникла, очевидно, из желания сделать процесс передачи власти максимально «гладким», усилить преемственность, из страха дестабилизации, который принимает в нашем обществе и у наших властей несколько маниакальный харак-

тер. Между тем, как это часто бывает, невротическое стремление избежать какой-то опасности приводит к действиям, которые как раз эту опасность и создают. Если бы представить себе, что Путин просто куда-то исчезает (покупает остров в Эгейском море и полностью там изолируется, наслаждаясь жизнью на сделанные сбережения), его уход, конечно, все равно был бы ударом по нашему сознанию и нашей политической системе, но стабильности и преемственности было бы куда больше. Его бы в конце концов забыли, а любовь и «священный трепет» перенесли бы на преемника. Но премьер Путин – это что-то вроде реального разделения властей, которое у нас называется страшным словом «двоевластие».

Решение Путина стать премьером (если только это – серьезное решение, а не такое, которое будет «переиграно» сразу после выборов) порождает нестабильную и неудобную ситуацию. Не может быть сомнений, что Путин и Медведев прекрасно друг к другу относятся и доверяют друг другу. Но все равно ситуация «Медведев – президент, Путин – премьер» будет создавать для них множество неприятных и неудобных моментов. (Уже возникла шутка: «Будет ли на столе премьера Путина стоять портрет президента Медведева?») Но она неудобна и болезненна и для русского массового сознания, которое будет стремиться избавиться от раздражающей его ситуации «частичного царя» или «двух царей» (если есть два царя, то один из них – «ненастоящий», самозванец). Потребности

нашего сознания будут расшатывать созданную решением Путина неустойчивую конструкцию, разъедая любую крохотную трещину в отношениях Путина и Медведева и подталкивая их к восстановлению «нормальной» власти. Уже сейчас, как мне представляется, проявились две противоположные тенденции как-то разрешить эту ситуацию.

Одна – это идея провозглашения Путина «национальным лидером», то есть, фактически, низведения Медведева до роли «пешки» и временной фигуры, отделения верховной власти от должности и превращения ее в чисто персональную. Это – естественная реакция сознания нашей чиновничьей, да и народной массы на новую и неудобную ситуацию. Но здесь опять-таки стремление избежать одной болезненной ситуации приводит к другой, еще более болезненной. Мы – не Латинская Америка с ее сломленной в борьбе за независимость монархической традицией и возникшей традицией неформальной власти «сильных людей», атаманов-каудильо. У нас и власть, и народная любовь слишком связаны с «царским местом». Разорвать эту связь – еще труднее, чем пережить медведевско-путинское «двоевластие».

Другая – это вряд ли случайно именно сейчас начавшие тиражироваться слухи о том, что Путин наворовал и спрятал 40 миллиардов. Объективно здесь – подготовка почвы для того, чтобы та же масса, которая только что восторгалась Путиным, бросилась топтать его («мы же не знали!»), а преемник получил

бы возможность избавиться от мешающего ему предшественника. Это – значительно более традиционный и привычный для нас вариант решения проблемы, но и его трудность и болезненность – очевидны.

Никто не может сказать, как, в конечном счете, разрешится складывающаяся сейчас ситуация. Это зависит от тысячи факторов, которые определить и учесть невозможно, включая сюда и принципиально непредугадываемые свободные решения действующих лиц разворачивающейся драмы (как принципиально непредсказуемо было историческое решение Путина). Но как бы она ни разрешилась, какое-то время нам придется жить в непривычной и неудобной ситуации неполной и разделенной власти. И это будет иметь громадное «модернизирующее» значение.

Разумеется, все это – еще очень далеко от демократии, которую провозгласил в 1991 году союз наивных людей и прохвостов. Но для того, чтобы у нас стала возможной демократия, чтобы мы научились сами выбирать власть, нужны очень глубокие изменения в сознании. Нужна «десакрализация» власти, разрушение сидящей глубоко в нашем сознании архаически-монархической схемы безраздельной и кончающейся лишь со смертью правителя власти. Опыт XX века ослабил эту схему, но она была достаточно сильна, чтобы каждый раз при сломе государственной системы вновь выходить на поверхность и подчинять своей логике противоречащие ей новые формальные институты, превращая и идею советской власти, и устав партии,

и демократическую конституцию в фасады, камуфлирующие все то же самодержавие. Эта архаическая схема противоречит требованиям современного мира, мы в какой-то мере сознаем ее ущербность и стараемся от нее избавиться, но это настолько трудно, что каждый раз мы снова возвращаемся к ней, как продержавшийся какое-то время алкоголик возвращается к рюмке. Избавиться от глубоко укорененных, ставших уже характером привычек вообще без страданий невозможно. Поэтому неудобство, болезненность, даже неестественность той ситуации, в которую Путин ставит нас своими Бог весть чем продиктованными решениями – это полезная для нас болезненность, которая облегчит нам следующую неизбежную попытку выйти из порочного круга коротких «спазмов» переходящей в анархию свободы и длительных периодов авторитарной стабильности, готовящих новый «спазм».

В 2008 году мы свернули с удобного и гладкого пути на какую-то странную, ухабистую проселочную дорогу, с которой много непонятно куда ведущих развилки. Ехать будет трудно, но это лучше, чем без напряжения катиться в пропасть.

Независимая газета. 14.01.2008

ДИЛЕММА МЕДВЕДЕВА

С уходом Путина с поста президента на пост премьера и избранием Медведева Россия вступит в новую политическую эпоху. Самым важным аспектом этой эпохи является новая организация верховной власти – утверждение принципа ограниченности во времени президентской власти конституционными двумя сроками и появление реальных ограничений этой власти – власть, ограниченная во времени, не может быть полной, она становится ограниченной и во всех своих проявлениях. Но достаточно важным аспектом является и появление на посту президента нового лица.

Новый правитель – это новый стиль, который будет усваиваться бюрократией и вообще всеми, кто желает проявить свою любовь к власти и будет создавать стиль времени. Стиль Медведева, как это видно уже сейчас, значительно отличается от путинского. Путин создает впечатление человека с трудным детством, загонявшего вглубь свои слабости, эмоции и неуверенность в себе, скорее всего именно для этого пошедшего в КГБ (работа в «сильной» и «страшноватой» организации придает силу) и выработавшего маску в стилистике «Семнадцати мгновений весны». Для таких людей главное – контролировать самих себя, не давать другим контролировать себя и самим контролировать других. Но система самоконтроля периодически ломается. Загнанные внутрь, подавленные чувства, естественно,

просятся наружу, сопровождаемые переходом вроде бы интеллигентного человека на «пацанский» язык, и прорываются в приступах ярости, которые могут быть вызваны совершенно неадекватными причинами («неуместный» вопрос журналиста о Чечне, возможно, появление возомнившего о себе олигарха в Кремле без галстука).

Очень интересно, что ни выбор Ельциным Путина, ни выбор Путиным Медведева не совершались по принципу выбора самого похожего на самого себя. Наоборот, похоже, что президенты в какой-то мере ощущали свои недостатки и «отталкивались» от них. Уж чего-чего, а самоконтроля у Ельцина не было, но выбрал он до гротеска (и до срывов) контролирующего себя Путина. И Путин выбрал преемником совсем не похожего на себя человека.

Медведев будет первым за очень долгое время, фактически, за весь период после падения царизма, российским правителем из «хорошей», благополучной и элитарной, семьи. (Семью Ульяновых все же назвать благополучной нельзя). На нем – отпечаток сытого детства в доме профессора и обеспеченного практически с рождения карьерного минимума. Создается впечатление, что он – не «закомплексован», открытее и добрее своего предшественника. От него не веет опасностью, которую излучал Путин.

Никаких идеологических отличий Медведева и Путина не может быть «по определению». Но психологи-

ческие различия – всегда в какой-то мере идеологические, ибо люди с разными психологиями в рамках одной идеологии, одного и того же набора ценностей неизбежно делают разные акценты. Путин естественно акцентировал порядок, вертикаль власти, независимость России от внешних влияний. Нормальный мальчик из профессорской позднесоветской семьи – «либерал». От речи Медведева на Гражданском форуме веет чем-то вроде «оттепели», и у российских либералов Медведев уже начал вызывать чувства, аналогичные тем, которые некогда вызвало воцарение Александра I после Павла.

То, что Медведев подтверждает в своих высказываниях «демократический выбор России», – не очень интересно, ибо ничего другого он подтверждать не может. Куда интереснее и важнее в его выступлении на Гражданском форуме сильная и, несомненно, искренняя и прочувствованная филиппика против русского «правового нигилизма» и всеохватывающей коррупции. Очевидно, этот упор на законность, право будет таким же важным личным «стилистическим признаком» правления юриста и «либерала» Медведева, как упор на порядок, контроль был «стилистическим признаком» правления Путина.

И здесь возникает вопрос – в какой мере этот акцент на правопорядок может претвориться из слов в реальную политику, в какой – он обречен остаться на уровне риторики (вспоминается фраза Чичикова: «Я немею пред законом») и «риторических действий»?

То, что борьба за правопорядок и с коррупцией будет сталкиваться с сопротивлением аппарата – естественно. Но это – нормальное «сопротивление материала». Я думаю, что значительно важнее сопротивление этой «правовой» составляющей медведевской идеологии и политики будет со стороны других аспектов идеологии самого же Медведева, озвученных им в той же речи. Это – любимая Путиным, но, несомненно, полностью Медведевым воспринятая мысль, что Россия в XX веке «исчерпала свой лимит на революции», и нет ничего важнее, чем сохранение преемственности и стабильности. Почему же ценность стабильности в нашем контексте противоречит ценности правопорядка?

Потому что тот порядок, который сформировался в постсоветской России и который обеспечил президентство и Путину, и Медведеву, – это порядок, основанный на полной власти «безальтернативного» президента и свободном выборе президента-преемника президентом-предшественником при обязательной последующей легитимации этого выбора всенародным голосованием. Это – не формальный, конституционный, но реальный порядок. И гарантией такого порядка может быть только «управляемость» этим легитимирующим голосованием (а это значит – всем политическим процессом), то есть, объективно, превращение демократии в ее имитацию и постоянное нарушение демократических, конституционных норм. И именно здесь и есть самый главный источник нашего

«правового нигилизма», наша главная «коррупция», которая создает жесткие границы для борьбы с любыми другими ее проявлениями.

В разных политических системах коррупция имеет разное значение. В системах, где нет принципиального противоречия формы и содержания, коррупция – это «коррупция» в буквальном значении этого слова, «порча» механизма управления. Цари не могли справиться с коррупцией (полностью уничтожить ее вообще невозможно), но никак нельзя сказать, что она была необходима для существования царизма. Она мешала царям, искажала работу механизма управления. И в демократии («неуправляемой») коррупция – это «порча» механизма управления. Но в системе, основанной на противоречии правовой формы и неправового содержания, где реальный порядок – это назначение Ельциным Путина, а Путиным Медведева, а конституционная форма – это свободные альтернативные выборы, коррупция – «системообразующий элемент». Это – не «порча» механизма управления, а сам механизм. «Управление демократией» – это и есть «правовой нигилизм» и коррупция.

Главное у нас – это не деньги, которые, как показал печальный опыт «олигархов», в нашей системе не конвертируются во власть и относительно легко отнимаются, а власть, которая легко конвертируется в деньги. Самая основная «валюта» – это избирательные бюллетени, и если ты в той или иной форме их «воруешь»

(где-то – прямой фальсификацией, где-то – манипуляцией избирательным процессом, отстранением конкурентов от выборов под какими-либо предложениями, их отстранением от СМИ и т.д.), прочее «воровство» – это уже мелочи. Любое прочее воровство и «использование служебного положения в личных целях» производны от этого главного «воровства», которое обозначается у нас эвфемизмом «административный ресурс».

Но если стабильность, преемственность власти, борьба с угрозами дестабилизации (призраком «цветной революции») рассматривается президентом в такой системе как его самая высшая задача, его борьба с коррупцией неизбежно становится такой же «фасадной», имитационной, как фасадной становится в ней конституция и имитационной – демократия. Он не может, например, привлечь к суду коррумпированного руководителя «проблемного» региона, обеспечивающего в нем стабильность и обеспечивающего ему необходимые голоса избирателей этого региона. Чтобы реально бороться с коррупцией и «правовым нигилизмом», Медведеву надо было бы прежде всего расследовать недавние выборы в таких регионах, как Ингушетия, Чечня и Мордовия. Но как он будет расследовать выборы, которые помогли обеспечивающей стабильность и выдвинувшей его партии, и в регионах, которые в марте помогут ему лично, и где расследование будет означать неизбежную дестабилизацию?

И дело здесь не только в нормальных «властных инстинктах» президента, его естественном стремлении к успеху, победе, которые ему очень трудно, но все же можно подавить какими-то идеалистическими мотивами. Дело в том, что обеспечение стабильности для Путина и, очевидно, Медведева – это и есть «идеалистический мотив», «моральный императив», долг перед страной, «исчерпавшей лимит на революции». Искреннее стремление будущего президента пресечь «правовой нигилизм» неизбежно будет вступать в противоречие с не менее искренним стремлением к стабильности.

И Путин, и Медведев хотят законности и правопорядка, которые в наших условиях могут быть только конституционными и демократическими законностью и правопорядком. Но одновременно они хотят стабильности, предсказуемости, передачи власти доверенным людям. Но демократия – это как раз непредсказуемость выборов. Это у нас победа Медведева – гарантирована, а кого выберут в США – никто не знает. Реальная демократия – это стабильность правил игры при полной неопределенности победителя. И переход от имитационной к реальной демократии может быть только один – победа не того, кто уже у власти или назначен властью в победители. И если этот переход – неизбежен (а весь ход мирового исторического процесса говорит об этом), а первый случай победы не того, кто назначен победителем, – это все-таки ре-

волюция (пусть «бархатная» или «цветная»), значит, лимита на революции мы еще не совсем исчерпали.

Из вышесказанного легко сделать вывод, что правовые и либеральные слова и жесты Медведева обречены остаться словами и жестами и придавать им серьезное значение не стоит. Но это – не так.

Разумеется, Медведев не может привести нас к демократии. Решающий шаг на пути от имитационной к реальной демократии – это поражение на выборах власти, а требовать от президента, чтобы он готовил свое (или своего преемника) поражение – абсурдно. Это – вообще не в его силах. Но от его решений будет зависеть очень многое. Его предшественник смог в ситуации выбора между требованием конституции, с одной стороны, и страхом дестабилизации и своими властными инстинктами – с другой, все-таки выбрать конституцию. Это был очень ограниченный выбор, ибо речь шла о передаче власти другу и о неполной утрате власти. Но все же это был важный выбор и важный шаг на нашем трудном пути к демократическому правопорядку. И этот выбор создает прецедент, облегчающий для его преемника аналогичные решения.

Перед Медведевым тоже будут ситуации выбора – не обязательно страшного, «экзистенциального» выбора – но все равно неприятные (расследовать или не расследовать воровство какого-нибудь преданного ему губернатора, который стабилизирует регион, допускать в парламент не угрожающую непосредственно его вла-

сти, но не очень приятную ему оппозиционную партию или дать «отмашку» на ее недопущение и т. д.). Это будут ситуации выбора между двумя составляющими его системы ценностей – стабильностью и правом. И чем больше и чаще он будет выбирать право (что значит – частичную дестабилизацию), тем больше шансов, что будущий переход к реальной демократии будет более мягким, «бархатным».

Создается впечатление, что идею «исчерпанности лимита на революции» Путин и Медведев воспринимают как какую-то новую и оригинальную. На самом деле – это новая форма очень старого русского страха дестабилизации, потери властью контроля, который порождал закрытые, лишённые обратной связи с обществом системы, в конечном счете оказывавшиеся неустойчивыми и приводившими к полной дестабилизации.

Все наши цари, начиная с Екатерины, панически боялись революции (французская революция 1848 года вызвала у Николая I реакцию, совершенно однотипную с реакцией нашей власти на «цветные революции»), и практически все они (кроме Александра II) укрепляли «вертикали власти», боясь даже небольших, частичных «дестабилизаций», непосредственно их власти не угрожавших. Но именно это и привело к тотальной дестабилизации 1917 года.

Затем так же панически боялись дестабилизации советские руководители. Результатом был 1991 год. Боялся ее и Путин. Боится ее и Медведев. И если этот

страх станет совершенно доминирующим, полностью одолеет прочие «правовые» стремления, то очень вероятно, что будущий историк поставит в один ряд с датами «1917 год» и «1991» год дату какой-то другой катастрофы. Но чем меньше он будет, чем чаще он будет уступать другим стремлениям, тем больше шансов, что Россия, если уж не полностью исчерпала лимит на революции (это все-таки преувеличение), то лимит на катастрофические, не «бархатные» революции, действительно, исчерпала.

Независимая газета. 7.02.2008

ДИЛЕММЫ И СТРАДАНИЯ ЛИБЕРАЛОВ

Российская власть периодически посылает российским либералам разные сигналы, говорящие о том, что если к безответственным, подрывным элементам вроде «шкакалящих по иностранным посольствам» и организующих разные демонстрации Касьянова и Каспарова она сурова, то ответственных либералов уважает и ценит.

Путин сделал уполномоченным по правам человека Лукина, второго лидера «Яблока» (партии, утверждающей, что наш политический строй по сути своей не правовой), что означало очень высокую степень доверия и одновременно продемонстрировало всем, что, хотя наш действующий президент и полковник КГБ-ФСБ, правовые и демократические идеалы яблочников ему отнюдь не чужды. Потом и Явлинский был вызван Путиным, и они долго о чем-то секретном беседовали (наверное, в основном о развитии гражданского общества). СПС и сигналов не нужно – у него есть Чубайс. В Общественную палату были включены ряд известных либералов, включая самого главного нашего либерала Ясина, и они там заседают вместе с Аллой Пугачевой, кремлевскими политологами-пропагандистами и представителями духовенства. Со сменой далекого от либералов по своему социальному генезису Путина социально близким Медведевым можно ожидать, что привлечение либералов к власти усилится.

Говорить обо всем этом, не впадая в ернический щедринский тон и не вспоминая «Современной идиллии» и «Истории одного города», практически невозможно. Тем не менее за этим стоят очень серьезные вопросы развития нашей страны, требующие серьезной же попытки ответа.

Прежде всего – для чего нужны власти яблочники и эспээсовцы? Почему власть сначала борется с этими партиями, правдой и неправдой забирая у них голоса в пользу своей «Единой России» и специально созданных для этого конкурентов-«манекенов», а затем, когда либералы не преодолели электорального барьера и близки к полной маргинализации, привлекает их лидеров?

Во-первых, власть понимает (или чувствует), что сила либералов – неизмеримо больше их электоральных достижений. Либералы выражают настроения не такого уж большого, но социально очень значимого образованного и относительно обеспеченного слоя, сосредоточенного прежде всего в столицах. Полная потеря лояльности этого слоя, как это показала история падения советской власти, не может быть компенсирована традиционалистской лояльностью широких слоев народа в провинциях. Этот слой был основной силой, осуществившей революцию 1991 года, и в начале постсоветского периода являлся основной опорой власти. Становление режима безальтернативных президентов привело к его деморализации, утрате им

политической активности и – в последние годы – к стремительно растущему отчуждению от власти, что заметно даже в электоральной статистике. Но, как и в конце советского периода, за этим пассивным отчуждением должна следовать новая активизация и «революционаризация». И власть правильно боится этого процесса и стремится остановить его, привлекая авторитетные в этом слое либеральные фигуры.

Во-вторых, в сложной и противоречивой конструкции идеологии нашей власти есть имманентная ей «либеральная» и «демократическая» составляющая. Никакой идеологии, которая была бы альтернативой демократии, у власти нет, и ей необходимо не только для Запада и для либеральных кругов в России, но и для самой себя представлять дело так, что наш строй – может быть, своеобразная и несовершенная, но постепенно совершенствующаяся европейская демократия. И назначение Лукина, беседы с Явлинским, включение либералов в Общественную палату и т.д. – это что-то вроде психологически нужных власти доказательств ее «прогрессивности», «европейскости», «демократичности», как Екатерине Великой нужна была не столько для «просвещенного дворянства» и уж тем более не для народа, а для самой себя, для самоуважения, переписка с Дидро.

Но для чего сближение с властью нужно либералам? Самое простое и очевидное объяснение – жить-то надо. Пройти в парламент не удалось. Остается –

или просто переходить в «неодиссиденты», в «Другую Россию», со всеми опасными и неприятными последствиями, или уходить из общественной жизни и «погружаться в Лету», или идти к власти. Естественно, эти дилеммы сопровождаются душевными терзаниями, в целом теми же, что у щедринских героев и что у советских интеллигентов, мучающихся вопросами типа: вступать или не вступать в КПСС, выступать или не выступать с осуждением чего-нибудь вроде «израильской агрессии», подписывать или нет какое-нибудь письмо в поддержку арестованных диссидентов.

Либералы, склоняющиеся к сотрудничеству с властью, конечно, ищут для этого идеологических обоснований. Обоснования эти – тоже отнюдь не новые. «Такая уж у нас страна». «Такое уж у нас время». «Ясно, что к демократии наш народ еще не готов». «Дело ведь не только во мне, у меня – важная и любимая работа, и я отвечаю за людей, которыми руковожу» (вариант: «есть партия, люди, которые мне доверились»). «Нельзя же отрицать, что страна все-таки развивается, идет вперед, и нельзя просто все критиковать и ничего не делать». «Наверху – тоже очень разные люди, и я могу помочь прогрессивным людям во власти (при дворе, в ЦК, в президентской администрации) в их борьбе с реакционерами». И т.д. и т.п. Происходят революции, меняются официальные идеологии и даже социально-экономические системы, но структуры отношений либералов и власти, мотивация и аргументация со-

трудничающих с властью либералов в России – очень стабильны.

Психологическая функция подобных аргументов – очевидна. Ясно, что, когда человек совершает выбор между «конструктивной» позицией, гарантирующей спокойную и хорошую жизнь, и позицией «неконструктивной», гарантирующей всякие беды, «житейские» мотивы не влияют на его выбор и на его рассуждения не могут. И в аргументах в пользу сотрудничества не может не присутствовать элемент самооправдания, камуфлирования морального компромисса.

Но здесь есть очень легкая возможность впасть в распространенную ошибку. Указание на психологическую мотивацию каких-то утверждений не заменяет необходимость рассмотрения их по существу. Если в мотивах либерала, говорящего, что он хочет принести практическую пользу, помогая власти в реформах, что народ к демократии еще не готов, что наверху – разные люди и он намерен помочь либеральным элементам во власти и т.д., неизбежно присутствует и желание личной зарплаты и спокойной жизни, это еще не значит, что он действительно не может принести пользу, помогая в реформах, что народ к демократии готов и что наверху все одинаковы.

Главный вопрос – не вопрос о мотивах власти, привлекающей либералов к сотрудничеству, и не вопрос о мотивах идущих на это сотрудничество либералов, а о том, может ли это сотрудничество способствовать

переходу России к демократии, или, наоборот, оно лишь способствует камуфлированию авторитарной сущности теперешней политической системы, укрепляет «прогнивший авторитарный режим». И именно на этот вопрос ответить труднее всего.

Для этого мы слишком смутно представляем себе наши социально-политические процессы. Даже по отношению к прошлому ответить на вопросы, что следовало бы делать в той или иной кризисной ситуации людям, стремящимся к модернизации и демократизации России, зачастую очень трудно. (Что бы мы, вооруженные нашим опытом, посоветовали декабристам – лучше подготовить заговор и постараться арестовать или убить Николая, или вообще не восставать, а вести «масонскую» либеральную работу, подталкивая власть к реформам? Мы знаем, к чему привели падение монархии и демократическая революция в феврале 1917-го, но значит ли это, что мы бы посоветовали либералам 1917 года все свои силы направить на сохранение монархии? Нужно ли было Горбачеву спешить с демократическими реформами – или, наоборот, вводить их более осторожно и постепенно?) Тем более трудно ответить на такие вопросы по отношению к будущему. Когда произойдет третья попытка перехода России к демократии, в какой форме она произойдет и будет ли она, в отличие от двух предшествующих, последней и успешной – сказать не может никто. Движение вперед, к демократии, может быть лишь движением в тумане,

на ощупь. Любые стратегии этого движения неизбежно сомнительны и могут быть оспорены.

Тем не менее некоторый исторический опыт и понимание процессов у нас есть, и «приблизительный» ответ на вопрос о целесообразности сотрудничества с властью для дальнейшего перехода к демократии дать можно.

Ясно, что две предшествующие (неудачные) попытки перехода к демократии были результатом действий как «размягчавших» авторитарные режимы «системных» либералов, так и «внесистемных» революционеров и диссидентов, бросавших этим режимам вызов. Подготовка этих попыток была единым процессом, в котором участвовали как революционеры, так и постепенно внедрявшие в сознание власти и общества мысль о конституции царские чиновники и либеральные профессора; как Сахаров и Солженицын, так и советские либералы из «международного отдела ЦК КПСС» и вполне легальные, получавшие различные премии писатели и режиссеры. И те, и другие – необходимы для подготовки попытки и нужны друг другу. И в подготовке следующей попытки также неизбежно будут участвовать и участвуют самые разные силы – от членов Общественной палаты до лимоновцев.

Ясно, что теперешняя «имитационная демократия» значительно ближе к реальной демократии, чем царское самодержавие и советская система. Для перехода к реальной демократии даже не надо менять конституцию

(потом, конечно, менять ее все равно придется). Нужно лишь начать ее соблюдать и перейти к предусмотренным ею реальным альтернативным выборам. Поэтому элемент «внесистемного» действия в подготовке этой попытки может быть не так уж велик. И тем не менее переход от имитационной к реальной демократии, который неотделим от первого избрания не того, кто уже во власти (это – недостаточный, но совершенно необходимый первый шаг) или кто им назначен в преемники, по сути своей не может быть действием власти, не может быть «реформой». Он не может произойти без борьбы с властью, без мобилизации массового протеста, без какого-то российского аналога «майдана». Никакие либеральные реформы не могут избавить нас от необходимости сделать в будущем этот шаг и не могут его заменить. Но они могут облегчить его и способствовать тому, что он не окажется очередным провалом.

Чем более развивается общество, чем дольше сохраняются и входят в привычку демократические завоевания горбачевской и раннеельцинской эпох, тем больше шансов, что будущий кризис приведет к устойчивой демократии. Чем больше правовых и конституционных элементов в нашей жизни, тем больше шансов, что этот кризис окажется «мягким», не катастрофическим, – а это опять-таки очень важно для того, чтобы посткризисная демократия не оказалась очередным «переходным периодом» между двумя авторитаризмами.

Относительно длительный период горбачевских либеральных реформ не был причиной падения советской власти (она пала бы раньше или позже, в той или иной форме в любом случае). Но они были причиной того, что падение это было относительно «мягким» и Россия ближе всего за свою историю подошла к порогу, за которым начинается реальная демократия. Исторический момент нашего наибольшего приближения к демократии – это первые выборы президента России и победа Ельцина над кандидатом власти Рыжковым. Но в этой победе решимость Горбачева и его окружения не превращать выборы в фикцию значила ничуть не меньше, чем мобилизация протестного электората Ельциным и его соратниками.

Наличие в идеологии нашей власти либерального и демократического компонента, наличие Конституции, в рамках которой переход к демократии возможен, наконец, выгоды от мирной и конституционной первой ротации, возможные для проигравших, которые могут перейти в оппозицию (что неприятно, но не ужасно), – все это говорит о том, что либерализация власти, легальное и системное сопротивление ее тенденциям сползания к чисто диктаторскому репрессивному режиму, усиление в ее идеологии либеральных элементов, а в ее практике – правовых и конституционных ограничений – недостаточная для будущего перехода к реальной демократии, но вполне правильная и необходимая стратегия.

Для мирного и успешного перехода к демократии необходимо взаимодействие разных сил – как «системных» либералов, так и «внесистемных» сил; как кабинетов, так и улицы. И кто какую роль при этом выбирает себе – чисто индивидуальное дело, где не может быть никаких рецептов. Представим себе на минуту, что Горбачев и его будущие соратники в какой-то трудный момент решили бы «жить не по лжи» и в результате были бы исключены из партии, – было бы это лучше для России? Моральные компромиссы – необходимы, и представление о моральной ущербности компромиссных либералов и моральной чистоте революционеров, диссидентов и нынешних неодицидентов – совершенно ложно. Отказ от компромисса с властью очень часто служит своего рода моральной индульгенцией, и мирки «бескомпромиссных» превращаются в клоаки. Если щедринские либералы вызывают смех (и сочувствие), то ведь бесы Достоевского вызывают страх. И достаточно прочесть мемуары Вадима Белоцерковского, чтобы ужаснуться нравам мирка диссидентской эмиграции с его доносами, подсиживанием, интригами и бесконечными обвинениями друг друга в тайном сотрудничестве с КГБ, нравам, по-моему, худшим, чем нравы какого-нибудь советского НИИ, состоявшего сплошь из либералов «применительно к подлости». И вряд ли сейчас в моральном отношении мирок «Другой России» так уж лучше либеральных мирков или даже мирка Общественной палаты.

Сотрудничество либералов и демократов с авторитарной властью – нормальная личная, жизненная и нормальная политическая стратегия. Единственное, что нужно при этом, как я думаю, – это понимание того, что компромисс есть компромисс, что переход к реальной демократии – это объективная задача и что либеральные реформы могут ему способствовать, но не могут его заменить. Можно и нужно идти на компромиссы, и можно и нужно мучиться из-за них. Можно сотрудничать с властью – не все же она делает плохое. Теоретически в каких-то ситуациях можно даже наврать и сказать, что она – демократическая. Единственное, что нельзя, – это так думать. Компромисс не должен становиться самообманом.

«Независимая газета», 28.03.2008

НЕВОЗМОЖНОЕ И НЕИЗБЕЖНОЕ

В современном мире нет реальных идейных альтернатив демократии и практически уже нет государств, которые или не были бы реальными демократиями, или не имитировали бы демократию. Демократия – один из аспектов современной цивилизации, которую постепенно с разными муками и трудностями усваивают и страны, культурно очень далекие от тех западноевропейских стран, где эта цивилизация зародилась. Если зона стран с реальной или имитируемой демократией охватывает сейчас практически весь мир, то зона реальных демократий тоже давно уже вышла за пределы Европы и Северной Америки. По оценкам «Фридом Хауз», в демократическом мире сейчас живет около половины населения планеты, и в число свободных государств входят страны с очень разными и очень далекими от европейской и друг от друга культурами, включая не только Индию, Японию и Южную Корею, но и такие экзотические страны, как Бенин, Ботсвана, Монголия и мусульманские Мали и Сенегал. И постепенно зона демократии расширяется. В 1975 году демократических государств было 25%, сейчас – 46%. То, что сейчас происходит в Зимбабве и Кении – это африканский вариант того, что происходило в Грузии и Украине. Все это практически не оставляет никаких сомнений, что приход России от теперешней имитационной демократии к реальной неизбежен. Вопрос

только в сроках и формах этого перехода. Но когда мы начинаем думать об этих сроках и формах, мы сразу же заходим в тупик.

Механизм перехода от имитационных демократий к реальным в самых разных странах – Сербии, Украине, Кении, Филиппинах – очень схожий и определяется самой природой имитационных демократий. В имитационных демократиях нет тоталитарной идеологии и соответствующей ей формальной политической системы, делающих переход к демократии неконституционным «по определению». Это – страны с конституциями, в которых прописаны разные свободы и демократические выборы. Но реальное устройство здесь не соответствует конституции. Реально власть – в руках президента, правящего до смерти или передающего ее избранному им преемнику («квазидинастии»), что камуфлируется выборами и референдумами, манипулируемыми властью. Из этого вытекают и задачи тех «цветных революций», которые приводят к демократии или являются необходимым первым шагом в переходе к демократии. Их задача – заставить власть подчиниться тем прописанным в конституции принципам, которые она формально и сама признает. Все они поэтому приурочены к выборам, к моментам, когда противоречие реального и формального строя становится особенно напряженным и зримым. Оппозиция отказывается признавать результаты выборов, которые она объявляет фальсифицированными, и выводит сво-

их сторонников на площадь. Начинается война нервов. Оппозиция апеллирует к конституции и старается избежать незаконных действий. Если при этом происходит эрозия власти, ее сторонники начинают перебегать к оппозиции, власть утрачивает уверенность в своем контроле над армией и полицией, на нее оказывается сильное давление извне, то революция побеждает. Власть сдается, идет на переговоры и соглашается на пересчет голосов, или на новые выборы, или еще на какой-то компромисс в обмен на личную безопасность уходящих правителей. Если же какого-либо из этих условий нет (например, у оппозиции – достаточная электоральная поддержка, но правящая группировка прочно контролирует силовые структуры, сплочена и давление на нее извне минимально), то власть может не пойти на уступки и разогнать оппозицию. Тогда проблема «загоняется вглубь», и ее решение переносится до какого-то следующего раза, как мы это недавно видели в Армении, а еще раньше в Азербайджане.

Победа «цветной революции» может быть победой демократии, но может быть и только шагом на пути к победе. Победители вполне могут сами попытаться закрепить завоеванную власть неправовыми методами и создать новый имитационный режим. (Очевидно, такую попытку мы видим в Грузии). Поэтому для того, чтобы «цветная» революция привела к демократии, нужна относительная слабость победителей. Они должны быть достаточно сильны, чтобы победить,

но недостаточно сильны, чтобы победить, как когда-то большевики по старой советской формуле, сейчас вызывающей улыбку, «полностью и окончательно». Такая относительная слабость может или проистекать из того, что политическая сила, которую революция отстранила от власти, остается достаточно мощной, чтобы надеяться на электоральный реванш в будущем и противостоять попыткам победителей самим закрепиться у власти неправовым путем (как украинская Партия регионов), или быть результатом того, что лагерь победителей – не сплоченный и начинает разваливаться после их прихода к власти, выделяя из себя новую, достаточно сильную новую оппозицию. Если в результате всего этого вторые и далее выборы после «цветной» революции проходят честно и начинается ротация власти, демократия действительно побеждает.

Данная схема повторялась уже много раз, и это – естественная, логичная и нормальная схема перехода от имитационной к реальной демократии. Теперь попробуем применить сказанное выше к нашим условиям.

Для того чтобы эта схема сработала, нужна легальная и сильная оппозиция, которая может победить на выборах или, во всяком случае, собрать достаточно голосов, чтобы ее претензии на победу звучали правдоподобно. И она должна не только иметь необходимую электоральную поддержку, но и достаточно много очень мотивированных сторонников (и прежде всего – в столице и крупных центрах), которые были бы

готовы выйти на площади, не боясь полицейских дубинок и даже возможного расстрела. Ясно, что ничего подобного у нас нет. Ситуация, относительно похожая на ту, когда возможны «цветные революции», была у нас только в 1996 году, когда оппозиция была достаточно сильна. Но главная в это время оппозиционная сила – коммунисты – не имела поддержки в столицах и была полностью изолирована от других отрядов оппозиции, предпочитавших фальсификацию выборов перспективе прихода коммунистов к власти. Однако с тех пор уже много воды утекло. Стадию развития, при которой возможна реализация схемы «цветной революции», мы уже миновали.

Сейчас в парламенте, кроме очень ослабевших коммунистов, вообще нет оппозиции. Либеральная партийная оппозиция, выделившаяся из лагеря победивших в 1991 году «демократов», ослабла до полного бессилия, а власть напирала законов, делающих создание новых легальных оппозиционных структур практически невозможным. Пределом мечтаний наших либеральных оппозиционеров сейчас является прохождение в следующую Думу в результате либеральной трансформации режима, правящая верхушка которого вроде бы сама несколько смущена тем тотальным контролем над политической жизнью, который она установила, и хотела бы чего-то чуть более «плюралистического» и соответствующего современным «приличиям». Но даже если это произойдет, если

либерализация действительно состоится и будет не кратковременной «оттепелью», если в Думе появятся небольшие либеральные фракции, отсюда до прихода такой оппозиции к власти и перехода к реальной демократии – лет этак сто, которых у нас просто нет.

Я уже не говорю о других условиях перехода к демократии – о том, что правящая группировка должна быть настолько ослабленной, чтобы не решиться прибегать к силе, но одновременно – настолько сильной, чтобы сохраниться и стать оппозицией будущим победителям. У нас нет не только сильной оппозиции, но и сильной, жизнеспособной партии власти. Наша «Единая Россия» – это совсем не украинская Партия регионов, и даже не КПСС, от которой все же сохранилась КПрФ, а совершенно эфемерное образование, которое распадется в пыль от первого же дуновения.

Мы видим, таким образом, что «нормальный» механизм перехода от имитационной к реальной демократии у нас практически исключен. Что же из этого следует?

Возможность продолжения власти нашей «квази-династии» на неопределенное будущее, до XXII века, мне кажется, исключена полностью. Системы, подобные нашей, слишком слабы, и везде – недолговечны. Значит, остается два варианта.

Первый – «катастрофический». Система впадает в «маразм». Наверх проникают только слабые и неумные люди, так что Грызлов и Миронов кажутся му-

дречами древности. Власть окончательно отрывается от реальной жизни – она смотрит только полностью контролируемое ей телевидение и глядит на опросы, произведенные преданными ей социологами, верит им и награждает своих телепропагандистов и социологов орденами. Выборы полностью утрачивают легитимизирующее значение, везде достигнув чечено-ингушской предсказуемости. Наверху сменяются назначающие друг друга президентами фигуры, смена которых совершенно не волнует общество, а в парламенте – только депутаты от «блока «Единой России» и беспартийных». Коррупция приобретает такие размеры, что люди с ностальгией вздыхают: «Но при Лужкове все-таки строили!» В такой ситуации достаточно самого слабого импульса, чтобы вся эта, становящаяся с каждым днем все более хрупкой, конструкция рухнула. И что это за импульс – предугадать невозможно. Да это и не так важно. Очень ослабевший старый организм может погибнуть от простуды, а может – от несварения желудка. Может быть падение цен на нефть, восстание на Кавказе, даже просто схватка за дележ какого-нибудь нового «ЮКОСа» – все, что угодно. Власть утрачивает контроль, и наступает катастрофа.

«Цветная революция» – это совсем не катастрофа. Она может пройти спокойно и организованно. «Революционеры» в таких революциях стремятся к законности и больше всего боятся пролить кровь. Здесь

ясно, кто может встать во главе революции и прийти к власти. Ясно, с кем договариваться. Катастрофа – это когда власть утрачивает контроль, но передать власть – некому. Когда противостоит власти не организованная и признающая формальные «правила игры» сила, а просто хаос и силы, вообще не признающие полностью утративших значение формальных конституционных правил. Договариваться – не с кем, как не с кем было договариваться Сомосе, Сукарно, иранскому шаху, как не с кем было договариваться Каримову в Андижане.

Это – очень плохой вариант не только для режима (на режим, в конце концов, наплевать), но и для страны. Когда Путин говорит, что Россия исчерпала «лимит на революции» (хотя вся его деятельность, кроме ухода с поста президента, объективно была направлена на то, чтобы доказать, что это утверждение – неверно), он в некотором роде прав. Ибо из подобного кризиса она выйдет уже предельно ослабленной.

Избежать этого варианта – очень трудно, почти невозможно. Остается только надеяться, что мы не все знаем и понимаем, не можем учесть разные непредсказуемые субъективные факторы и что история сложнее любых логически выстроенных схем. Это – почти надежда на чудо.

Один раз такое чудо произошло. В конце советского периода многие понимали, что советская система обречена, но какой-то мало-мальски упорядоченный

выход из нее был еще менее видим, чем сейчас выход из нашей теперешней системы. Все мыслимые тогда варианты конца советской системы выглядели более катастрофическими, чем реализовавшийся, что связано с тем, что никто не мог знать, какие процессы происходят в кремлевской верхушке, и никто не предполагал появления Горбачева. Приход Горбачева и шесть лет его реформ не предотвратили падения советской системы и распада СССР, но сделали их минимально катастрофическими. Второго Горбачева не будет, но какой-то аналог его реформам все же не исключен. И некоторые возможности избежать катастрофического варианта, вероятно, все же есть. Например, Путин уже сейчас мог бы не только уйти с поста, что, безусловно, смелый и правильный шаг, но и предоставить выбор между двумя одинаково приемлемыми для него приемниками – Ивановым и Медведевым – избирателям. Для него лично никакой прямой угрозы от этого не было бы. Конечно, это все равно были бы псевдовыборы, но уже следующие подобные выборы могли бы стать более реальными, пресловутый «раскол элиты» мог бы стать нашим своеобразным и «мягким» путем к реальной альтернативности, к демократии. Похоже, что такая мысль у Путина мелькала, но показалась ему уж слишком революционной и страшной. Тем не менее нечто подобное возможно в будущем.

Самый плохой вариант – наиболее вероятен. Но в истории может осуществиться и не самый вероятный

вариант. Сейчас складывается впечатление, что «наверху» есть некоторое смутное понимание того, что дальнейшее развитие по заданной траектории ведет прямиком к катастрофе, и там идут какие-то поиски возможностей сойти с эскалатора, на котором мы движемся к краху даже без каких-либо усилий. И дай Бог, чтобы эти поиски привели к успеху. Один раз нам повезло. Кто знает, может быть, повезет еще раз...

Независимая газета. 12.05. 2008.

ЮЩЕНКО ДОЛЖЕН БЛАГОДАРИТЬ ЛУЖКОВА

В отношениях России с бывшими «братскими советскими» республиками скандалы вспыхивают с частотой скандалов в плохой коммунальной квартире советских времен. Вспыхивают они из-за чего угодно, иногда совершенно на пустом месте. И, опять-таки, как в советской коммуналке, это значит, что глубокая причина этих скандалов – не их конкретные поводы (не погашенный в туалете свет, плата за газ, статус Севастополя и т.д.), а раздражение, недовольство жизнью, ощущение своей ущербности, которые ищут повода, чтобы излиться на соседа.

Сейчас, более или менее на пустом месте, возник очередной российско-украинский скандал, вызванный выступлением в Севастополе мэра Москвы Лужкова, где он в очередной раз озвучил свои и российские претензии на «город русской славы» и заявил, что вопрос о Севастополе «мы будем решать». Слишком углубляться в конкретные причины того, почему Лужков решил сейчас устроить этот скандал, вряд ли стоит. Лужков – большой патриот. И чем ближе естественный конец его управления Москвой, тем более растет (и уже «зашкаливает») его патриотизм. Когда украинские спецслужбы при его приезде в Крым предупредили его, чтобы он скандала не устраивал, не

устроить его он уже не мог. И ясно также, что он выплеснул не только свое личное, но и общероссийское раздражение и вообще на «международную ситуацию», и, в частности, на бывшую «младшую сестру», которая возомнила о себе невесть что и даже собирается в НАТО. Поэтому и наш МИД никак не может осудить Лужкова – у МИДа те же самые эмоции.

Российскую внешнюю политику, особенно на постсоветском пространстве, невозможно объяснить чисто рационально. Модель коммунальной квартиры с ее постоянными статусным беспокойством, глубоким раздражением и скандалами на пустом месте – это не литературное преувеличение и не «метафора». Это – действительно модель. И один из жильцов этой коммуналки имеет все основания быть особенно раздраженным на всех соседей. Распад СССР превратил республики, безоговорочно подчиняющиеся Москве и признающие в России «старшую сестру», в равноправные и «равностатусные» с Россией. Это очень похоже на ситуацию «уплотненного» революцией бывшего домовладельца, ставшего обладателем комнаты в квартире своего дома, где вместе с ним живут его бывшие жильцы, или большого начальника, которого вдруг сняли с поста и он оказался на одном уровне с бывшими подчиненными. Перейти от ситуации «начальника» и «хозяина» к ситуации «равностатусного» психологически всегда очень трудно. При каждом контакте с сотрудниками (бывшими подчиненными)

и соседями (бывшими жильцами) в душе возникают вопросы: «Уважают ли они меня?», «Не смеются ли они надо мной?», «Что же я теперь должен с ними, на «вы» говорить?» и т.д. (При этом бывшие подчиненные – тоже не ангелы, иногда им очень приятно напомнить бывшему начальнику, что это раньше он был очень важный, а теперь он – такой же, как они). Эта объективно конфликтогенная ситуация, и такое общежитие просто не может не быть трудным. Трудно в нем всем, но особенно трудно – бывшему «начальнику», которому вполне можно по-человечески посочувствовать. Как же может развиваться это объективно конфликтогенная ситуация?

Севастополь, естественно, Россия не получит – об этом даже и говорить не стоит. Устроенный Лужковым скандал, как очень многие бывшие у нас с Украиной (вспомним хотя бы Тузлу) и другими соседями скандалы, скоро полузабудется. И всячески муссировать и вспоминать его, очевидно, будут прежде всего те украинские деятели, которые хотят поскорее ввести Украину в НАТО. Украинцы – не народы Балтии. На Украине, особенно на ее востоке и юге, сохраняется сильное сентиментальное отношение к России. Украинцы хотят в Европу, но большинство пока не хочет в НАТО, вступление куда ощущается как антироссийское действие, как отказ от пусть уже не старшей, пусть с тяжелым характером, пусть иногда невыносимой, но все-таки сестры. Нужен очень высокий уровень усталости от

постоянных российских скандалов и претензий, чтобы украинское большинство решило, что сентименты должны остаться в прошлом. И российские деятели, а особенно Лужков, делают все, что в их силах, чтобы этот уровень был достигнут как можно скорее. Я не думаю, что, предупреждая Лужкова о недопустимости высказываний, ставящих под сомнение «суверенитет и территориальную целостность Украины», украинские спецслужбы сознательно его провоцировали – это уж слишком коварно. Но объективно Ющенко должен благодарить Лужкова, и если на Украине дело дойдет до референдума о вступлении в НАТО, украинскому правительству стоило бы где-то за месяц до референдума снять с него запрет на посещение Украины.

То, что вступление Украины в НАТО становится с каждым днем все более вероятным – прямое следствие российской политики, если череду скандалов то из-за всего Крыма, то из-за одного Севастополя, то из-за Тузлы, то из-за «оранжевой революции» («выбирают кого хотят, хотя Путин ясно сказал, кого надо»), то из-за цен на газ можно назвать политикой.

Это – политика, продиктованная российским неврозом. Но поведение невротика всегда влечет за собой как раз те следствия, которых невротик старается избежать, которых он боится. Если бывший начальник обижается по любому поводу и требует от бывших подчиненных разных знаков уважения, эти бывшие подчиненные обязательно будут стараться как-то

от него избавиться, например, спрятаться от него в НАТО.

На нас давит груз прошлого. Мы относительно легко в декабре 1991 года отказались от СССР. Но этот отказ не был результатом каких-то глубоких размышлений и трудных решений. Он произошел «дурником» – решением плохо соображавшего правителя, думавшего, что от СССР можно избавиться и ничего особенно не изменится («куда они от нас денутся?»), при полном молчании оглушенного непонятными ему переменами, неспособного к самоорганизации народа, который только что голосовал за сохранение Союза. Поэтому за легкость распада СССР (как и за легкость отказа от «советской власти» в целом) нам пришлось заплатить тем, что советское прошлое – не изжито, не переосмыслено и не переборено. И как в нашей внутренней жизни мы почти невольно, «само собой» восстанавливаем привычные нам советские формы, так и в наших отношениях с другими мы тоже «само собой» возвращаемся к советскому стилю поведения. Но изменилось и наше общество, и весь окружающий нас мир. И то, что когда-то было естественно, органично и «серьезно», в новых условиях становится болезненным и «пародийным». Как в съезде «Единой России» легко увидеть «фарсовое», «пародийное» повторение съездов КПСС, так в нашей внешней политике есть сильный компонент «фарсового» варианта политики СССР.

Если ты пытаешься вести себя по отношению к другим, как вел себя раньше, при абсолютно ином соотношении сил, сохраняешь стиль поведения, адекватный в старых условиях, в условиях совершенно новых, ты не можешь не терпеть поражение за поражением. Отсюда – цепь неудач российской внешней политики. Мы поддерживали Югославию Милошевича. Где теперь Югославия? Мы поддерживали претензии Сербии на Косово. Но сербы только что продемонстрировали, что понимают, что Косово – не вернуть, а европейская перспектива для них – важнее. Мы говорили, что если страны Балтии войдут в НАТО, мы пересмотрим всю свою политику и вообще будет что-то страшное. Они вошли в НАТО, и ничего страшного мы не сделали, потому что и не можем. Список можно продолжить – он очень большой и все растет.

Невротик, травмированный потерей прежнего могущества, сам создает вокруг себя враждебную среду. Чем больше он требует любви и уважения, тем меньше он их имеет. Окружающим с ним трудно, его избегают. Даже трубопроводы стараются проложить так, чтобы они не проходили через его территорию – пусть дороже, но спокойнее, никогда не знаешь, что он выкинет. Но это усугубляет невроз. Невротик начинает казаться, что его сознательно изолируют, что против него плетут заговоры. Он начинает входить в фантастический параноидальный мир. Запад боялся распада СССР, и Буш-старший вызвал громадное разочарова-

ние украинцев, выступив в 1991 году в Киеве в поддержку союзного государства и с предупреждениями против национализма и сепаратизма. Но большинство у нас убеждено, что СССР разваливали американцы («А почему же он развалился?»). «Цветные революции» были естественным результатом эволюции обществ, в которых они произошли. Но наши власти до сих пор совершенно искренне убеждены, что их организовывали американцы (и так же убеждено едва ли не большинство россиян), и очень боялись, как бы они не устроили такую революцию у нас. Никому особенно не надо принимать Украину и Грузию в НАТО, и примут их туда только после их бесконечных просьб и когда они выполнят все необходимые требования, и не принимать их будет уже просто нельзя. Но нам кажется, что их туда затаскивают.

Сейчас в нашем сознании борются две тенденции. Есть невроз, приводящий к «неадекватному поведению», вроде лужковского, и доходящий до паранойи. И есть другая тенденция. Все-таки происходит некоторая психологическая адаптация к новому положению и к современному миру. Образы и привычки прошлого и реальность борются в нашей душе. В конечном счете реальность не победить не может. И только надо надеяться, что эта победа достанется не слишком большой ценой. Со временем нам придется преодолевать не только стереотипы России в сознании других народов, идущие от времен Российской империи и СССР,

но и те стереотипы, которые создаются сегодня. Вполне представима ситуация, когда Украина уже будет в НАТО и ЕС, а мы сами начнем стучаться в западные двери. Украинцы будут спрашивать нас: «А вы помните, как вы строили дамбу в Керченском проливе, как вдруг запросили громадную цену за газ, как Лужков приезжал в Севастополь?» А мы будем отвечать: «Ну зачем это вспоминать. Когда это было! Кто сейчас в России об этом помнит?»

Огонек. № 21. 19–25.05.2008.

ИМПРОВИЗАТОРЫ У ВЛАСТИ

Российские и зарубежные наблюдатели замерли и ловят сигналы из Кремля и Белого дома. Изучается лексика и тональность высказываний Медведева (вроде бы либеральные) и его манера поведения (похоже, пока что – скованная). Очень много внимания было уделено выражению лица Путина на инаугурации его преемника (вроде бы страдальческое и растерянное). Тщательно подсчитываются упоминания Медведева и Путина в официальных СМИ (Медведев опережает). Естественно, изучаются перестановки в высших эшелонах (тут пока ничего не понятно). Никто ничего не знает, все только гадают – придет ли с Медведевым «оттепель», долго ли протянется, и чем кончится теперешнее «двоевластие», вообще – что будет через год и что будет в 2012 году. Дальше никто даже не загадывает.

Закрытость и таинственность нашей власти нарастали параллельно усилению ее независимости от общества весь постсоветский период, но при Путине достигли размеров, по-моему, превышающих и раннесоветские, и позднесоветские, и сравнимых разве что со сталинскими. Операция «преемник» была проведена с просто потрясающей закрытостью, и очень похоже, что наши ивановы и зубковы (а возможно, и Медведев) представляли «план Путина» не лучше, чем бухарины и ягбды – планы Сталина. А затем тайна, окутывавшая

операцию «преемник», плавно перешла в тайну теперешнего «двоевластия».

Стремление правителя к тайне – естественно и нормально, хотя у Путина, в силу особенностей его характера и профессии, оно принимало, пожалуй, несколько гипертрофированный характер. Соккрытие информации неотделимо от власти. Если ты что-то для себя решил, тебе уже не нужны советы, они только создают лишний «шум», и если у тебя есть план, который, как ты полагаешь, может встретить сопротивление, то лучше, чтобы те, кого ты опасаясь, его не знали. Но таинственность власти имеет и другие функции. Настоящий тайный план человек стремится действительно держать в тайне, не показывать, что он – есть. Но таинственность правителей чаще всего имеет демонстративный характер – она призвана породить в подданных чувство бессилия и одновременно и страх, и надежду. Правитель должен демонстрировать уверенность в себе и наличие глубоко продуманных, но тайных планов, даже если он абсолютно ни в чем не уверен и никаких планов у него нет. И чем меньше у него планов, тем более он должен показывать, что они есть.

В путинской операции «преемник» и ее теперешнем продолжении есть очень много элементов, которые, я думаю, проще объяснить не какими-то макиавеллиевскими хитростями и тайными планами, а наоборот, отсутствием ясных планов и неопределенностью целей.

То, что Путин решил соблюсти конституцию и уйти с поста президента, – ясно, хотя внятно объяснить, для чего – очень трудно. Но для чего надо было устраивать игру рейтингов Иванова и Медведева? Просто чтобы потом посмеяться над Ивановым? Для чего нужно было менять Фрадкова на Зубкова, который, похоже, на минуту даже подумал, не станет ли он сам преемником? Для чего нужно было создавать противовес «Единой России» в виде «Справедливой России», чтобы потом самому эту «Единую Россию» возглавить (что теперь делать со «Справедливой Россией» – непонятно)? Путин, похоже, был совершенно искренен, когда говорил, что он «пахал» восемь лет и устал. Но если ты устал, то для чего тогда становиться премьером – работы не меньше, а нервов трепки – значительно больше. Путин, несомненно, запутывал ходы, чтобы никто не мог догадаться, что он задумал, и наслаждался тем, как никто ничего не может понять. Но очень похоже, что он при этом и сам толком не знал, что задумал, что он импровизировал на ходу, и в голове у него были разные, неустойчивые и противоречащие друг другу планы, и его маска человека, имеющего твердый, но тайный план, была призвана прикрыть противоречивость стремлений и растерянность.

Вообще в ситуации Путина наличие противоречивых стремлений – естественно. Путин решил соблюсти конституцию и уйти. Но просто невозможно, чтобы человек, решивший уйти с поста, связанного с ко-

лоссальной властью и почетом, так ни на минуту и не пожалел бы о своем решении. Он избрал в преемники Медведева, но опять-таки, просто немисливо, чтобы у него так с самого начала и до конца и не было никаких сомнений, что он ни одну секунду не думал: «А может, лучше все-таки Иванова или даже Матвиенко?» Он устал, но не может представить себе, чем будет заниматься как частное лицо. Он доверяет Медведеву, но не может не помнить, что Ельцин ему тоже полностью доверял, что отнюдь не помешало ему разогнать всех ельцинских людей и строить свой имидж на противопоставлении себя Ельцину, поэтому он «обкладывает» преемника своим премьерством и своим лидерством в «Единой России». Противоречивость стремлений, трудность для Путина решить что-то «до конца» и возможность для него, во всяком случае, пока он был президентом, придумать и осуществить любую, даже самую странную, конструкцию и породили теперешнюю половинчатую и противоречивую ситуацию – вроде ушел, но вроде и не ушел, и может, еще вернется.

Но это отсутствие плана, скрываемое созданием иллюзии тайного плана, объясняется не только характером Путина и его ситуацией. Оно, как я думаю, связано и с крайней противоречивостью, неопределенностью «системы ценностей» нашего бывшего президента.

Желаний всегда много, они могут быть самыми противоречивыми и причудливыми. Но идеологии,

системы ценностей какие-то желания подавляют, а каким-то, наоборот, придают дополнительную силу. Если бы Путин решил для себя, что России нужна диктатура, естественное желание не оставлять власть могло бы стать сильным сознательным мотивом, и он бы пост президента не оставил. Если бы, наоборот, он считал, что нужна демократия, он вообще действовал бы совершенно иначе – и будучи президентом, и уходя с поста. Но в том-то и дело, что ни ясных антидемократических (монархических, коммунистических, фашистских, еще каких-нибудь), ни ясных демократических убеждений у него нет. Хотя он постепенно урезал демократические завоевания рубежа 80-х и 90-х годов, он делал это не потому, что считал, что демократия – это очень плохо, а по естественному инстинкту правителя и потому, что так легче и проще всего решались разные частные возникающие перед ним проблемы. Диктатура оформлялась сама собой, но когда до нее оставался один шаг, он на него не решился, ибо становиться диктатором со всеми вытекающими из этого последствиями он тоже не хотел. И вообще он – «настоящий демократ».

У него нет никакого ясного образа желательной модели политического строя России будущего. Система назначаемых преемников, возникшая с назначением его Ельциным и продолженная им назначением Медведева, – никакой не план, не «модель», за ней нет никакого идейного обоснования. И тем более никакая не

модель – причудливая ситуация ухода президента на пост премьера. Ни Путин и никто никогда не скажет: «Президенты должны назначать преемников и сами становиться премьерами – вот система, которая должна сохраниться в России на века и которую Россия являет миру как образец подражания!»

Если попытаться по разным речам, высказываниям и действиям вычленить идеологию Путина – ничего не получится. «Советский Союз оказался нежизнеспособен» (интересно, почему?). «Распад СССР был крупнейшей геополитической катастрофой». Что это значит, это – хорошо или плохо, и когда он понял, что это – катастрофа, и если давно понимал, то почему не защищал его, хотя бы с гекачепистами? 90-е годы преподносятся Путиным как годы провала, но если так, то почему ты верно служил воплощавшим дух 90-х сначала Собчаку, потом Ельцину. Путин наверняка искренне говорил о себе как о настоящем демократе, но очень одобрительно отзывался о служившем Гитлеру Иване Ильине и в духовники себе взял человека, для которого главным предметом веры является, очевидно, борьба с «западной цивилизацией». Перечисление подобных противоречий и курьезов можно продолжать до бесконечности. Получается какая-то «каша», набор противоречащих друг другу и взаимно гасящих друг друга представлений. Эта «каша» не может дать мотивации ни для какой ясной политики. Какую-то ясную идею можно претворять в жизнь, и это может полу-

читься или не получиться, но если идеи – смутные и противоречивые, ничего определенного у тебя получиться не может. Ты идешь в каком-то направлении, но когда заходишь слишком далеко, пугаешься и отходишь. Но если у политика нет общей политической идеи, ему трудно составить и ясные личные планы. Планирует ли Путин вернуться в 2012 году – он, скорее всего, и сам не знает («как сложится»).

Эта «каша» – не личная «каша» сознания нашего бывшего президента, а теперь премьера. Это – «каша» нашего массового сознания. Каждый социологический опрос раскрывает примерно те же противоречия в ответах, которые мы видим у Путина. У нас общество – вроде бы не против демократии, и никаких иных моделей устройства у него нет, но вроде бы и не «за». Мы вроде бы считаем себя частью Европы, но боимся расширения НАТО и «цветных революций». И т.д., и т.п. И идейная эволюция Путина повторяет идейную эволюцию общества. Когда общество было убеждено, что КПСС и СССР – безальтернативны и на века, Путин был членом КПСС, очевидно, как и все, полуискренним. Когда оно шарахнулось к демократии и рынку, он помогал Собчаку. Когда в обществе пошла религиозная волна, он стал очень православным. (При виде Путина в церкви по телевидению у меня всегда возникает чувство, что именно с таким выражением лица он сидел в президиуме партсобраний в КГБ). Когда общество стало сожалеть о потерянном СССР, и

он стал жалеть, и явно понимает, почему СССР погиб, не больше, чем большинство («оказался нежизнеспособным»). И это – отнюдь не сознательное приспособление, не лицемерие. Просто сознание Путина – миниатюрный слепок массового, микрокосм повторяет макрокосм, с очень небольшими индивидуальными отклонениями. Отчасти поэтому Путин и был так популярен – любой человек с ясными взглядами вызывал бы у кого-то отторжение. Идейной аморфности общества соответствует идейно аморфная личность правителя. И если при этом эта личность способна внушить уверенность, что она знает, куда идет, что у нее – план, ничего лучше быть не может. Можно дрейфовать в неизвестном направлении, будучи абсолютно спокойными – капитан у руля.

Причудливость, запутанность теперешней ситуации и полная непредсказуемость нашего политического будущего, в конечном счете, – порождение хаотичности, «кашеобразности» нашего массового сознания – сознания общества, не способного ни жить в условиях демократии, ни отказаться от нее, поскольку никаких альтернативных моделей у него нет. Сейчас оно застыло в ожидании, что решит начальство. Но в сознании начальства – та же противоречивость и неопределенность. Оно само не знает, куда плыть.

В лексике Медведева – несколько больше идейной определенности, чем у Путина. Путин никогда бы не сказал ни «свобода лучше, чем несвобода». (Но и нао-

борот – «несвобода лучше, чем свобода» – он бы тоже никогда не сказал). Но особо большой определенности у него быть не может (тогда бы его Путин не избрал). И его положение – значительно сложнее путинского, у которого не было ни «Единой России», ни Путина-премьера. Так что дрейф в неопределенном направлении, очевидно, будет продолжаться. Что будет в 2012 году и позже, не знает никто – ни Медведев, ни Путин, ни, тем более, мы.

Независимая газета. 17.06.2008

НЕЗАМЕТНАЯ СМЕНА ЭПОХ

Наблюдатели нашего политического процесса разделяются сейчас на две основные группы. Одни верят в то, что Медведев решительно возьмет в свои руки всю власть, отстранит Путина и принесет «оттепель», дуновение которой они уже ощущают. Другие в это не верят, а считают, что власть все равно сохранилась у Путина, а Медведев – или слишком слаб, или сам такой же. Данных у тех и у других крайне мало, и предугадать развитие ситуации «наверху» – очень трудно и даже невозможно.

Но при этом и те и другие, увлеченные разворачивающимся перед нами «телесериалом», не обращают, как я думаю, должного внимания на то, что мы уже перешли рубеж, который менее заметен, но более важен, чем все предшествующие драматические вехи нашего развития, начиная с Беловежских соглашений, – расстрел парламента, принятие конституции, выборы 1996 года, смену Ельцина Путиным, чеченские войны (я говорю, разумеется, об их значении в русской, а не в чеченской истории), арест Ходорковского и т.д. Уход Путина и назначение-избрание Медведева – только внешнее проявление того, что мы достигли этого рубежа и перешли его, которое, как все внешние и личностные проявления глубоких и безличных процессов, – случайно и альтернативно. И даже по времени, я думаю, достижение рубежа произошло

раньше ухода Путина – где-то в период его второго срока – и практически незаметно. Что же это за рубеж?

Начиная с 1991 года, с момента зарождения нашей политической системы, все наше политическое развитие шло только в одном направлении – превращения президентской власти в безальтернативную и усиления ее контроля над обществом, который должен обеспечить эту безальтернативность. За этот период мы прошли громадный, трудный и даже кровавый путь, в ходе которого наш политический организм претерпел колоссальные и драматические изменения. В 1991 году не много людей могли представить себе, что преемником Ельцина будет не кто-то из демократических «витий» рубежа 80-х и 90-х годов, а никому не известный скромный офицер КГБ. Что в 2008 году ситуация будет такой, что народ проголосует на президентских выборах за любую предложенную этим преемником кандидатуру. Что в парламенте будут не какие-нибудь социал-демократическая и христианско-демократическая партии, а «Единая Россия», горстка «эсэров», соревнующихся с «Единой Россией» в беззаветной преданности президенту, и чуть-чуть коммунистов и жириновцев. В «могучем дубе» путинской власти 2004–2008 годов можно и не узнать нежный и слабый ельцинский росточек 1991 года. Но в период второго путинского срока быстрота изменений замедляется, а уход Путина и приход Медведева – события, уже никак в эту общую логику не укладывающиеся. Наша по-

литическая система незаметно перешла в новое качество, принципиально новую стадию развития.

Теоретически мы вроде еще могли двигаться вперед по заданному изначально направлению. Путин мог изменить конституцию, чтобы остаться президентом. Он мог оставить из всех политических партий одну «Единую Россию». Мог вообще уничтожить национальные республики, уравнив их с другими регионами, и перейти к простому назначению губернаторов, без всяких утверждений Законодательными собраниями. Наверное, мог бы, если бы очень захотел, «раскулачить» и отправить в Сибирь далеко не одного Ходорковского. Мог сделать из «Наших» настоящий комсомол. Мог ввести в школах не какие-то жалкие факультативные «Основы православной культуры», а просто обязательный Закон Божий. Много чего еще мог. И, несомненно, была сильная инерция движения. Но хотя никаких зримых преград для продолжения движения не было, оно стало упираться в невидимую, но мощную преграду.

Дальнейшее движение означало бы отказ от идеи, что Россия, пусть своим и сложным путем, но строит демократию (или даже уже ей является), что она – федерация, вообще, что она – такая же страна, как те страны, с руководителями которых Путин регулярно встречался на саммитах «восьмерки», с некоторыми национальными особенностями. Мы приближались к порогу, когда количественные изменения очень зримо перерастали в качественные, и дальнейшее движение вперед было

уже невозможно без каких-то сознательных и радикальных решений, для которых нужна была сильная дополнительная мотивация (идейная и психологическая).

Кроме того, дальнейшее движение по заданному пути становилось уже как бы «излишним». В самом деле, мотивом всей политики нашей власти было ее укрепление, уничтожение реальных и потенциальных угроз. Но в период второго путинского срока все реальные угрозы (от коммунистов, от либералов, от олигархов, от сепаратистов, от региональных баронов) исчезли, а потенциальные стали чисто «теоретическими». Если народ дошел до состояния, когда президент может назвать в самый последний момент любую фамилию своего преемника и знать, что он будет избран подавляющим большинством голосов даже без особых фальсификаций, требовать от этого народа большего может уже только больной властолюбец и садист вроде Калигулы. Дальнейшее движение вперед по пути усиления контроля над обществом становится «излишним», «избыточным».

И более того, оно становилось уже опасным и контрпродуктивным. Когда закручиваешь гайки, надо вовремя остановиться, иначе сорвешь резьбу. Инерция движения уже начала выводить за ту невидимую черту, когда дальнейшее усиление контроля может привести или уже приводит к его потере, и власть стала останавливаться и даже делать шаги назад (что не связано со сменой Путина Медведевым). Так, хотя олигархов

у нас много и отнятие у них несправедливо нажитой собственности – занятие увлекательное и приятное, после изгнания Березовского и Гусинского и осуждения и разорения Ходорковского власть его прекращает. Она понимает, что олигархи уже напуганы и опасности не представляют, а продолжи их «раскулачивать» – они могут устроить что-то дестабилизирующее, как загнанный собакой в угол котенок может броситься на собаку. С главами национальных республик эту невидимую черту уже почти перешли. Руководители регионов стали полностью подконтрольны и безоговорочно лояльны. Но вот возникла идея (вполне логично вытекающая из всего нашего развития, но уже «излишняя»), что пора главам национальных республик перестать называться президентами – на деле никакие они не президенты, а для настоящего президента даже как бы оскорбительно, что есть еще и другие. И неожиданно очень лояльные и осторожные Шаймиев и Рахимов не только резко выступили против, но стали призывать вернуться к избранию глав регионов прямым голосованием и открыто критиковать путинскую централизацию. Тут же было заявлено, что никаких планов по лишению глав национальных республик их титула нет. В нашем административном устройстве есть очень многое, раздражающее бюрократическое сознание, всегда стремящееся к симметричности, однородности. И поэтому совершенно естественным было желание уничтожить маленькие национальные образования,

слив их с большими русскими. И действительно, бедных коми-пермяков и бурятов слили. Но уже на Адыгее эти слияния прекратились, слить Адыгею с Краснодарским краем собирались, но не решились. Путин не позволил.

Уход Путина и назначение им более либерального Медведева можно понять лишь на этом общем фоне достижения этапа, при котором дальнейшее движение по пути усиления контроля власти над обществом или замедляется и останавливается, или становится опасным и контрпродуктивным, может ускорить гибель политического организма, – этапа максимально допустимой в данной общественной системе степени контроля власти над обществом. Это, несомненно, были его свободные решения. И он сам мог бы принять другие, и, тем более, иные решения мог бы принять другой человек, окажись он на его месте в результате какой-то комбинации случайных обстоятельств в 1999 году. И даже нельзя сказать, что это были наиболее вероятные и естественные решения в путинской ситуации. Наоборот, они – оригинальны и беспрецедентны, продукт его «политического творчества». И тем не менее это – внешнее и случайное проявление безличного и естественного процесса. Мы достигли предела роста. Наступил период «зрелости», стабилизации, за которым также естественно должен прийти период, когда на смену этому социально-политическому организму придет другой.

То, что мы имеем дело с закономерным процессом, я думаю, становится особенно зримо при сравнении развития нашей системы с другими однотипными и аналогичными системами.

Советскую систему, конечно, трудно назвать однотипной с нашей. Степени необходимого и возможного контроля над обществом в системе, основанной на целостной догматической идеологии, и в системе «имитационной демократии» – разные. Но в обеих наших системах главным мотивом властных решений были усиление и стабилизация безальтернативной власти, последовательное устранение всех реальных и потенциальных опасностей для нее. И в логике советского и постсоветского развития – много общего. В советскую эпоху вначале тоже – бурные изменения, быстрое движение в одном направлении. XVI и XVII съезды партии отличались от XII и XIII даже больше, чем наш теперешний парламент от парламента 1991 года. Максимум независимости власти от кого бы то ни было и зависимости от нее всех в советской системе был достигнут при Сталине. И это было концом поступательного развития. Социализм – уже построен, колхозы уже есть, все оппозиции в партии давно уже ликвидированы, все самостоятельные и опасные политические фигуры давно уже убиты, идеологический контроль – уже тотальный, атомная бомба уже полностью гарантирует внешнюю безопасность. Движение дальше практически уже непредставимо. Контроли-

ровать общество еще строже уже просто невозможно. Терроризировать дальше и без того боящихся собственной тени людей было уже и излишне, и опасно. И со смертью Сталина движение вперед прекращается. Форма, в которой наступил новый этап (смерть Сталина, уничтожение Берии, возвышение Хрущева), была случайной и альтернативной, но само наступление нового этапа – закономерным. Мы как бы уткнулись в невидимую преграду, сделали ряд шагов назад и затем долгое время просто стояли на месте, боясь пошевелиться, что справедливо называлось «зрелым» социализмом. А когда стали шевелиться, начался распад.

Схожий ритм мы видим и в значительно более близких к нашей, чем советская, системах постсоветских имитационных демократий, развивающихся во многом параллельно с нами. Между Россией и другими постсоветскими странами с аналогичными системами есть определенные отличия. В таких странах, как Казахстан или Узбекистан, авторитаризм имеет идейные оправдания, которых у него нет в России («пусть наше общество не демократично, но главное, что это – первое в истории казахское или узбекское государство, а демократия придет потом»). В них меньше претензий на европейскость и респектабельность. Членами «восьмерки» никто из них не является. В мусульманских странах есть реальная угроза неприемлемого для элиты «исламизма», в то время как выполнявшая у нас аналогичную функцию угроза коммунистов уже

исчезла. Отчасти поэтому, очевидно, для Назарбаева, Каримова, Алиева, Лукашенко было легче сделать то, что не захотел или не смог сделать Путин, – изменить конституцию и продлить свою власть. Рубеж, отделяющий развитие по восходящей, период роста от периода стабилизации в этих странах, очевидно, – несколько дальше, чем у нас. Тем не менее и здесь мы видим, что развитие достигает определенной точки и останавливается. Все-таки никто из этих президентов (даже покойный Ниязов) не решился просто объявить себя пожизненным главой государства, и везде после достижения максимума контроля власти над обществом начинается «топтание на месте» и даже частичные «либерализации», как бы «танцы», рядом с невидимым рубежом, от которого отходят, а затем снова к нему подступают. Назарбаев достиг однопартийного парламента, но сейчас он будет стараться, чтобы в следующем парламенте была какая-нибудь оппозиция. Бердымухаммедов просто не может ни сохранить культ Ниязова в прежних объемах, ни организовать аналогичный свой, и все чаще поминает конституцию и законность. Лукашенко вроде бы собирается ввести представителей оппозиции в участковые избирательные комиссии. К демократии и даже «демократизации» все это прямого отношения не имеет, но речь идет не о демократии, а о прекращении поступательного движения.

Теперешняя ситуация «двоевластия» в России неустойчива, и именно поэтому, скорее всего, какое-то

время наверху все будут тщательно избегать любых резких движений, чтобы, не дай Бог, не нарушить хрупкого равновесия. Ждать в ближайшее время драматических событий, вполне вероятно, не стоит. Но наступление нового этапа не обязательно связано с драматическими событиями. Оно может быть, наоборот, связано с тем, что бурные изменения прекращаются. Мы смотрим на ребенка и говорим: «Как он вырос за лето! Я бы его и не узнал». Но затем быстрые перемены останавливаются. И именно это означает, что организм достиг зрелости, вступил в принципиально новую стадию своей жизни. Потом, конечно, снова начнутся драматические изменения («Боже, как он постарел!»). Но это – потом.

Независимая газета. 23.07. 2008

КОРАБЛЬ БЕЗ РУЛЯ, БЕЗ ВЕТРИЛ И БЕЗ ПУНКТА НАЗНАЧЕНИЯ

В грузинско-российском вооруженном конфликте и явившемся его следствием резком ухудшении отношений с Западом есть, как в любом событии или комплексе событий, закономерное и случайное.

Закономерное здесь – эволюция нашего строя. С 1991 года этот строй развивался в направлении, противоположном «западной» демократической модели и тем принципам, которые были официально заявлены при возникновении нового российского государства, и все более явственно воспроизводящем основные контуры советской системы («единство и неделимость» сосредоточенной в одном центре власти, ее безальтернативность, ритуализация демократических процессов). Естественной проекцией этой эволюции на внешнеполитическую сферу является восстановление основных контуров советской внешней политики (особенно позднесоветской, скорее оборонительной, чем наступательной) – нарастающее после недолгого «kozyревского» периода эйфории в начале 90-х противостояние Западу, стремление окружить себя кольцом сателлитов с однотипным с нашим строем и не допустить их перехода к «западной» демократической модели и в западные блоки. В суженных масштабах и иных идейных одеждах стали воспроизводиться схе-

мы отношений советского периода. Прошедшие через «цветные революции» и стремящиеся войти в НАТО Грузия и Украина – это аналоги пытавшихся ускользнуть от СССР Чехословакии и Польши на предшествующем витке спирали. Заявления о зоне особых интересов России – это смягченный аналог «доктрины Брежнева». (Так и хочется сказать: «события в Грузии – внутреннее дело СНГ»). Иногда возникает просто ощущение дежа вю. На Западе СССР пытался играть на противоречиях США и более мягких к нам голлистской Франции и немецких социал-демократов. То же пытается делать постсоветская Россия. В Латинской Америке марксистско-ленинский СССР опирался на марксистов Кастро и Ортегу. Россия стала антимарксисткой, Кастро и Ортега состарились, но мы пытаемся опереться на них же.

Восстановление основных контуров советской политической системы – естественная эволюция, не зависящая от доброй или злой воли наших или западных правителей. Она исключает интеграцию России в «западные» структуры, ЕС и НАТО. Но если ты не можешь войти в союзы стран с другой, чем твоя, общественной системой, расширение этих союзов объективно является угрозой для тебя. Перспектива окружения России демократическими странами, связанными друг с другом союзническими отношениями, – это перспектива падения нашей системы, то есть личной жизненной катастрофы нашей правящей верхушки и

не такого громадного, но все же краха для громадного слоя людей, для которых эта система – нормальная, привычная жизненная среда. И здесь ничего поделать нельзя. Здесь дело не в дипломатии, не в каких-то внешне-неполитических комбинациях, а в «биологической» несовместимости. Можно включить Россию в «восьмерку», но «восьмерка», в которой семь членов – избранные руководители своих стран, а восьмой – назначенный предшественником и инстинктивно ощущающий угрозу, исходящую от политической системы других семи, неизбежно превращается в общество, где семь как-то контактируют друг с другом за спиной восьмого и сообща пытаются его «урезонивать».

Как трансформация нашего строя – явление отнюдь не исключительно российское, так не исключительно российской является и трансформация внешней политики в «антизападном» направлении. На постсоветском пространстве все страны, где с самого начала, как в странах Балтии, или после внутренней трансформации, как в Украине, установилась система, при которой верховная власть реально избирается, устремляются в западные союзы. Это – естественное стремление быть рядом с подобными себе, быть признанным ими за своего, обезопасить себя и закрепить свои системы. Здесь даже не так важно, кто побеждает в демократическом процессе – в Молдавии победили коммунисты, но хотя в НАТО они вступать пока не собираются, в ЕС они стремятся всеми силами. И наоборот, страны, где

президенты правят с незапамятных времен или передают власть назначенным ими преемникам, – борются с «цветными революциями» и опасаются расширения западных альянсов. Но ясно, что Россия, как большая страна с имперской историей, привычкой к лидерству и активной политике и ностальгией по супердержавному прошлому, – естественный лидер этих стран, «священного союза» безальтернативных президентов СНГ, и естественный союзник и заступник их аналогов вне СНГ вроде Мугабе.

Все это так же создает общую основу для отдельных конфликтов, как в свое время такую основу создавало противостояние «мира социализма» и «мира капитализма». При этом каждый отдельный конфликт порождается сложнейшей комбинацией различных случайных причин. В случае российско-грузинского конфликта их – масса, и определить их все невозможно. Здесь и особенности «порывистого» грузинского характера, и особенности характера именно Саакашвили, переходившего от молитв в церкви перед встречей с российским президентом к личным оскорблениям Путина и прямо провоцировавшего нас, и наша эйфория от цен на газ (когда я слышу или читаю заявления Путина, у меня сразу же всплывает слово из лексикона подростков эпохи моего детства – «раздухарились»), и психологические особенности наших лидеров и их теперешней ситуации, и много другого, что, в общем, не так и важно. Атмосфера «холодной войны» предпо-

лагает ее периодические переходы в локально горячие состояния.

Прямой, однозначной зависимости внешнеполитических событий от нашей внутренней эволюции быть не может, как ее не было и в советские годы. Самый страшный конфликт, когда мир был действительно на грани ядерной катастрофы, произошел не при Сталине, а при «реформаторе» Хрущеве (Карибский кризис). И сейчас вспышка в Грузии и решительный шаг к осознанной «холодной войне» произошли не во время расцвета путинского «абсолютизма», а в период, когда Россия сделала некоторые шажки в сторону от чисто авторитарной системы, и во время правления (правда, неполного) человека, не производящего впечатления опасного и агрессивного невротика и даже с некоторыми либерально-реформаторскими позовами. Возможно, однако, что здесь есть определенная связь. В свое время Хрущеву было нужно показать себе и другим, что внутренняя либерализация и «разоблачение культа личности» – не признак «размягчения» советской системы. И очень похоже, что решение признать независимость Абхазии и Южной Осетии – это именно медведевское и не принятое под чьим-либо прямым давлением решение, которое должно показать всем, что он – не мягче своего предшественника, ментора и премьера. Либеральные тенденции внутри иногда компенсируются внешнеполитической жесткостью.

Но в конфликте с Грузией и «вокруг Грузии» очевидна не только преемственность советского и российского постсоветского внешнеполитического поведения, старой и новой «холодных войн». Видны и их большие отличия. И не только в географических масштабах и локализации конфликтов. Если сходства и преемственность во внешней политике вытекают из сходства и преемственности наших систем, то различия – из их отличий друг от друга. Советский строй имел мощное идеологическое обоснование. Марксистско-ленинская идеология создавала ясный язык для описания внешней политики, общую стратегическую цель и перспективу. И хотя эта цель (победа социализма во всем мире) была нереализуемой и постепенно исчезала как реальная цель, она придавала политике целенаправленность и рациональность. Было очевидно, что такое – победа, и что такое – поражение. В Венгрии, Чехословакии, Польше мы не допустили «реставрации капитализма», и это были очевидные победы в оборонительных битвах. На Кубе победил социализм – и это была победа в наступательном сражении. Выбор разными диктаторами третьего мира «социалистической ориентации» и «идеологии научного социализма» – тоже победы. А вот в свое время в Греции социалистическая революция потерпела поражение. Здесь все ясно. Сейчас ничего не ясно.

Наш строй имитационной демократии не имеет идейного обоснования, и отсюда возникает отсутствие

общей стратегии. Как у нас нет и не может быть по самой природе нашей системы ясной цели нашего развития (сохранение системы назначающих друг друга президентов, – объективная, но не заявленная и не осознанная цель), так у нас не может быть и общей внешнеполитической цели вроде советской цели победы социализма во всем мире или осознанной американской цели распространения демократии и «свободного рынка». Наша борьба с расширением зоны демократий – инстинктивна. Но у нас даже нет языка для ее описания, и при отсутствии осознанной общей цели нет и ясных частных целей и ясных критериев, где – победа и где – поражение.

Попробуем понять, что мы вообще хотим в Грузии. Самая главная наша цель – это не допустить «западной» демократической трансформации грузинского общества, внешним выражением которой и одновременно – закреплением которой было бы вхождение Грузии в западные политические структуры. Но это – не только не проговариваемая, но и не осознаваемая цель. Если советские руководители вполне осознанно боролись с демократией (пусть называлась она идеологически – «буржуазной демократией»), то в сложном сознании наших руководителей они никак не являются борцами с демократией. Но тогда для чего мы так долго давили на Грузию, всячески поддерживали сепаратистов, раздавали наши паспорта и вообще провоцировали грузин (что при грузинском характере не

так сложно), пока, в конце концов, они не спровоцировали нас? Любой гипотетический ответ о наших целях порождает серию вопросов, на которые уже нет никакого ответа.

Мы хотим свергнуть Саакашвили, как с наивной прямоотой сказал Кондолизе Райс Лавров? Но наша политика унижения Грузии началась задолго до прихода к власти Саакашвили, и она скорее укрепляла положение Саакашвили. И зачем нам так уж надо его свергать? Это имело бы смысл, если бы у нас была возможность также закрепить власть за какими-то нашими ставленниками, как она была у СССР после того, как он убрал чешских и венгерских ревизионистов. Но у нас нет таких ставленников и нет никакой возможности гарантировать им власть. Мы хотим привязать к себе Грузию? Но ясно, что вся наша политика поддержки абхазского и осетинского сепаратизма вела к тому, что Грузия от нас «отвязывалась» и сейчас «отвязалась» полностью, даже дипломатические отношения порвала. Мы хотим, чтобы маленькие народы Грузии обрели независимость? Но предполагать такую цель у страны, с предельной жестокостью подавившей свой сепаратизм в Чечне, даже смешно. Мы хотим присоединить их к себе? Но зачем? Что мы от этого получим, много мы еще будем присоединять и где остановимся в своих присоединениях?

За войну с Грузией и признание независимости Абхазии и Южной Осетии нам придется платить очень

долго и заплатить много. И не только в отношениях с другими странами, к чему мы вроде даже готовы, но и внутри своей собственной. Северный Кавказ – это пороховая бочка, и совершенно непредставимо, что могут быть независимые Южная Осетия и Абхазия и рядом, под боком – спокойные субъекты Российской Федерации Чечня и Ингушетия. И если каким-то чудом удалось бы стабилизировать признанную хотя бы частью государств Южную Осетию, то через некоторое время не южные осетины станут просить об объединении с северными в рамках Российской Федерации, а северные – о присоединении к Югу. И так же непредставимо, что может быть присоединение к России Абхазии (достаточно жизнеспособного и свободного общества, интеграция которого в российскую систему «властной вертикали» без кровопролития невозможна) и Южной Осетии при сохранении спокойствия на Северном Кавказе.

Дело не в том, что мы не можем победить в теперешней борьбе, дело в том, как отличить победу от поражения. Мы пошли на колоссальные риски и самоизоляцию совершенно не понятно во имя чего.

Психологические мотивы наших правителей и охваченной патриотическим подъемом массы – ясны. Это – невротическая истерика. Вы признали Косово – мы признаем Южную Осетию и Абхазию. Вы нас не любите и не признаете равными себе – и не нужно нам вашей любви, мы на вас плюем, сами

приползете к нам, прося газа. Грузины нас не любят и хотят в НАТО – вот им за это. Но рациональные цели наших правителей просто непредставимы. Слова Путина, столько сил положившего на Олимпиаду в Сочи, что не надо нам ваших олимпиад – яркое проявление этой невротической эмоциональной вспышки и полного отсутствия рациональной стратегии.

Корабль «управляемой» демократии становится совершенно неуправляемым. При той предельной концентрации власти в руках одного человека (сейчас – двух людей) все зависит от них, но никакого ясного курса у них в головах нет. Эта неуправляемость – и внутри (весь прошлый год все гадали, уйдет ли Путин, и куда, и кого он назначит, потом полгода гадают – будет ли «оттепель»), и во внешней политике. Такой корабль опасен для других кораблей не столько своей агрессивностью, сколько своей непредсказуемостью. (С СССР миру было проще и легче). И он обречен попадать на рифы, и опасен для тех, кто на нем плышет непонятно куда.

Роль внешней политики в падении советской власти – не основная. Но определенную роль она сыграла. Отсутствие перспективы (в победу социализма во всем мире никто уже не верил) все более бессмысленной и дорогостоящей борьбы усиливали общее отторжение советской системы и стремление к переменам. В будущем кризисе нашей постсоветской системы роль внешней политики – тоже не основная. Но вспомогательная роль может быть даже очень большой. То,

что раньше называлось «шовинистическим угаром», пройдет, и очень скоро все больше людей начнет задумываться, куда же плывет наш корабль без руля и ветрил и пункта назначения, и не лучше ли будет или покинуть его, пока не поздно, или все-таки, как это ни противоречит нашей психологии и привычкам, взять управление им в свои руки.

Независимая газета. 10.09.2008

ИДЕОЛОГИЯ И ПСИХОЛОГИЯ «ГОСУДАРСТВЕННОСТИ»⁴

От преданности до предательства – один шаг

Идеология «государственности» — доминирующая идеология путинской эпохи. Хотя есть много разных авторов — от Карамзина до Солоневича и Солженицына, к которым она может апеллировать, у нее нет «основоположников», и она не прописана в книгах, которые представляли бы ее в систематическом виде. Это — спонтанно сложившаяся идеология, возникшая не из головы мыслителя, а из самой жизни и находящая свое выражение скорее в кино, телевидении и популярных книжках, чем в «серьезной» литературе.

Центральные ее идеи – это утверждение ценности служения государству как таковому, вне зависимости от его меняющихся исторических форм, и необходимости сильного государства. При этом под сильным государством подразумевается сильная верховная власть, не зависящая от каких-либо влияний и способная через иерархию служащих реализовывать свои решения. Далеко не каждый человек, который называет себя «государственником», является принципиальным сторонником авторитаризма, но в современном «государственническом» комплексе идей, несомненно, есть сильный авторитарный оттенок. Никто из «государственников» не видит образец «сильного государства»

---

⁴ В соавторстве с П. Палажченко

в европейских странах или даже в США, государстве, несомненно, сильном, но с ограниченными возможностями власти президентов, даже не способных назначить себе преемников. «Государственники» вдохновляются не иноземными, а русскими образцами, совершенно справедливо указывая на то, что сильная верховная власть характерна для России.

Идеология государственности создала свой «исторический нарратив», «сюжетную канву» русской истории, и свою галерею положительных и отрицательных исторических персонажей. История России видится как история длительных периодов могущества и процветания под мощной центральной властью, прерываемых короткими, но страшными периодами революционного хаоса и безвластия (смутное время, революция 1917 года и гражданская война, перестройка и период начала 90-х гг.), после которых страна каждый раз восстанавливает сильную власть и прежнее могущество, «восстает как Феникс из пепла». Соответственно, положительными героями этого «нарратива» являются верховные правители и, прежде всего, те, кто усиливал свою личную власть и внешнее могущество государства, и их слуги, а отрицательными — те, кто эту власть расшатывал и ниспровергал.

В досоветское время положительные фигуры, кроме царей и великих полководцев — Столыпин, благородные жандармы из акунинских исторических детективов, преданные царю офицеры из фильмов

Михалкова и белогвардейцы во главе с Колчаком, героически противостоявшие революционному хаосу. Отрицательные — подтачивавшие власть либералы и боровшиеся с ней революционеры.

Соответственно строится и галерея советских фигур. Самая главная революционная фигура и создатель советского государства, Ленин, в «научно-популярных» фильмах, демонстрируемых на полуофициальных и даже вполне официальных телеканалах, изображается сифилитиком и садистом. Но крайне негативное отношение к революции не распространяется на созданное революцией государство. Несмотря на всю антисталинскую пропаганду конца 80-х — начала 90-х гг., отголоски которой появляются и сейчас, отношение «государственников» к Сталину, хотя он и был «верным учеником Ленина», — лучше, чем к Ленину. Ведь при Сталине закончился период революционного хаоса и Россия (СССР) достигла невиданной мощи. Уважение вызывают и такие фигуры, как Косыгин, Андропов (не говоря уже о сталинских полководцах), а отношение к Брежневу — добродушное. Несмотря на тотальное отречение от официальной советской марксистско-ленинской идеологии, служение советскому государству, даже в самых идеологических формах этого служения — предмет гордости, и никого не смущает, например, предстоящее скоро празднование годовщины ВЛКСМ в Кремлевском дворце. Ленин — сифилитик, но «ленинский комсомол» — прекрасная организация, «кузница кадров».

Негативный образ следующей главы нашей истории — Горбачев. Ельцин — тоже скорее негативный образ, но окончательно сделать его отрицательным персонажем мешает то, что именно он нашел и избрал своим преемником самого положительного персонажа теперешнего «государственнического» исторического нарратива — Путина, при котором Россия вновь обрела твердую власть и встала с колен. Зато фигуры вокруг Ельцина — все эти Гайдары, Чубайсы и Березовские — безоговорочно отрицательные.

Как и когда сформировалась эта идеология? Она формировалась на протяжении всей российской истории, принимая новые формы в каждый из трех ее основных периодов — царском, советском и постсоветском.

Ее первая историческая форма — идеология царизма, утверждавшая неразрывное единство «православия, самодержавия и народности». Она исчезла в тот момент, когда эта связь очевидным образом оказалась разорванной русской революцией, но очень скоро возродилась в новой форме, как «теневая» идеология советской власти.

По мере того, как Сталин ликвидирует остатки революционных вольностей и хаоса, отодвигает на задний идеологический план идею победы революции во всем мире и создает мощное государство, это государство естественным образом начинает осмысливаться как новое воплощение Российской империи, а сам Сталин — как новое воплощение таких строите-

лей империи как Иван Грозный и Петр Первый. Такое осмысление создавало дополнительную к марксистско-ленинской идейную легитимацию советской власти и, несмотря на свое безусловное противоречие с идеями и ценностями марксизма-ленинизма, не вступало с ними в видимое, явное столкновение. Ведь в рамках этой идеологии марксизм-ленинизм воспринимается как новая форма скрепляющей империю официальной символики (раньше православие, сейчас — марксизм), содержание которой не так уж важно, а лояльность которой — просто неотъемлемый компонент лояльности власти, государству. Эта идеология позволяла ее носителям быть искренне и «безоговорочно» преданными «делу партии», оставаясь совершенно равнодушными к содержанию лежащих в основе партийной идеологии сакральных текстов — примерно так, как в царское время можно было быть православным, не имея ни малейшего представления о содержании православного вероучения и даже вообще не интересуясь, есть Бог или нет его.

Эта советская «теневая» идеология формируется в основном сама собой, как спонтанное осмысление реальных процессов, хотя Сталин быстро почувствовал ее громадные возможности и способствовал ее формированию. Но был определенный слой, который был ее основным носителем и строителем. Это, конечно, не старые революционеры, плохо понимавшие, что происходит, и гибнущие в сталинском терроре. Это — слой дореволюционных чиновников, офицеров и интелли-

генции, которые с поразительной легкостью восприняли падение монархии и разрушение церквей и пошли на службу к большевикам. Это — громадный слой, по сравнению с которым участники белого движения — лишь горстка. И именно для этого слоя, который органически не мог воспринять идеологию марксизма-ленинизма, формирование «теневого» советской идеологии государственности было жизненной необходимостью. Только такая идеология («смута прошла, а Россия остается Россией») могла оправдать то, что они не стали умирать за «Веру, Царя и Отечество» и пошли на службу революционной власти. Идеология «преданности» Отечеству одновременно была идеологией оправдания массового «предательства» Царя и Веры. По мере упадка официальной марксистско-ленинской идеологии роль «теневого» советской идеологии государственности все увеличивалась, и в брежневский период она потихоньку стала выходить из тени и даже иногда противопоставлять себя официозу.

Следующий этап формирования современной идеологии государственности связан с падением советской власти. При падении царизма выяснилось, что людей, готовых умирать за монархию и веру — очень мало, а тех, кто готов служить новой власти, идеи которой еще недавно рассматривалась ими как просто сатанинские, — очень много. При падении советской власти выяснилось, что людей, готовых умереть за марксизм-ленинизм и СССР, вообще практически

нет. Легкость и бескровность, с которой распалась советская система, — поразительны, и им трудно найти исторические аналоги. Для подавляющего большинства людей, состоявших в КПСС, клявшихся в преданности СССР и «делу партии» партийных и комсомольских работников и работников КГБ, присягавших на верность СССР офицеров, боровшихся с «империализмом» дипломатов и т.д. вопрос, оказывать ли сопротивление новым революционерам или пойти к ним на службу, даже не возникал. И естественной идеологией этих людей была идеология «государственности». Единственная идеология, которая могла избавить работников КГБ, ставших борющимися с врагами новой власти работниками ФСБ, комсомольских работников, ставших бизнесменами, партработников, превратившихся в чиновников нового государства, сжегших партбилеты и ставших по праздникам ходить в церковь, от каких-либо сомнений и угрызений совести, была идеология, утверждавшая, что и раньше и теперь они поступали правильно — они служили и служат России, государству, а какое это государство, какая у него идеология — не важно, важно лишь, чтобы они были «сильными».

В свое время массовый переход людей «старого режима» на сторону советской власти способствовал ее стабилизации и одновременно — ее сталинистской эволюции и эрозии ее официальной идеологии. Еще более массовый, практически тотальный пере-

ход «совслужащих» во всех их модификациях — от кагэбэшной до академической — на сторону новой демократической власти способствовал ее еще более быстрой стабилизации и еще более быстрой эволюции. Идеология государственности сейчас фактически полностью вышла из тени и «съела» первоначальную официальную демократическую идеологию еще легче, чем ее предыдущая форма — предшествующую, коммунистическую.

Мы видим колоссальную мощь идеологии «государственности». Она прямо вытекает из психологии людей, живущих в стране, история которой действительно состоит из кратких периодов свободы, тут же превращающейся в хаос и порождающей «бегство от свободы» под сень авторитарных режимов. И одновременно сама эта идеология способствует сохранению этого исторического ритма, воспроизводит реальность, отражением которой она является. Психология, идеология и институциональная реальность связаны в единое и неразрывное целое. Постоянное воспроизводство схожих форм социально-политической жизни прямо связано с постоянным воспроизводством психологии и идеологии служения государству (начальству), какой бы идеологии это государство (начальство) не придерживалось. (На наш взгляд, «классическим» воплощением идеологии государственности и живым символом ее преимущества и могущества является Сергей Михалков, человек из дворянской и интелли-

гентной семьи, создавший слова сначала — к гимну коммунистической России, а потом — к гимну России антикоммунистической).

Но эта сила идеологии государственности имеет и свою оборотную сторону — внешне мощные политико-идеологические системы каждый раз оказываются очень хрупкими. В «трудную минуту» никто не встает на их защиту. Формальная официальная идеология «государственников» не волнует, а власти, которая оказалась «слабой», они не служат, а совершенно спокойно оставляют ее («падающего — толкни»), тут же переходя к новой власти и делая ее «сильной». Воспроизводя схожие формы политического устройства, идеология государственности в то же время воспроизводит и их периодическое легкое падение.

И очень похоже, что хрупкость теперешней системы, при которой идеология сильного государства как самоцели достигла почти официального статуса, — еще больше, чем у предыдущих. При падении царизма возникло белое движение сопротивления большевизму, при падении СССР и КПСС тоже какое-то минимальное сопротивление все же было. От КПСС сохранилась маленькая, слабая и достаточно вписанная в систему, но все же несколько оппозиционная КПрФ. Но если нашу систему постигнет серьезный кризис (вернее, не «если», а «когда», ибо кризисы неизбежны), от «Единой России» не останется вообще ничего, она растает в воздухе как дым. Если представить

себе фантастическую ситуацию, что после какого-то глубокого кризиса и резкого ослабления государственной машины на роль спасителя выдвигается вышедший к тому времени из тюрьмы Ходорковский, на следующий же день все те, кто сейчас — в окружении наших «первых лиц», устремятся на службу новому хозяину. Они будут так же без малейших угрызений совести отрекаться от Путина и Медведева, как их «отцы» отрекались от советской власти, а «деды» — от царской, и так же будут превращать Ходорковского («великого организатора, человека несгибаемой воли») в нового Путина. И эта модель поведения, которая, несомненно, будет воспроизведена в будущем, — самая большая опасность и для теперешней власти, и для власти будущей, и для нашей страны в целом. Опасность, которую не способны заметить меняющиеся власти, каждый раз радующиеся неожиданной легкости победы и толпе теснящихся у подножья трона людей, готовых служить им не за страх, а за совесть. И которую не видит страна, каждый раз после хаоса радующаяся возвращению «порядка» и не понимающая, что этот «порядок» неизбежно порождает новый хаос, и что в каждом следующем периоде порядка она оказывается во всех отношениях слабее и даже меньше территориально.

*Опубликовано с сокращениями
в «Независимой газете». 18.11.2008*

2009

ПОЛИТИКА СИАМСКИХ БЛИЗНЕЦОВ

В европейском доме произошел очередной скандал. В этом доме все живут спокойно и более или менее дружно. Но есть один, восточный подъезд, из которого постоянно доносятся вопли. В этом подъезде много жильцов, но когда в нем слышны крики, все знают – это не Украина скандалит с Белоруссией, не Латвия с Литвой и даже не Армения с Азербайджаном (они воевали и до сих пор «не здороваются друг с другом»), но скандалов не устраивают). Это Россия «встает с колен» и ругается с кем-то из своих соседей.

Поводы – самые разные. Из-за переноса Эстонией Бронзового солдата, из-за того, что нам не нравится молдавское вино, из-за поддержки нами сепаратистов в Грузии и, конечно, из-за цен за поставляемый нами газ и платы за транзит этого газа. К газовым скандалам все более или менее уже привыкли, но на этот раз скандал достиг колоссальных размеров, затронул жильцов всех подъездов и обсуждается во всех квартирах.

Доказывать невротическую природу этих скандалов, в результате которых Россия добивается именно того, чего она так хочет избежать (озлобления соседей, которые мечтают только о том, как бы поменьше от нее зависеть и поменьше с ней общаться; отношения западных стран к ней как к «проблемному государству», с которым «надо что-то делать»), – ломиться в открытую дверь. Связь этой политики (если здесь

применимо это слово) с нашим строем и его эволюцией тоже достаточно ясна. С одной стороны, именно наш строй является главной причиной нашей изоляции, того, что наша интеграция в союзы развитых демократических стран невозможна и расширение этих союзов опасно. С другой стороны, исчезновение у нас оппозиции, полное единодушие наших основных СМИ – это атрофия критического разума, который может сдерживать невротические импульсы и корректировать поведение. Все это в основном понятно. Менее понятно другое – почему наши конфликты с соседями достигли небывалой интенсивности именно после того, как Путин ушел с поста президента.

Основные контуры нашей внешней политики, как и основные контуры нашей социально-политической системы, сложились до прихода Путина к власти. Но личная психология Путина (вспомним его образ мальчика, выходящего во враждебный двор, зажав «в потном кулачке» конфетку, которую у него могут отнять и которую он должен выгодно обменять) и его профессиональные привычки идеально соответствовали особенностям нашего массового сознания и этим уже обозначенным контурам. Наш второй президент закрепил и предельно развил то, что было заложено при первом. И уже при Путине достаточно очевидной стала тупиковость этой политики, то, что мы сами себя загоняем в угол. Более того, было ощущение, что все усиливавшиеся к концу правления

нервозность и раздражительность Путина связаны с его смутным ощущением этой тупиковости, а его решение уйти со своего поста отчасти было обусловлено пониманием того, что на этом этапе развития нужен уже другой человек, с иной психологией и иным имиджем. И не случайно, конечно, Путин выбрал преемником человека хотя и одного с ним роста (что, очевидно, было очень важным фактором), но очень непохожего на него по своему социальному генезису и психологически. Человека менее зажатого, совсем не невротика, с некоторыми правовыми и либеральными тенденциями. Были все основания ожидать, что новый президент принесет с собой некоторую «корректировку» курса.

В демократических системах оппозиция ждет каждого промаха власти, раздувает его, старается, чтобы о нем не забыли. Власть, знающая, что скоро выборы, старается избежать ошибок, не может не прислушиваться к критике и не учитывать ее. А если она почему-либо оказывается неспособной откорректировать курс, то просто перестает быть властью и за нее это делают другие. Система демократической ротации – это встроенный в общество механизм постоянной корректировки политического курса, исправления ошибок.

В недемократических системах такого механизма нет. Но какая-то периодическая корректировка курса происходит и в них. В царской России каждый новый царь что-то менял в политике. Новый царь – новый че-

ловец, он может взглянуть на политику свежим взглядом, у него нет оснований упрямо отстаивать заведомые ошибки предшественника, ибо это все-таки не его ошибки. То же происходило и в советское время. Умер Сталин – и тут же его преемники закончили тупиковую корейскую войну, вскоре началась оттепель. Почему же в сегодняшней России смена президента не только не привела к корректировке политики, но даже усугубила ее самые опасные стороны? Почему вместо попытки выйти из тупика мы устремились в него еще быстрее?

В двух конфликтах эпохи «раннего Медведева» мы уже нанесли сами себе колоссальные удары. В результате грузинского конфликта Грузия при любых президентах еще много десятилетий будет врагом России, а что делать с Абхазией и Южной Осетией (которые не признаны даже Белоруссией), мы понятия не имеем. В результате газового конфликта с Украиной мы не только потеряли имидж (о таких тонких вещах у нас уже не думают), но потеряли миллиарды долларов и потеряем еще десятки миллиардов – на много порядков больше, чем теоретически могли бы получить с Украины. И то, что Украина тоже много потеряла, – конечно, утешение, но все-таки очень слабое. Мы резко, на порядок усилили свою изоляцию. Мы усилили тенденцию к европейской интеграции, нам совершенно не нужной, ибо нам легче играть на различии интересов отдельных европейских стран. В газовом конфликте прояви-

лась еще и какая-то удивительная инерционность и неповоротливость нашей политики. Ясно, что конфликта могло бы не быть. Договориться о том, о чем сейчас договорились Путин и Тимошенко, можно было в декабре. Но когда уже стало совершенно очевидно, что конфликт пора кончать – Европа замерзает и воет, – договориться и пустить газ можно было за один-два дня. У нас это тянется уже третью неделю.

Я думаю, что причина усиления нашей конфликтности и нашей неповоротливости – в созданной Путиным теперешней очень странной ситуации тандема власти. Путин решил соблюдать Конституцию и отказаться от президентства. Но при этом все-таки не решился совсем уйти от власти, как Ельцин, и стал премьером. Полностью уйти, тем более для еще не старого и здорового человека, как Путин, психологически было слишком сложно, да и опасно. Кроме того, Путин, очевидно, думал своим премьерством укрепить власть, помочь молодому президенту и гарантировать преемственность курса. Своих целей он добился, но, как это очень часто бывает, достижение каких-либо целей имеет побочные эффекты, которые не могли быть учтены. Своей рокировкой Путин создал ситуацию, предельно сковывающую и его друга и преемника, и его самого, и весь наш политический механизм.

У нас сейчас президент – избранный своим премьером, отправить которого в отставку для него и психологически, и политически невероятно трудно. Но

и премьеру, если даже он пожалеет о своем выборе, тоже уже практически невозможно (во всяком случае, до 2012 года) избавиться от президента, которого он сам избрал. Наш властный тандем – «скованные одной цепью», или даже что-то вроде сиамских близнецов, которые могут освободиться друг от друга только в результате очень рискованной и страшной для обоих и для всей нашей политической системы операции.

Нет никакого сомнения, что наши правители – друзья и что Путин выбрал преемником человека, которому он доверял больше, чем кому-либо. Но есть объективно конфликтогенные ситуации, которые сильнее нас. Не надо думать, что члены, например, сталинского Президиума ЦК «ошиблись», избрав Хрущева, что Хрущев был злодеем, изначально задумавшим погубить людей, которые ему доверились и с которыми он вместе выпил на сталинской даче бочки вина. Просто они все попали в ситуацию, при которой конфликт был неизбежен, а победа Хрущева как его исход – очень вероятна. И то же можно сказать про множество исторических конфликтов между старыми друзьями и соратниками – от конфликтов между римскими триумвирами до конфликта Ельцина с Руцким и Хасбулатовым.

Путин и Медведев – друзья, но они попали в ситуацию, объективно неудобную, болезненную и конфликтогенную. Это ситуация, при которой каждый из них не может свободно пошевелиться, ибо вокруг них

люди, которые с замиранием сердца ловят любой сигнал, говорящий о реальных или мнимых разногласиях правителей, и любое неодобрение партнера по тандему чревато очень болезненным конфликтом с неопределенным исходом и общей дестабилизацией, которой оба боятся. Путин и Медведев – очень разные люди, и какие-то сигналы об их если не разногласиях, то различиях все равно появляются. Так, Медведев мог сказать, что «не надо кошмарить бизнес», именно в тот момент, когда Путин «кошмарил» компанию «Мечел», а недавно Медведев даже выразил недовольство бюрократизмом в работе правительства. Но это скорее всего случайно вырвавшиеся сигналы. В ситуации, когда решение президента могло реально сыграть роль такого сигнала, Медведев, человек явно не злой, все-таки не помиловал Светлану Бахмину.

Какая бы то ни было корректировка курса в этой ситуации становится предельно трудной и опасной. Если бы Путин просто ушел, как Ельцин, Медведев мог бы что-то изменить в нашей политике и списать, как это раньше делал Путин, а до него Ельцин, какие-то трудности на тяжелое наследство, которое ему досталось (всем президентам достается тяжелое наследство). Но он ничего не может, ибо Путин – не ушел. Если бы премьером был не Путин, Медведев мог бы прогнать премьера, опять-таки изменив что-то в политике и списав что-то на отправленного в отставку. Но Путина в отставку не отправишь! Если бы, наоборот,

Путин остался президентом, возможностей корректировки было бы, естественно, меньше, но все же они сохранялись бы. Признать свои собственные ошибки трудно, особенно для человека, который все время со всех сторон слышит слова одобрения и поддержки. Но все-таки можно. Сейчас же этого не может не только Медведев, но и Путин.

Теперешняя ситуация – это не правовая демократическая ситуация разделения власти и даже не ситуация двоевластия. Это – ситуация предельной скованности власти. Медведев при Путине – не нормальный полномочный президент; Путин же, человек, который совсем недавно назывался национальным лидером и майки с портретом которого раздавались «нашим», не может быть нормальным премьером, скромно занимающимся входящей в кризис экономикой и ждущим отставки. Они скованы друг другом. Сиамские близнецы должны двигаться синхронно, только вместе и по уже проложенной дороге, никуда с нее не сступая. И естественно, что лидирует в этом тандеме Путин – хотя бы потому, что все конфликты – продолжение тех конфликтов, которые были при его президентстве, у него уже выработанные реакции, он лучше знает нашу ведущую в тупик дорогу.

Газовый конфликт можно было решить очень быстро. Но если бы это сделал Медведев, это было бы косвенным осуждением Путина. Обязательно тут же одни стали бы говорить, что вот Путин поднимал Рос-

сию с колен, Медведев же – слабый человек и идет на уступки; другие – что Путин завел нас в тупик, а Медведев из него вывел. А если бы это сделал сам Путин, это было бы признанием им своих ошибок, что теоретически мог допустить Путин-президент, но чего не может допустить Путин-премьер. В результате конфликт достиг небывалых размеров и то, что можно решить за день при потере нескольких миллиардов, решается неделями и с потерей десятков миллиардов.

Наш государственный корабль плывет не ясно куда. Ни Путин, ни Медведев не имеют никакого представления о том, куда они его направляют. Правда, даже при отсутствии ясного маршрута командир корабля, увидев рифы, может сменить курс. Но если командира – два и это – сиамские близнецы, реакции становятся замедленными, а корабль – совершенно неуправляемым. А впереди – шторм кризиса. Потери, которые мы понесли из-за нашей неуправляемости в газовом конфликте, – это еще цветочки.

Независимая газета. – 21 января 2009, № 9. – С. 7

НОВЫЙ ЛИБЕРАЛИЗМ: СЦЕНАРИЙ С ВАРИАЦИЯМИ...

Нет никаких сомнений, что наш президент хочет, чтобы Россия стала правовой и свободной страной. Надо быть очень наивным циником (циники часто наивны), чтобы думать, что человек может сказать: «Свобода лучше, чем несвобода», а сам при этом думать: «Здорово я этих дураков обманываю!» Другое дело, что любому человеку всегда хочется много и разного, желания могут противоречить друг другу и стремление к свободе может оказаться не самым сильным. Но давайте представим себе, что президент твердо решил встать на путь расширения свободы в стране. Это вполне представимо, тем более что на первых порах демократические и правовые стремления президента могут совершенно не противоречить его другим естественным стремлениям – к самостоятельности и не формальной, а реальной личной власти, к уважению и популярности. О наступлении «оттепели» после путинских «заморозков» сейчас мечтают многие. Это – идеальный либеральный сценарий. Разберем его подробнее.

Начинается он с некоторых фраз (они уже произнесены) и символических жестов, несколько дистанцирующих президента от его «подморозившего» Россию предшественника и премьера и вызывающих надежды либералов. Кризис углубляется, и президент мягко

критикует правительство за бюрократизм и недостаточно энергичные действия в экстремальных условиях (это тоже уже есть). Публикуются данные опросов, говорящих о падении доверия к премьеру и его популярности (и это вроде уже есть). Президент делает несколько заявлений о том, что масштабы кризиса в какой-то мере обусловлены рядом совершенных ранее ошибок. Он говорит «допущенными нами ошибками», но все понимают, кто скрывается за этим «мы». Рейтинг президента начинает превышать рейтинг премьера, который неожиданно для себя оказался в ситуации «отвечающего за кризис» (этого пока нет, но это вполне вероятно). Само по себе это не так важно, но это имеет большое символическое значение. Все ждут развязки. Президент – порядочный человек, он понимает, чем обязан своему премьеру и предшественнику, но он также понимает, что правительство не справляется, а интересы государства и ответственность перед народом для него важнее его личных чувств. Через некоторое время Путин с большим почетом уходит с поста премьера (куда – самая большая политическая проблема современной России, но придумать что-то можно). Выясняется, что народу это – все равно, высшая бюрократия уже давно этого ждала и считает, что эта мера даже запоздала, а либералы просто ликуют. На Западе тоже довольны и надеются, что «оттепель» может привести к «разрядке». Обама встречается с Медведевым и после этого говорит, что посмотрел ему

в глаза и понял, что это – настоящий демократ, стремящийся к всесторонней модернизации своей великой страны, а с Абхазией и Южной Осетией мы как-нибудь потом разберемся. Затем отправляются в отставку некоторые наиболее одиозные или анекдотические («путинские овощи») фигуры уходящей эпохи, и на ряд крупных постов назначаются люди, «современно мыслящие и прекрасно разбирающиеся в экономике». А если вскоре после этого появятся признаки выхода из кризиса (а любой кризис рано или поздно кончается, и он вполне может кончиться именно к этому времени), они естественно связываются в массовом сознании с уходом Путина и новыми назначениями. По телевидению (его руководство можно сменить, а можно и не менять – оно само знает, что нужно) появляются передачи, все более жестко критикующие порядки недавнего прошлого, и даже показывают лучшие из давних «Кукол» Шендеровича, в том числе и ту, погубившую старое НТВ сцену, где Путин изображался как «крошка Цахес». С громадным успехом идет кинофильм, срочно снятый по «Дню опричника» Сорокина. В 2012 года Медведев триумфально переизбирается, и уже на шесть лет. Люди говорят: «Слава Богу, сейчас не путинские времена», «Мы же многого не знали», «А я лично никогда не голосовал за Путина» и т.д.

Реалистичен ли этот сценарий? Разумеется, его реализация требует напряженной работы и сопряжена с большими психологическими и политическими слож-

ностями, но, по-моему, он вполне реалистичен. В нем объединены два «сюжета», и оба – очень «нормальных», в истории повторявшихся много раз. Первый – это избавление правителя от тех, кому он обязан тронном и кто думает, что правитель должен быть им век благодарен и их слушаться. Так Анна Иоанновна тут же избавилась от избравших ее «верховников», так избавлялись от тех, кто избрал их, все наши советские руководители от Сталина до Горбачева, так сам Путин первым делом избавился от Березовского. Второй – это либерализация, наступающая после того, как уходит правитель, от жесткости (или жестокости) которого все устали, как это было при восшествии на престол Александра I вслед за Павлом I и Александра II после Николая I. Очень часто эти два «сюжета» сливались в один – правитель освобождался от тех, кто его избрал, и приобретал популярность, проводя либерализацию (Хрущев, Горбачев). Шансов увидеть еще один фильм по написанному на этот сюжет сценарию – очень много.

Когда пишешь сценарий, легко поставить точку и написать «конец», подведя к хорошему финалу победы прогрессивных сил над силами реакции. Но в истории точки становятся запятыми, сюжет развивается дальше или плавно переходит в какой-то иной. Посмотрим, как может развиваться этот сюжет.

На первых порах либерализация может сопровождаться ростом и популярности президента, и его личной (неформальной) власти. Но дальше неизбеж-

но возникнут проблемы, ибо никакую либерализацию нельзя удержать на том уровне, на котором она совершенно безвредна. Либералам только положи палец в рот, и они примутся грызть твою руку. Обязательно начнутся «клеветнические измышления», «безответственная демагогия», «попытки охаять все наши достижения». Кто-нибудь будет говорить, что надо разобратся с делом «ЮКОСа», а «ЮКОС» давно уже поделили, и лучше бы это дело не ворошить. Кто-то вспомнит и о событиях начала второй чеченской войны, что уж совершенно не нужно. И есть ведь не только либералы. В обществе чего только нет. Есть и татары, и чеченцы с ингушами, и коммунисты, и «патриоты», и нацболы. Кто-нибудь обязательно начнет говорить, что при Путине порядка было больше. Президенту придется говорить одним: «Ведь вы же не хотите возвращения недавнего прошлого», а другим: «Ведь вы же не хотите, чтобы вернулись 90-е годы». Все это уже само по себе неприятно и опасно, а ведь впереди маячит 2018 год. У президента колоссальные возможности, и он может прекратить «раскачивание лодки» и добиться того, что в 2018 году будет избран человек, которому он полностью доверяет. (А может даже изменить конституцию и избраться еще раз). Но для этого надо снова усилить ослабленный контроль над обществом, опять немного его «подморозить». К этому президента будут толкать нормальные человеческие и политические инстинкты – человек естествен-

но стремится выиграть игру, в которую он вовлечен, не потерять контроль над ситуацией. И как это всегда бывает, с ними будут полностью совпадать идеальные соображения – нельзя же допустить, чтобы политику диктовали «безответственные демагоги», и тем более чтобы страна попала к ним в руки. Но это будет означать, что ничего у нас не изменилось. Мы продолжаем жить в авторитарном режиме, который проходит через периоды «оттепелей» и «заморозков», как это было и в эпоху самодержавия, и в советскую эпоху. Все это прекрасно описано еще Салтыковым-Щедриным.

Первый, не достаточный, но абсолютно необходимый шаг в решении объективно стоящей перед нашим обществом задачи перехода к демократии – это первое в русской истории поражение верховной власти на выборах. Но нельзя требовать от президента, чтобы он сам готовил свое собственное поражение. Самый максимум того, чего можно ожидать от стремящегося к демократии и правопорядку президента, – что в своей борьбе с противниками он не будет переходить за определенные грани, например, не будет подтасовывать результаты голосований, не будет отлучать противников от СМИ, не будет обвинять в неуплате налогов и т. п. при первых проявлениях оппозиционности. Таким был Горбачев. Он – тоже нормальный человек и не хотел своего поражения. Он боролся до конца и цеплялся за иллюзию возможности победы. Но даже перед угрозой и утраты власти, и распада государства он

не сделал того, что диктовали и инстинкт и «здравый смысл», но что шло вразрез с его идеальными целями и установленными им самим для себя нормами. Такое бывает очень редко. Но как показал опыт того же Горбачева и постгорбачевского развития, для успешного перехода к демократии даже этого недостаточно.

Дело ведь не только в том, чтобы в 2012, или 2018, или 2024 году был избран не тот, кто уже у власти или кого определил стоящий у власти в свои преемники. Дело еще и в том, чтобы победитель не начал закреплять свою власть так, как это делали Ельцин и Путин, чтобы открывшийся путь нормальной борьбы за власть в условиях единых правил и чередования победителей и побежденных не был тут же снова закрыт. Как, например, это произошло в Белоруссии, где Лукашенко пришел к власти в результате честной победы на реально альтернативных выборах и тут же решил, что больше он никогда ничего подобного не допустит. А для этого надо, во-первых, чтобы победитель обладал каким-то минимумом приверженности правовым и демократическим ценностям, а во-вторых, чтобы у него была сильная оппозиция, которая не допустит его неправового закрепления у власти, если этот минимум окажется недостаточным. Лучше, чтобы он победил не триумфально, и чтобы сторонники старой власти не исчезли, тут же перейдя на службу к победителю. А это у нас еще труднее представить себе, чем триумфальную победу какого-нибудь нового Ельцина.

Понять все это – не так уж сложно. Но одно дело понимать, спокойно сидя в кабинете, и совсем другое – понимать и руководствоваться этим пониманием, находясь в гуще политической борьбы. Если требовать от правителя не переходить правовых границ в борьбе с врагом даже при угрозе поражения очень трудно, то требовать от него, чтобы он заранее знал, что в конце концов он должен проиграть, чтобы он сам готовил себе противника, который его победит, но при этом победит так, что сам не сможет закрепиться у власти, совсем уже невозможно. Политик, так понимающий свою задачу и действительно стремящийся ее решить, был бы просто величайшим человеком. А при всем уважении к президенту, оснований считать, что он величайший человек, нет никаких.

Поэтому надо четко осознавать – либеральный сценарий вполне реалистичен, но это – не сценарий решения главной задачи, стоящей перед нашей страной, – перехода к демократии. Можно даже сказать, что он не имеет к ней прямого отношения. Этот переход не может быть делом и задачей власти. Это – труднейшая задача самого общества. И решить ее можно только через кризис (не теперешний экономический, а глубокий политический кризис), только прыжком через пропасть. Либеральные стремления и шаги президента могут несколько облегчить решение в будущем этой задачи, но не более того. Может быть, спешить с ее решением и не надо – мы уже дважды пытались

это сделать, и дважды ничего хорошего из этого не получалось. И лучше, чтобы третья попытка произошла позже, но была удачной, чем потерпеть еще одну деморализующую неудачу. Но понимать и необходимость ее решения, и то, в чем она заключается, и всю ее колоссальную трудность надо уже сейчас.

Независимая газета. 6.03. 2009

АНАТОМИЯ «ЦВЕТНОГО БУНТА» В КИШИНЕВЕ

Ни одна власть не может держаться вечно. Жизнь идет вперед, а партия власти неизбежно стагнирует, и рано или поздно должна уступить место новой силе. В демократических странах «смена караула» происходит как ротация власти в результате победы оппозиции на выборах. Если же легального пути смены зажившейся власти нет, то она, в конце концов, устраняется неконституционным – революционным путем. Можно сказать, что приход оппозиции к власти при демократии – это институционализированная, вписанная в рутинный порядок ок жизни революция. А революция – это экстремальная, силовая ротация.

* * *

«Цветные революции» занимают промежуточное положение между этими полюсами. Это определяется переходным характером политического режима. «Цветная революция» не может произойти в стране с жестко авторитарным режимом, где нет вообще никаких выборов или они – муляж, с которым не связываются никакие ожидания, как они не связываются с выборами в Туркмении, Узбекистане, а сейчас и в России. Но «цветных революций» не может быть и в

реально демократических странах, где действительно все решают выборы, и никто не оспаривает их результаты. «Цветной революции» не может быть в Узбекистане, но ее не может быть и в Эстонии.

Ситуация «цветной революции» может сложиться только в странах, где есть демократические институты, не предназначенные исключительно для украшения авторитарного «фасада», но власть при этом имеет возможность в широких пределах манипулировать избирательным процессом и не допускать победы оппозиции, то есть в странах с полуавторитарными или «мягко авторитарными» режимами. Такими были кучмовский режим в Украине, режимы Шеварднадзе в Грузии и Акаева в Киргизии. (Но «цветные революции» – не уникальная особенность постсоветского пейзажа, такого же типа революция свергла Милошевича в Сербии, недавно сходные события происходили в Кении и Зимбабве).

Возникает «тромб». «Цветная революция» этот тромб вышибает, используя давление «улицы». Классический вариант – украинский майдан. Вообще все революции такого рода развивались по одному сценарию. Происходят выборы. Официально объявляется о победе власти. Оппозиция убеждена, что результаты выборов сфальсифицированы и победу у нее украли. Она выводит людей на улицы. Начинается противостояние, в котором выигрывает тот, у кого нервы крепче.

Надо подчеркнуть два момента. Во-первых, на каждую удачную революцию всегда приходится несколько неудачных. У нас на постсоветском пространстве было три «цветных революции», приведшие к смене власти. И был ряд революций, развивавшихся по той же схеме, но потерпевших поражение – первая попытка революции этого типа была в Армении в 1996 года, когда еще не было термина «цветная революция», и с тех пор каждые президентские выборы в этой стране сопровождались попытками «цветной революции», и все они были неудачны. Была подавленная «цветная революция» в Азербайджане. Во-вторых, «цветные революции», естественно, всегда совершаются под демократическими лозунгами, но не обязательно ведут к победе демократии. Пришедшие к власти силы могут сами начать манипуляции с выборами и создавать имитационно-демократическую систему. Пример – Киргизия.

* * *

Политическая система Молдавии на пространстве СНГ уникальна. Все страны СНГ шли по пути усиления властной президентской вертикали. Молдавия – единственная – перешла от президентской республики к парламентской. В конфликте президента и парламента победил парламент. Этот конфликт был в основном конфликтом внутри правящей «де-

мократической» элиты, ослабленной специфическим молдавским противостоянием между теми, кто считает, что молдаване – румыны и Молдавия должна, в конце концов, объединиться с «матерью-родиной», и «молдовенистами», сторонниками самостоятельности. Ожесточенные конфликты в элите и переход к парламентской республике открыли дорогу коммунистам, завоевавшим парламентское большинство и избравшим в 2000 году президентом своего лидера, Владимира Воронина. В России опасность прихода коммунистов к власти служила главным идеологическим оправданием авторитарной эволюции режима, начавшейся при Борисе Ельцине. Российского избирателя страшали: если придут коммунисты, будет «ужас, ужас, ужас». В Молдове дела обстоят не блестяще, но «ужаса» нет. Коммунисты быстро эволюционировали. Европейская интеграция стала их *idée fixe*. Они приняли самые либеральные экономические законы – Воронин сознательно брал за образец Эстонию. По рейтингам Freedom House, а создателей этого рейтинга можно упрекать в чем угодно, но не в любви к коммунистам, Молдавия до оранжевой революции на Украине была самой демократической страной СНГ.

Воронина и коммунистов трудно упрекнуть, что они пытаются закрепиться у власти навсегда, как это пытаются все эсэнгешные власти. Воронин после поражения партии на местных выборах в Гагаузии даже

сказал на партийном активе: «Мы должны иметь в виду, что какими бы хорошими мы ни были, от нас же, в конце концов, могут просто устать». И объективно ротация власти в Молдавии, конечно, необходима. Партия начинает выдыхаться, граждане действительно начинают от нее уставать. Но то, что этого не происходит, — не вина коммунистов.

* * *

В 2004 году коммунисты снова побеждают на выборах. Это – год «цветных революций», и оппозиция, кое-как объединившись, решила организовать свою революцию. Ее организаторов тогда поддерживала Россия, вступившая в конфликт с Ворониным, и одновременно они рассчитывали, что Запад заступаться за коммунистов не будет. Но все западные наблюдатели признали выборы честными. Демонстранты пошумели и разошлись. Революции не получилось.

В 2004–2008 годах правая оппозиция укрепилась. В июне 2007 года она победила на местных выборах в Кишиневе, и мэром стал кандидат правой Либеральной партии Дорин Киртоакэ. Очевидно, что с парламентскими выборами 2009 года у оппозиции были сопряжены большие ожидания. Но опять ничего не получилось.

Правые в Молдавии раздроблены так же, как в России. Несколько партий бесконечно поливают друг

друга грязью. Взяв большинство мест в кишиневском муниципальном собрании, правые потратили несколько месяцев на дележ портфельей, интриги и строительство коалиций. Антисоциалистический блок очень разнороден. В него входят интеллигентная молодежь, румынски националистическая и, естественно, прозападная, и та часть молдавской номенклатуры, которая в свое время убежала из коммунистической партии, чтобы сохранить социальные позиции при новой системе. Для нее приход к власти коммунистов стал кошмаром. Оказалось, они промахнулись, и карьеру следовало строить иначе. Они ненавидят коммунистов, но терпеть не могут и «румын». Так что в Молдавия есть сильная, мощная и демократическая левая сила, но нет адекватной правой.

* * *

Неадекватность правых проявилась и в неготовности организовать спонтанное молодежное движение, придать ему цивилизованные формы. Этот момент критически важен в «цветной революции», поскольку оппозиция в ней всегда выступает в роли стража законности и Конституции, которую власть нарушает. Отсюда принципиально мирный характер действий участников, лишь демонстрирующих свою потенциальную силу, гарантирующий нейтральность «силовики» и привлекающий симпатии мирных обывателей.

Всем успешным «цветным революциям» предшествовала организационная подготовка, и украинская «Пора» проводила специальные тренинги для молодежи, как вести себя с силовиками.

Раньше сильный организационный центр правой оппозиции составляла Христианско-демократическая партия во главе с Юрием Рошкой. Он умел вытаскивать студентов на улицы, и прекрасно их контролировал. В 2002 году в Кишиневе 100 дней шли непрерывные митинги, и за это время ни одного стекла не было разбито. Но в 2004 году Рошка не поддержал имитацию «цветной революции», и на выборах президента в парламенте проголосовал за Воронина. Ему этого не простили. Заклеймили как «прислужника коммунистов» и «агента Москвы».

* * *

Представление, что революции можно инспирировать извне – порождение страхов правителей и воображения политтехнологов. Когда возникает кризис, всегда будут желающие использовать его. Но списать теперешние события в Кишиневе на внешнюю силу так же смешно, как попытки приписать революцию 1905 года проискам японской разведки, а октябрьский переворот – немецкой. Ясно, что румыны рады, когда кишиневская молодежь кричит, что они – румыны. Но ни румыны, ни Россия, ни ЦРУ не способны органи-

зывать массовое движение на пустом месте. Причины кишиневских событий – вполне молдавские. Это – глубокий раскол в обществе, недовольство значительной и активной части населения, ее разочарование в результатах выборов. Но эти события – не «цветная революция».

Пафос «цветной революции» выражается формулой: «Не мы нарушаем закон, а власть». Власть фальсифицирует результаты выборов, она украла победу. Но если власть, хотя западные наблюдатели признали выборы честными, согласна на пересчет голосов, а протестующие толпы жгут и грабят парламент, это не «цветная революция», а бунт — «бессмысленный и беспощадный» – каким бы цветом ни красился.

Новое время. № 14 (110). 13.04.2009

РЕСПУБЛИКАНЕЦ НА ТРОНЕ

Разрыв между словами и делами нашего президента достиг громадных размеров. Президент клеймит систему, главой которой он является, сильнее и ярче, чем любой оппозиционер: «Государственный аппарат у нас – это и самый большой работодатель, самый активный издатель, самый лучший продюсер, сам себе суд, сам себе партия и сам себе, в конечном счете, народ».

А в своей знаменитой статье «Россия, вперед!» он заявляет политические идеалы и цели, которые без преувеличений можно назвать революционными. «Как в большинстве демократических государств, лидерами в политической борьбе будут парламентские партии, периодически сменяющие друг друга у власти. Партии и их коалиции будут формировать федеральные и региональные органы исполнительной власти (а не наоборот), выдвигать кандидатов на пост главы государства, руководителей регионов и местного самоуправления». Речь идет не больше и не меньше как о прекращении правления квазидинастии передающих друг другу власть президентов, к которой принадлежит сам Медведев, и о переходе к принципиально иной и еще никогда не бывшей в России политической системе. Никак иначе прочесть этот текст нельзя.

Но при этом ничего революционного президент не делает. Его шаги – или такие крохотные, что никому

и не заметны, или вообще в прямо противоположном от демократии направлении. Как к демократии может вести удлинение президентского срока или переход к фактическому назначению председателя Конституционного суда – одному Богу известно.

Президента пытаются провоцировать. Недавний демарш «оппозиции» в связи с прошедшими 11 октября выборами – именно такая провокация. Ему как бы говорят: начни с малого – сделай чуть более свободные выборы. Ладно, допускать к выборам всяких Немцовых, Касьяновых и Лимоновых – это слишком. Но пусть хоть совершенно ручным оппозиционерам засчитают столько голосов, сколько они реально получили. И речь-то сейчас идет не о президентских и даже не думских выборах, а о региональных. Что страшного-то? Шаг – крохотный, но все-таки шаг. Но президент на провокации не поддается. Он встречается с руководством партий (не срочно, а в давно запланированное время), говорит, что ничего особенного не происходит, выборы в целом прошли организованно, лучше, чем в 90-е годы, а для оспаривания результатов на отдельных участках есть суды.

Президента просят вернуть общенародные выборы глав администраций регионов. Он говорит, что это было бы губительно для России и этого не будет «ни сейчас, ни через сто лет». Медведев ненавидит коррупцию. Ему подадут доклад о коррупции в Москве. Нет ни одного человека в Москве, России и мире, который

верил бы, что многомиллиардное состояние Батуриной – следствие ее предпринимательского гения, а не должности ее мужа. И Медведев не так наивен, чтобы верить. Опять-таки, не надо резких шагов. Но хоть выразите озабоченность, создайте какую-нибудь комиссию, что ли. Но президент не реагирует. И так во всем. Говорит, как революционер или диссидент, а ведет себя, как умеренный «охранитель». Откуда же этот разрыв между словами и делами?

Конечно, тандем – хрупкая и деликатная конструкция, шевелиться опасно. Но дело не только в этом.

Если внимательно прислушаться к президенту, все становится ясно. Он рисует жестко негативную картину наших наследственных пороков и теперешнего состояния общества, провозглашает свой демократический идеал и говорит, что движение от реального состояния к идеальному должно быть постепенным, без катастроф. Но он не говорит, в чем это движение должно заключаться, какова должна быть последовательность шагов. А это – самое важное. Все понимают, что свобода лучше, чем несвобода, здоровье лучше, чем нездоровье, а богатство лучше, чем бедность. Вопрос в том, как стать свободными, здоровыми и богатыми.

Почему же президент молчит о том, как он намерен вести нас к свободе? А потому что сам не знает. Разные страны переходили к демократии самыми разными путями, ясного и однозначного рецепта

здесь нет. А плавного и безболезненного перехода к демократии, которого хочет Медведев, вообще быть не может. Переход из одного качества в другое не может быть плавным по определению. Все равно должен прийти день, когда еще вчера правили 20, 30 или 50 лет передающие друг другу власть президенты, а сегодня у власти бывший оппозиционер. Не обязательно кровавая, но все же очень болезненная «революция». И это еще не демократия, это только важная веха на пути к ней. Путь к демократии можно только нащупывать в тумане, падая и набивая себе шишки, как это происходило во всех ныне демократических странах.

У Медведева есть только один намек на то, как он представляет собой переход к демократии. Это – упование на развитие Интернета и вообще «производительных сил»: «Распространение современных информационных технологий, которому мы будем всячески содействовать, дает беспрецедентные возможности для реализации таких фундаментальных политических свобод, как свобода слова и собраний. Для выявления и ликвидации очагов коррупции». Но техника сама по себе к демократии не приведет. Сам собой Интернет даже не включится.

Разрыв между вольнолюбивыми словами и охранительными делами у Медведева уж очень велик. И этот разрыв характерен для нашей культуры. Многие царские вельможи были «вообще-то» поклон-

никами английского конституционализма, а один наш царь, Александр I, в душе вроде бы даже был республиканцем. Но они очень боялись «дестабилизации». Народ – темный, страшный, «гражданское общество» – неразвитое, дашь немного свободы – и вылезут «бесы» и пугачевщина. И, как и Медведев, они уповали на прогресс и просвещение. Только роль Интернета и нанотехнологий играли у них распространение грамотности и передовых методов земледелия. Чего они дождались – мы знаем. И многие советские вельможи и статусные интеллигенты были сторонниками демократии и про советский строй все понимали правильно. Но говорили об этом только «на кухнях». И дело не в их личной трусости. Они были реалистами и людьми с большим чувством ответственности. Они тоже совершенно не представляли себе, какова должна быть последовательность действий, чтобы без потрясений перейти к демократии, и тоже боялись, что слишком резкие действия приведут к дестабилизации. И надеялись на «развитие производительных сил» и распространение образования. Поэтому на работе они были умеренными охранителями. Чего они дождались, мы тоже знаем. А современную систему, переход от которой к демократии – страшен и непонятен, вообще создали демократы. Но не крикуны, утописты и «безответственные демагоги», вылезшие на поверхность в период перестройки и не способные к созидательной работе. Ее создали реалисты, понимающие, что Россия

«исчерпала лимит на революции» и ей нужны не потрясения, а прогресс в условиях стабильности и под руководством этих самых ответственных и реалистичных людей. Путин ведь тоже, особенно в начале своего правления, говорил хорошие слова о демократии, и искренне говорил. Чем кончится этот третий цикл, увидим если не мы, то наши дети.

В советской системе, основанной на догматической идеологии, слова были делами. Поэтому души изливались только на кухнях. Сейчас слова – только слова. Кухня сейчас – Интернет. И ценность смелых статей Медведева в Интернете – примерно та же, что ценность смелых разговоров за рюмкой с друзьями в 70-е годы прошлого века.

Слава Богу, что у нас такой президент, как Медведев. Он не пьет, не «работает с документами» целыми неделями, не дирижирует оркестром и не бросает в реку надоевшего пресс-секретаря. Из глубин его души не рвется наружу кагэбэшнo-уголовная феня. Он, несомненно, порядочный человек, и идеалы у него – самые благородные. Могло бы быть значительно хуже, и я даже не уверен, что мы заслуживаем такого президента. И требовать от него радикальных шагов, которые действительно очень рискованны и могут даже оказаться политически самоубийственными, нельзя. Было бы даже аморально желать ему судьбы Горбачева.

Но все же, если ты действительно хочешь, чтобы Россия стала свободной и передовой страной, надо пе-

рекреститься и начать делать какие-то реальные шаги. Само собой и без риска – ничего не делается. Более того – без ошибок и глупостей тоже ничего не делается. И в конце концов судьба Горбачева – не такая уж страшная. А если ты вообще рисковать не хочешь, то можно спокойно заниматься продвижением Интернета, борьбой с алкоголизмом и даже с коррупцией (в умеренных масштабах, «без фанатизма»), другими безопасными и, несомненно, полезными вещами. Но тогда и не надо писать такие статьи, которые, как говорили в XIX веке, «волнуют умы и сеют несбыточные мечтания». Никто же за язык не тянет.

Независимая газета. 09. 11. 2009.

КОНСЕРВАТИЗМ БЕЗ ЛИБЕРАЛИЗМА

«Единая Россия» – партия, единственной идеологией которой была просто поддержка путинской власти, решила приобрести идеологическое лицо, придающее ей большую респектабельность, и на последнем съезде объявила себя консервативной. Как все у единоросов, это произошло быстро, организованно и без дискуссий. Раз начальство решило: «консерватизм», значит, будет консерватизм.

Почему же начальство единоросов выбрало именно консерватизм? Отчасти, конечно, тем же путем, каким Жириновский пришел к идее либеральной демократии. Нужно какое-то приличное западное обозначение (эталон приличия все равно дает Запад). Консерватизм вполне подходит. Россия – страна западных «лейблов», надетых на туземные реальности, которые иногда могут не иметь вообще никакого отношения к изначальному значению лейбла.

Тем не менее в данном случае это – не совсем так. Выбор единоросами именно слова «консерватизм», конечно, не случаен.

Консерватизм, как и либерализм, – не столько идеология, сколько настроение. Это психологическая ориентация на охрану неких устоев и традиций, которые в разных странах и временах могут быть очень разными. Консервировать можно самые разные продукты. Консерватизм Дизраэли, Рейгана и какого-нибудь иранско-

го аятоллы совершенно различен по содержанию. Но их роднит общая установка на охрану неких устоев. Естественно, что консерватизм – это идеология-настроение тех, кто с опаской и недоверием относится к новому и к будущему. Это – идеология традиционных элит, которых теснят какие-то новые элиты. И это – естественное настроение пожилых людей.

Какие же устои охраняют единоросы? Говорить о каких-то древних устоях в социально-политической системе, возникшей в 1991 году, – смешно. Говорить о глубоких традиционных идейных устоях самих делегатов съезда тоже нельзя. Явно значительная часть из них была членами КПСС, потом служила революционной ельцинской власти, потом путинской, и если действительно установится медведевская – будут служить ей. Но есть устои, которые действительно дороги единоросам. Это – уже вполне установившаяся у нас система власти-собственности, правления возглавляемой безальтернативным правителем-президентом переплетенной с бизнесом бюрократии, которое при Путине приобрело законченные и классические формы. И в ней есть действительно традиционные для России черты, ибо безальтернативная персоналистская власть, опирающаяся на бюрократическую вертикаль, возродилась в России и после 1917-го, и после 1991 года. Это и есть та система, устои которой стремится «законсервировать» «Единая Россия».

Возникновение в устоявшейся социально- политической системе консервативного настроения – совершенно естественно. Консерватизм нужен для нормального развития. Он необходимый противовес либеральному прогрессистскому прожектерству. У старости действительно есть некоторая мудрость и опыт, которые должны уравновешивать легкомысленное устремление молодых к новому. Но консерватизм может выполнить свою сдерживающую функцию только тогда, когда есть то, что надо сдерживать. Консерватизм предполагает свою противоположность – либеральный прогрессизм. Маккейн – нормален и нужен обществу, когда есть Обама, но и монопольный Маккейн и монопольный Обама были бы ужасны.

Между тем «Единая Россия» у нас – не просто консервативная партия, предполагающая наличие других, которые сменят ее, когда она пойдет слишком далеко и когда общество устанет от постоянной охраны своих устоев. Это – партия всей элиты, безальтернативная партия власти, оградившая свою монополию принятыми ей законами и «административным ресурсом». В нашей системе ей ничего не противостоит, кроме неопределенных прогрессистских устремлений Медведева, которые элита вполне готова воспринять, если только не будут затронуты «устои» бюрократической системы. «Скажут модернизировать – будем модернизировать». И все останется по-прежнему.

Система, в которой элита, объединенная в моно-польную партию, консервативна, где консерватизму нет мощного противовеса, – это стагнирующая система. Между тем ей еще нет 18 лет от роду. Старость наступила уж очень рано. Если в 18 лет – старческий консерватизм, то что же будет в 40? Но до 40 такая система, очевидно, просто не доживет.

Профиль. 7. 12. 2009.

ЛЮДИ, СТИЛИ, ЭПОХИ

Десять лет назад кончилась эпоха Бориса Ельцина. Эпоха его преемника Владимира Путина тоже кончилась. Вне зависимости от того, вернется ли он к власти в 2012 году или нет.

31 декабря 1999 года с уходом в отставку Ельцина и назначением Путина и.о. президента началась новая эпоха экономического подъема и консолидации общества вокруг главы государства и его «властной вертикали».

Но чтобы оценить значение этого события, мы должны попытаться вычленить то, что действительно определялось личностями первых двух президентов, и то, что связано с закономерными этапами развития нашей системы и лишь символизируется их личностями.

Роль Ельцина в нашей истории колоссальна. Он сыграл решающую роль в уничтожении СССР и КПСС и заложил основы нашей имитационной демократической системы власти «безальтернативных» президентов. И его личные качества человека с громадной витальной силой и необузданной волей к власти соответствовали его роли.

Уйти с президентского поста для него было трудным решением. Но здоровье Ельцина настолько пошатнулось, что перед ним встала дилемма – оставаться у власти и умереть очень скоро или передать власть выбранному им человеку и еще какое-то время спокойно пожить.

То, что выбор Ельцина и его «семьи» пал именно на Путина, конечно, случайность. Но в этой случайности проявлялась закономерность. Ельцин искал человека на роль, принципиально отличную от его собственной, – роль стабилизатора уже созданной им системы. Поэтому и искал он человека, не похожего на него самого, – скорее, исполнителя, лояльного к своим патронам, контролирующего свои чувства, упорядоченного. То, что преемником оказался офицер КГБ, тоже не совсем случайно, ибо управление в созданной Ельциным системе уже в громадной мере сводилось к «спецоперациям». За ельцинскими критериями в подборе преемника стояли потребности системы, вступающей в новый этап своего развития – этап зрелости и расцвета.

Роль личности Путина в нашем развитии скромнее. Путин унаследовал уже оформившуюся систему, благополучно проведенную Ельциным через кризисы детства и юности. Не Путин создал экономический подъем и переходящую в застой стабилизацию нулевых годов. Они возникли естественно, потому что общество уже адаптировалось к новым условиям и жаждало успокоения и «сильной власти». Но он соответствовал общественным потребностям и стал символом новой эпохи.

Упрочившаяся система развивается по своей внутренней логике, и личности правителей скорее символизируют ее закономерные этапы. Ленин, Сталин,

Хрущев и далее – это не только и не столько разные люди, сколько разные этапы советской эпохи. И их личностные различия – отражения этих этапов.

Сейчас позади уже и путинская эпоха – «акме», высшая точка постсоветской системы. И дело не в том, уйдет ли Путин «окончательно», или, наоборот, вынудит Медведева вернуть ему власть в 2012 году. Эпоха Путина кончилась объективно, ибо достигло своего предела подчинение общества власти, кончился посттрансформационный экономический рост, усиленный благоприятной конъюнктурой, и, как в конце советского периода, возникает ощущение тупика и одновременно ощущение необходимости радикальных перемен и страха перед ними. Сам факт ухода Путина с поста президента, избрание им Медведева, так же не похожего на него, как он сам не похож на Ельцина, и медведевские либеральные мечтания – все это не просто проявления личностей Путина и его преемника, но проявления закономерной эволюции системы.

В предельно смягченной форме и, очевидно, в более быстром ритме мы проходим цикл, аналогичный советскому. Человек, родившийся в 1900 году, мог участвовать в установлении советской власти, прожить период ее расцвета и длительный период ее упадка, мог дожить до ее краха. Нет сомнений, что молодые люди 1991 года рождения, которым теперь по восемнадцать, доживут до конца постсоветской системы имитацион-

ной демократии. Будем надеяться, что ей на смену придет система реальной демократии, о которой мечтают многие, включая и нашего третьего президента.

«Профиль», 28.12.2009

2010

РАБ НА ГАЛЕРАХ

Второй путинский срок прошел в гаданиях, действительно ли он намерен уйти, кого поставит вместо себя и что намерен делать дальше. В конце концов, он «полуушел», став премьером и поставив вместо себя своего друга Медведева. И тут же начался новый период гаданий, который, вполне вероятно, продлится до 2012 года: уйдет ли он совсем, отдав власть Медведеву окончательно, или, согласно каким-то тайным договоренностям со своим преемником, вернется на пост президента. Периодически Путин напоминает, что второй вариант возможен.

В поведении Путина отражается обычная противоречивость чувств и стремлений человека, оказавшегося перед перспективой ухода с начальнического поста, но усиленная и модифицированная объективными противоречиями нашей политической системы и нашей культуры.

С одной стороны, человек, долго пребывающий на трудной и нервной работе, не может не устать. Путин сам говорил, что восемь лет «работал, как раб на галерах», – и говорил искренне. Было видно, что он издерган, измотан и срывается. Нужно быть фанатиком-властолюбцем, чтобы после восьми лет президентства не пожелать отдохнуть. А Путин не фанатичный властолюбец. Он никогда не стремился к верховной власти, которая свалилась на него в результате выбора Ельци-

на и его «семьи». И в значительной мере воспринимал свою должность как «ответственное задание» по наведению порядка в стране (как этот порядок понимается им и как он понимается в нашей культуре). К этой усталости может добавляться – у умных начальников это иногда бывает – ощущение необходимости дать дорогу новому и не только самому отдохнуть, но и дать другим отдохнуть от себя. В том, что Путин избрал преемником непохожего на него Медведева, можно увидеть признаки такого понимания собственной исчерпанности.

Но даже если начальник устал и понимает, что его ресурсы исчерпаны, его отношение к перспективе ухода никогда не бывает просто радостным. У человека, длительное время пребывающего на высоком посту, не только накапливается усталость, но и возникает привычка к власти и почету. Уход может манить перспективой свободы, но не может не пугать перспективой пустоты и психологического стресса. Эта перспектива страшит даже очень старых начальников, а Путин еще не стар, впереди у него скорее всего большой кусок жизни, и чем его заполнить, уйдя из политики, – совершенно не понятно.

Этой естественной амбивалентности чувств уходящего начальника соответствует амбивалентность чувств подчиненных. С одной стороны, у них накапливается раздражение и усталость от начальника, а его уход открывает карьерные перспективы. С другой – есть страх нового и неизвестного, страх потери долж-

ностей при его преемнике. Плачущая секретарша уходящего директора – почти обязательная часть ритуала.

В традиционалистском обществе с высшей государственной должности монарха уйти вообще нельзя. Живой бывший царь – абсурд. В российской истории ни один правитель добровольно не оставлял власть. (Случай Ельцина слишком очевидно связан с его здоровьем, чтобы быть полноценным прецедентом). Наоборот, в демократических странах президент, чья партия проиграла на выборах или кто отслужил срок, допустимый по Конституции, уходит автоматически. Все сложные комплексы чувств, связанные с этим уходом, – сугубо личное дело, на передачу власти не влияющее. И хотя уход для президента может быть печален, он не так уж страшен. Сложился даже своего рода институт бывших президентов и премьеров; общество находит пути занять их и скрасить им отставку. В нашей системе, возникшей в результате наложения демократической идеологии и правовых норм на традиционалистскую в своей основе политическую культуру, превратившую эти нормы в камуфляж персоналистской авторитарной власти, все сложнее.

Уход Путина с президентства соответствовал Конституции. Но вместе с тем он был добровольным актом – изменить Конституцию Путину ничего не стоило. И мотивы этого ухода были скорее всего «идеалистические» – для Путина очень важен европейский имидж России и его самого. Уход Путина был смелым

поступком, и возможно, что за этот самый благородный поступок своего правления Путину придется заплатить. Но все же это был «полууход». Полный уход был бы сопряжен с громадными рисками и требовал бы безумной храбрости.

В системе, которую Путин принял из ельцинских рук, управление просто не могло осуществляться в рамках законности. Это не связано с особенностями личности правителя и с его мотивами. Это определяется природой системы, для которой имманентно противоречие правовой формы и персоналистского авторитарного содержания. В этом отношении президент у нас не отличается от губернатора, или олигарха, или любого другого представителя властной элиты, которым так же трудно или даже невозможно работать «строго в рамках законности». Разница в том, что над губернатором, мэром, олигархом есть президент, а над президентом нет никого. Но это только до тех пор, пока он у власти. Не случайно Ельцин при уходе и как условие этого ухода потребовал иммунитета от преследований для себя и своей семьи. Спас его не столько иммунитет, сколько путинская лояльность и понимание того, что ушедший Ельцин проживет недолго и никому не страшен. Но Путину – который в расцвете сил и, даже полностью уйдя от власти, все равно будет несколько опасен, – может не помочь и иммунитет. Иммунитет может спасти от формальных преследований, но он не спасет от обсуждения в СМИ различ-

ных обстоятельств путинского правления, в котором правда будет перемешана с домыслами и вымыслами и которого вполне достаточно, чтобы превратить жизнь ушедшего президента и его близких в ад. Бесконтрольность и закрытость власти всегда оборачивается тем, что затем ей обязательно будут приписывать не только ее реальные преступления, но и те, в которых она неповинна.

Тем более что раздражения на Путина накопилось много, а отношение к власти у нас – очень амбивалентно. Мы любим власть, которую боимся. Но как только страх исчезает, любовь легко переходит в месть тем, перед кем ты унижался и кого был вынужден любить. И сейчас только страх, что в 2012 году Путин может вернуться, спасает его от травли. Посылая сигналы о своем возможном возвращении, Путин сдерживает этот уже готовый прорваться поток обвинений.

Но дело не только в Путине. Стремясь к управляемости системы, Путин назначил на множество ответственных постов (и, очевидно, способствовал обогащению) лиц, главное достоинство которых – послушность и личная преданность ему. И за каждым из них – шлейф сомнительных дел (опять-таки не потому, что они такие плохие, а потому, что в нашей системе не возникнуть такой шлейф не может). Для них окончательный уход Путина – вероятная катастрофа, и они будут делать все возможное, чтобы ее избежать. Нет сомнений, что сейчас многие говорят премьеру, что все держит-

ся на нем, что без него рухнет стабилизация и что его долг перед страной – не уходить, а в 2012 году вернуться и править еще шесть лет. Не прислушиваться к таким речам очень трудно. Тем более что говорящие, что все держится на Путине, в некотором роде правы.

Даже «полууход» Путина и причудливая ситуация тандема нанесли удар по нашим политическим привычкам, оживили политическую жизнь и явились небольшим, но реальным шагом по пути к новой, правовой системе. Окончательный уход Путина нанес бы значительно более серьезный удар по реальной неформальной системе нашей власти и по глубоко укорененным стереотипам нашего авторитарно-монархического сознания. Верховная власть стала бы окончательно не пожизненной, а отсюда, с неизбежностью, в какой-то мере ограниченной и подконтрольной. Это еще далеко не демократия, но уже несомненное приближение к ней, к принципиально новой общественной системе и новому этапу развития. И кроме всех рациональных страхов путинских назначенцев перед перспективой его ухода (или, что одно и то же, – невозвращения) и у них, и у общества в целом есть и этот страх перед маячащим на горизонте новым миром, которого теоретически все хотят, но все боятся.

Демократический, правовой фасад нашей системы предполагал уход Путина. Но реальное авторитарное содержание этой системы и наша политическая культура делают его окончательный уход крайне

опасным и для уходящего, и для элиты, и для системы. Отсюда – странные манипуляции Путина, причудливая ситуация тандема и намеки на возвращение.

Наша политическая система и наша политическая культура не только предполагают наличие общества, неспособного к самоорганизации, покорного своим правителям и любящего их (пока они правители, пока есть страх перед ними), но и способствуют воспроизводству такого общества. Они и самих правителей хватают мертвой хваткой. Они действительно делают из них «рабов на галерах». Рабы могут даже мечтать уйти с галер, но уйти не могут. Вне галер жизни для них уже нет. И галера без рабов не может. Галеру без привязанных к ней рабов придется перестраивать в совсем другой корабль.

Независимая газета. 20. 01. 2010.

«ПРОЦЕСС ПОШЕЛ»?

В марте этого года отмечаются сразу две годовщины, так или иначе связанные с перестройкой: 25 лет назад — 11 марта 1985 года — Горбачев был избран Генеральным секретарем ЦК КПСС и 20 лет назад — 15 марта 1990 года — он был избран первым, и как потом выяснилось, последним президентом СССР.

Наше понимание и оценка любого исторического события или комплекса событий постоянно меняется по мере отдаления этого события во времени и в зависимости от масштаба его последствий. Захват власти большевиками в ноябре 1917 г. в свое время вполне мог показаться всего лишь эпизодом в вызванной Февральской революцией смуте. Затем он превратился в Великую Октябрьскую Социалистическую Революцию и «начало новой эры в истории человечества». Сейчас он стал «октябрьским переворотом», вырвавшим Россию из общемирового развития и задержавшим ее модернизацию. Пройдут годы и в нем увидят что-то еще, о чем мы сейчас и не подозреваем. Также переосмыслится и будет вновь и вновь переосмысляться перестройка.

От перестройки до модернизации

Перестройка — всемирное историческое явление, принадлежащее отнюдь не только российской исто-

рии. И именно ее общемировое значение наиболее бесспорно и вряд ли подвергнется пересмотру при любом повороте истории. Оно было очевидно уже в 1990 г., очевидно в 2010 и будет очевидно в 2110 г. Перестройка ликвидировала мировую тоталитарную систему, освободила десятки народов и предотвратила угрозу ядерной войны. Это было именно то, к чему стремился Горбачев, хотя произошло это и не так, как он хотел. Однако никогда ничего не происходит в точности так, как нами задумано, и всемирные освободительные задачи перестройки можно считать в значительной мере реализованными. Но, как это ни парадоксально, наименее очевидно значение перестройки, если смотреть на нее с современных позиций, в контексте российской политической истории.

За истекшую четверть века Россия прошла или почти прошла целый цикл развития. Мы прошли через срыв перестройки в антикоммунистическую революцию, распад СССР, за преобразование и сохранение единства которого Горбачев боролся «до последнего», и приход к власти «демократов» во главе с Ельциным, что означало конец поступательного развития ко все большей свободе и начало движения в противоположном направлении. Демократия, которая казалась уже наступившей в 1991 г., когда в еще советской России произошли первые действительно честные и альтернативные выборы, принесшие победу Ельцину, стала отступать, пока

вновь не скрылась за горизонтом, и первые реальные выборы президента оказались последними.

Мы прошли через установление в России камуфлируемой правовыми и демократическими формами системы личной власти «безальтернативных» президентов, все эффективнее контролировавших политическую жизнь страны и все менее зависимых от общества. Мы прошли через расцвет этой системы при Путине, когда она все отчетливее стала напоминать доперестроечную советскую систему, и когда Россия оказалась на волосок от возвращения однопартийности и пожизненной власти главы государства. И сейчас мы присутствуем при робких попытках нащупать выход из нашей быстро перешедшей из этапа расцвета в этап стагнации постперестроечной системы, несколько напоминающих первые шаги Горбачева. Теперешний медведевский термин «модернизация» является очевидным функциональным аналогом раннегорбачевскому «ускорению». Какой же свет это развитие проливает на перестройку?

При всем богатстве выбора...

Самый важный вывод – про общество. Российское общество эпохи позднего Горбачева было вполне подготовлено к антикоммунистической революции под демократическими лозунгами. Но к переходу к реальной демократии, к системе, основанной на борьбе разных политических сил в рамках конституции и

ротации этих сил у власти, оно было совершенно не готово. И не готовы были не только «темные народные массы», но прежде всего – сами демократы, лидер которых пришел в 1991 года к власти, и которые поддерживали все действия этого лидера, включая и очевидно преступные (например, переворот 1993 года, больше известный как расстрел Белого дома), направленные на превращение его власти в безальтернативную и неограниченную. Уровень свободы, достигнутый к концу перестройки, превышал психологические и культурные возможности нашего общества, и отступление было неизбежно.

Разумеется, теперешняя «ельцинско-путинская» система была не единственно возможным исходом перестройки. В зависимости от множества не поддающихся учету случайных и субъективных факторов исходы могли быть разными. Но при любом из этих альтернативных исходов возможность прямого перехода к демократии по образцу центральноевропейских стран «не просматривается». Горбачев мог сохранить власть и на какое-то время отсрочить распад СССР, но только ценой отказа от дальнейшего движения к демократии и превращения своей власти в авторитарную.

А если бы во главе демократов оказался бы не Ельцин, а, скажем, Собчак, то различия были бы чисто стилистические. Ельцинско-путинская система была

очень естественным исходом перестроечного развития, и альтернативные исходы принципиально от нее не отличались бы. Воспользоваться предоставленной Горбачевым свободой, как ей воспользовались более исторически и культурно подготовленные к демократии народы, мы не могли. И как попытка прямого перехода российского общества от тоталитаризма к демократии перестройка была обречена на поражение.

Демократия for ever!

Но это – не единственный вывод в отношении перестройки, вытекающий из нашего постперестроечного опыта. Второй вывод заключается в том, что хотя демократический идеал перестройки и не мог быть реализован, он был и остается единственно возможным. На протяжении всей постсоветской и постперестроечной эволюции, ведшей в направлении, прямо противоположном направлению развития горбачевской эпохи, и к восстановлению многих черт советской системы, не было никакой серьезной попытки найти какое-то идейное обоснование этой эволюции и возникшего из нее авторитарного режима.

Вся эта эволюция камуфлировалась в демократические формы и сопровождалась демократической фразеологией. Единственное, что могли придумать кремлевские идеологи, чтобы хотя бы как-то обозначить возникшую систему, – это термин «суверенная

демократия» (аналог и по своей бессмысленности и по своей функции «реальному социализму» эпохи застоя).

Когда Ельцин говорил о демократии, было ясно, что ради власти он может принять любую идеологию. Путин говорил о демократии не так много, а все больше о порядке. Медведев вновь ясно и убежденно провозглашает демократический идеал (хотя в действия свои убеждения переводить не спешит). Получается, что нереализованному перестроечному идеалу нет никакой альтернативы. Этот идеал — норма, следовать которой не получается, но отказаться от которой и заменить ее другой невозможно — другой просто нет.

В кругу втором

А из этого вытекает еще один важный вывод.

Если попытка перейти к демократии в горбачевское время не удалась, и более того, как мы сейчас ясно видим, она и не могла удалась, а никакого другого идеала и другой нормы нет и не предвидится, значит, предстоит новая попытка их воплощения в жизнь.

Ее будет осуществлять несколько более подготовленное общество, уже адаптировавшееся к тому уровню свободы, который сохранился с горбачевского времени (меньшему, чем уровень конца перестройки, но большему, чем доперестроечный) и даже

закрепился постперестроечным развитием. Надо надеяться, что мы чему-то научились и не будем, как в 1991 году, путать победу демократии с утверждением власти людей, называющих себя демократами, а у «архитекторов» новой перестройки будет меньше, чем у Горбачева, иллюзий и наивной веры в «разум народа».

У новой попытки будет больше шансов на успех. Однако все равно это будет трудное и рискованное дело, и гарантий успеха нет. Но если даже допустить возможность нового провала, это будет значить только то, что предстоит еще одна попытка. «Успокоиться» общество сможет лишь тогда, когда станет демократическим, как «успокоились» от революций, «революционных перестроек» и междоусобиц современные развитые демократические страны.

Перестройка, начавшаяся 25 лет назад, была великим прорывом к свободе, по своему значению не меньшим, чем великая французская революция 1789 г. Но если судить об этой революции с позиций двадцатипятилетия с ее начала, то есть из 1814 г., можно было бы сказать, что поражение ее очевидно. И хотя полного возвращения к дореволюционным порядкам не произошло, и вернувшиеся во Францию Бурбоны правят при конституции с очень ограниченными демократическими правами, но к 1830 г. уже почти восстановился абсолютизм. И в этом же году происходит

новая революция. Франции пришлось пройти очень долгий и трудный путь, через серию побед и поражений демократии, чтобы опережавшие свое время и превышавшие возможности французского общества 1789 года идеалы революции были претворены в жизнь. И нам предстоит еще много и всякого, пока демократический идеал перестройки станет реальностью. Но раньше или позже, перестройку предстоит довести до конца.

Профиль №8. 8.03.2010.

ХОРОШИЙ СЦЕНАРИЙ

Любой нормальный и ответственный человек, понимающий необходимость перехода нашей страны к демократии, всегда будет сторонником мирного и планомерного перехода «сверху», а не катастрофы и нового погружения в революционный хаос, из которого может выкристаллизоваться демократия, а может и новый авторитаризм. Я совершенно не уверен, что Россия «исчерпала свой лимит на революции в XX веке», но то, что лучше обойтись без них — очевидно. Беда в том, что представить себе мирный и планомерный переход «сверху» от имитационно-демократической системы нашего типа к реальной демократии — очень трудно. Значительно труднее, чем распад системы и новый революционный хаос.

И главная трудность — в том, что переход к реальной демократии по сути своей неотделим от прихода к власти не того, кто уже у власти, или кто назначен преемником обладающим властью лицом. Он неотделим от поражения власти. Но психологически невозможно сознательно планировать и готовить собственное поражение. Планировать и готовить можно только успехи и победы. Поэтому примеров насильственного или полунасильственного (всякие «бархатные» и «цветные» революции) падения однотипных с нашей систем — много десятков, а примеров планомерного перехода от такой системы к демократии я лично не знаю.

Однако в России произошло ряд относительно случайных, но очень важных событий, которые несколько изменили характер режима и траекторию его развития. Теперешняя Россия с ее «танемом» – не типичная имитационно-демократическая авторитарная система. Типичные – это назарбаевский Казахстан или лугашенковская Белоруссия. В нашей системе появились новые и очень своеобразные элементы, которые, как мне представляются, открывают некоторые пока что, правда, достаточно смутные возможности ее более или менее планомерной демократической трансформации в обозримом будущем.

Первым таким событием был уход Ельцина, произошедший в результате действия совершенно внесистемного фактора — его болезней. Этот уход избавил систему от возможности опасного кризиса в случае его внезапной смерти и укрепил ее. И одновременно он несколько «деперсонализировал» власть и создал важный прецедент. Все же это был первый случай добровольного ухода правителя в соответствии с конституцией во всех однотипных с нашей постсоветских системах (и первый такой случай во всей русской истории).

Случайно возникший прецедент мог не сыграть практически никакой роли и мог быть закреплен. Уход Путина, не связанный, в отличие от ельцинского, с особыми личными обстоятельствами, и являвшийся сознательным и добровольным самоограничением власти, закрепил его. Власть стала отделяться от лич-

ности правителя и становится ограниченной во времени.

Правда, уход Путина – «полууход». Окончательного отделения власти от личности еще не произошло. Возникла странная ситуация тандема, которая не может продолжаться до бесконечности и в любом случае закончится в 2012 г. В этом году мы пройдем важную историческую развилку. И в зависимости от того, как она будет пройдена, пока что абсолютно теоретические возможности демократической трансформации или закроются, или наоборот, станут более реальными, откроется возможность «хорошего сценария».

Хороший сценарий начинается с «избрания» (естественно, это будет псевдоизбрание) в 2012 г. Медведева, а не Путина. Я против демонизации Путина, который никак не создатель нашей системы, а правитель, подчинявшийся логике этой уже сформировавшейся системы. (Среди тех, кто сейчас подписывает призывы к его отставке, есть люди, сыгравшие в создании этой системы значительно большую и более «творческую» роль, чем он). У Путина есть большая заслуга «перед Отечеством» – его добровольный уход. И либерального Медведева избрал в преемники он. Нельзя же вообразить, что Путин не знал его взглядов и был поражен, когда его старый друг сказал, что свобода – лучше, чем несвобода. Да и в ситуации тандема есть не только негативные (скованность власти), но и позитивные аспекты (деперсонализация власти, освобождение элиты от безусловной зависимости от одного

лица, возникновение в ней течений, «протопартий»). С другой стороны, медведевский либерализм сам по себе значит не так много – в конце концов Ельцин был у нас главным демократом, что никак не мешало ему построить унаследованный Путиным авторитарный режим. Дело не в том, что Путин – «авторитарный кагэбэшник», а Медведев – интеллигент и либерал. Дело в другом.

Возвращение к власти Путина перечеркнуло бы возникшие прецеденты. Оно означало бы, что власть остается персоналистской, неформальной и неограниченной, а медведевский эпизод был избранием калифа на час или Симеона Бекбулатовича, что иногда практиковалось разными самодержцами в основном для обмана «злых сил». Наоборот, избрание Медведева означало бы окончательную деперсонализацию власти и ее ограничение во времени. Третий медведевский срок становится уже практически невозможен.

Если в 2012 г. будет «избран» Медведев, то он окажется в ситуации, весьма отличной от ситуации его предшественников и не такой уж далекой от ситуации главы правового государства. Власть его будет колоссальна и прочна (прочнее если не путинской, то, безусловно, ельцинской). И вместе с тем жестко ограничена во времени. Ельцин об уходе стал думать только в связи с болезнью. Путин думал и принял трудное решение. Медведев же будет с самого начала знать, что шесть лет правления ему гарантированы, но в 2018 г. он уходит. И эта ограниченность медведевской власти

во времени сделает его, как это ни парадоксально, значительно более свободным, чем его предшественники.

Она освободит его от необходимости бороться за сохранение и укрепление своей власти в течение этого срока – от того, что занимало все силы Ельцина и большую часть сил Путина. У него освобождаются руки для иных дел, прежде всего, для проведения столь дорогих ему правовых реформ. И за шесть лет гарантированной власти можно сделать очень много. Можно даже подготовить страну к честным и альтернативным президентским выборам в 2018 г.

Допустить честные выборы в 2018 г., не пытаться использовать свой «административный ресурс», чтобы передать власть своему человеку, все равно будет для президента очень трудно. Для преодоления «искуса» нужна будет очень сильная мотивация. Но все же это — не невозможно, ибо сам Медведев кандидатом уже не будет. Бороться против себя, стремиться сковывать сам себя и ограничивать свои возможности человек не может, но воздержаться от навязывания желательного преемника квазизаконными и просто незаконными способами хотя и трудно, но все-таки можно.

Демократические взгляды Медведева будут подталкивать его в этом направлении, создавая необходимую мотивацию. А страха, что приход к власти не «своего» может означать начало его травли и разоблачений разных «темных» эпизодов его правления, у него вполне может и не быть – пока ничего такого за ним не числится, и в той ситуации, в которой он

находится, таких эпизодов вполне может и не возникнуть. В этом отношении Медведев также может оказаться свободнее своих предшественников – свободнее от страхов.

Достижение в 2018 г. реальных альтернативных выборов было бы самым важным «национальным проектом» и самым решительным шагом на пути пресловутой «модернизации». Это – труднейшая задача, и обрисованный выше «хороший сценарий» — не более чем теоретическая возможность, шансов на реализацию которой – не так уж много. Но все же они есть.

В нашей теперешней системе роль общества при принятии важных решений минимальна. В 2012 г. все решат два человека и нас спрашивать не будут. Но даже сейчас какие-то импульсы от общества к власти передаются. А если начнет разворачиваться «хороший сценарий», роль общества будет становиться все больше. Как в эпоху перестройки, перед обществом открываются большие возможности. В перестройку мы их упустили. Остается надеяться, что общество 2012-2018 гг. будет более зрелым и умным, чем общество 1985-1991 гг. и не испортит вырисовывающийся сценарий.

Независимая газета 5.04. 2010

ПЛОХОЙ СЦЕНАРИЙ

В условиях загнивающих авторитарных режимов людей охватывает тоска, отчаяние и отвращение. В яркой форме это – чувства «критически мыслящего меньшинства», но в той или иной степени и выражаясь в разных идеологических формах они постепенно распространяются в очень широких слоях. Они прячутся за конформизмом и цинизмом и разъедают режим изнутри. Так было при позднем царском режиме. Так было при поздней советской власти. И схожие чувства стали формироваться при путинской «стабилизации».

Чувство безнадежности усиливается именно тогда, когда ненавистные режимы уже пережили свое «акмэ» и их жизненный цикл приближается к концу. Это – как бы признак начала конца, чувство безысходности – признак того, что исход близок. А в самом конце предреволюционные чувства безнадежности и отвращения естественно переходят в революционное нетерпение и стремление уничтожить все, связанное с «проклятым прошлым». «Депрессивная» стадия переходит в «маниакальную». Но чем разрушительнее маниакальная стадия, тем глубже и дольше будет новая депрессивная.

Этот цикл чувств – психологический компонент наших циклов политического развития, которые каждый раз вели к срыву открывавшихся возможностей постепенного перехода к демократии, превращению провоз-

глашенной в не готовом к ней обществе демократии в анархию и возвращению авторитаризма. Это – цикл чувств, соответствующий неготовности общества к жизни в правовой демократической системе. Революции у нас оказывались механизмом возвращения к авторитаризму и задержки движения к демократии (если использовать термин наивной горбачевской эпохи, они были «механизмами торможения»).

В начале XIX века, если судить по литературе и искусству, чувства отвращения и безнадежности были лишь в зародыше. А когда произошли «великие реформы», и мы были не так уж далеки от конституции, самым честным и бескорыстным представителям русской интеллигенции казалось, что все безысходно, и единственная надежда – на убийство государя императора. А свергнутое в феврале 1917 года самодержавие уже и самодержавием-то не было. И может быть, единственным (конечно, совершенно «теоретическим») шансом на дальнейшее демократическое развитие России в тот период было именно сохранение ненавистной монархии, которую всем так хотелось свергнуть и за которую не выступил ни один генерал.

В советском цикле чувства тоски и отвращения также стали доминировать, когда режим был уже совсем не кровавым, жизненный уровень был приличным и когда мы были не далеки от перестройки. А в ходе перестройки громадное число людей были убеждены, что если Горбачев не проклял Ленина и Октябрьскую

революцию и не провозгласил капитализм, значит, ничего не изменилось. И опять-таки, если у нас был в то время шанс прямого, без погружения в новый авторитарный цикл, перехода к демократии, он скорее всего мог быть связан лишь с сохранением «перестроенной» советской власти лет еще хотя бы на пять – десять. Но все старались поскорее добить еле живого старика, мстя ему за свои страхи и чувство безнадежности и за свой конформизм.

Сейчас мы в третьем цикле. В нем все намного мягче и все намного быстрее. Акмэ постсоветского авторитаризма, очевидно, уже пройдено. «Восходящее» движение ко все большему контролю власти над обществом прекратилось. Обратное движение еще не началось, но уже наметилось. Провозглашена «модернизация» – функциональный аналог раннегорбачевского «ускорения». Очевидно, даже у Путина к концу правления возникло ощущение бесперспективности дальнейшего подавления общества, а Медведев ясно провозглашает свой демократический идеал. И хотя вполне можно сомневаться в его способности воплотить этот идеал в жизнь, сомневаться в его искренности оснований нет.

Кажется, все, кто хочет видеть в будущем демократическую Россию, должны радоваться тому, что идеал президента совпадает с их собственным. Но особой радости не заметно – «Если он – не марионетка, то почему он до сих пор не прогнал Путина

(то есть почему он не предал друга, которому обязан властью), не разогнал «Единую Россию» и не приказал немедленно оправдать Ходорковского»? Еще и перестройки-то нет, а чувства и настроения, сорвавшие перестроечную попытку перехода к демократии и вытолкнувшие наше общество в новый авторитарный цикл, уже налицо.

Демократия – норма нашего времени и «энтелехия» развития современных недемократических стран. И то, что России предстоит в относительно обозримом будущем еще одна попытка перехода к реальной демократии (будет ли она связана с деятельностью Медведева или произойдет как-то иначе), мне представляется неоспоримым. И есть много оснований надеяться на ее успех. Задачи, которые встанут перед обществом, будут легче – СССР и социалистической экономики уже нет. В какой-то мере мы, несомненно, уже сейчас более подготовлены к демократии, чем в 1991 году. Поэтому я не думаю, что опасность, происходящая от революционного нетерпения, на этот раз будет так уж велика. Но все же она возникнет. И более того – исходя из всего нашего опыта можно сказать, что в этом и будет главная опасность.

Полностью избавиться от цикличности наших общественных настроений нельзя, да и не нужно. Как за судорожной общественной активностью конца 80-х – начала 90-х естественно следовали мертвенные нулевые годы, так за путинской «стабильностью» дол-

жен следовать новый всплеск эмоций и активности. И это очень хорошо, если только эти эмоции не будут уж слишком сильны, а активность – уж слишком судорожной, если они не будут, как в начале 90-х, «несовместимы с демократией». Но для этого, как мне представляется, естественная эволюция общества, создающая основы для новой попытки и для ее успеха, должна сопровождаться определенной интеллектуальной работой. Нельзя и не надо вообще избавиться от предстоящего всплеска эмоций, но эти эмоции можно и нужно будет контролировать разумом.

Прежде всего надо четко понять, что все наше постсоветское развитие – естественное раскрытие того, что было заложено в 1991 году. У нас ведь не было никаких «реакционных переворотов», Путин – прямой наследник «отца русской демократии» Ельцина и, более того, активно поддерживавшийся в период своего прихода к власти «правыми» из СПС, и путинские нулевые – прямое продолжение девяностых. «Путинизм» – такое же естественное следствие 1991 года, как сталинизм – 1917 года. И дело не в «темном народе», мешавшем интеллигентным демократам вести его к светлому будущему. Дело именно в демократах, в сознании которых стремление к власти и к символической компенсации полностью подменили реальное содержание демократии – ведь именно они пришли в 1991 году к власти и затем тщательно и последовательно затапывали все ростки демократии. Они мог-

ли как угодно клясть русскую авторитарную традицию и русскую косность (большевики в свое время кляли еще больше), но эти традиция и косность проявлялись прежде всего в их сознании и их активности. И если в результате кризиса теперешней системы к власти придут люди с психологией, моралью и кругозором демократов 1991 года, это будет означать, что все может повториться снова.

И это и есть самый плохой сценарий нашего развития. Он даже хуже, чем перспектива сохранения еще на какое-то время теперешней «имитационной демократии». Ибо имитационно-демократические системы – неустойчивы и недолговечны. Но циклы их разрушения и воссоздания могут быть очень длительными. И выйти из этих циклов, как говорит опыт многих стран, – значительно труднее, чем избавиться от какого-то конкретного авторитарного режима.

Независимая газета. 9.06.2010

ПОСЛЕДНЯЯ МОДЕРНИЗАЦИЯ

Политический лексикон всегда сложен. Термины в нем полны скрытых смыслов, далеких от их словарного значения и полностью не осознаваемых ни теми, кто их употребляет, ни их создателями. Термин в своем буквальном значении может быть совершенно нелепым и тавтологическим («народная демократия», «реальный социализм», «суверенная демократия»), но символизировать сложнейшие психологические и идеологические комплексы.

Медведевское (или раннемедведевское) время породило свой специфический термин со сложным и богатым значением – «модернизация». Чтобы разобраться в его значении, рассмотрим его сначала в теперешнем политическом контексте.

Этот контекст создает соперничество Путина и Медведева. Это соперничество они могут скрывать не только от других, но и от самих себя. Но какими бы искренними друзьями, соратниками и единомышленниками они ни были, ситуация бывшего президента, ставшего премьером, и нового президента, ограниченного во власти этим премьером, – ситуация объективно «конфликтогенная» и предполагающая взаимное раздражение и соперничество, естественно, раздуваемое формирующимися придворными «партиями». Ты можешь подавлять эти раздражение и соперничество, но они все равно будут вылезать наружу. И в этом сопер-

ничестве президента и премьер-министра термин «модернизация» политически очень выгоден нашему президенту.

Модернизация – нечто не слишком определенное, но очевидно хорошее, противоположность модернизации – застой и отсталость. Но кто решится сказать, что он – за отсталость и против модернизации? Даже РПЦ никогда такого не скажет. И если ты «захватил» этот термин, отождествил себя с ним, ты в какой-то мере разоружаешь тем самым реальных и потенциальных противников – они становятся «противниками модернизации», чуть ли не «сторонниками отсталости».

Одновременно термин «модернизация» очень мягко, осторожно и завуалированно бросает тень на ставшего премьером медведевского предшественника, как в свое время раннегорбачевский термин «ускорение» мягко и завуалированно бросал тень на горбачевских предшественников. Уже сам факт, что сейчас выдвигается задача модернизации, подразумевает, что раньше ее не было и, следовательно, в какой-то мере был «застой». И если один из участников тандема воплощает модернизацию, значит, другой воплощает нечто ей противоположное.

И действительно, какой-то специфической «модерности» в образе Путина нет. Путин очень национален. Его образ (речь идет именно об образе, а не человеке) – это образ деятельного и сурового единоличного правителя, «хозяина», которого боятся, который может (даже не может, а должен) казнить, но может и помиловать и иногда даже помочь простым людям. Это –

очень родной для русского народа образ, в который он «втискивал» реальные фигуры своих правителей – царей и генсеков, и в соответствии с которым эти правители «лепили» себя. Но это – очень традиционный, древний образ. Он может быть связан с образом преобразователя, модернизатора, но эта связь не обязательна. И как раз у Путина ее не было – деятельность Путина была связана с восстановлением традиционного для России авторитарного порядка, а не с каким-либо движением вперед, «модернизацией».

Между тем стремление быть передовыми, современными и зависть к этим передовым имманентны нам ничуть не меньше привычки к авторитарному порядку. При Путине общество как бы отдохнуло после смуты в родной атмосфере авторитарной власти. Но когда оно отдохнуло, ему начинает хотеться «чего-нибудь прогрессивного», а привычное начинает ощущаться как «застойное». Время начинает работать на лозунги типа «модернизация» и людей, их воплощающих.

Модернизация – мобилизующее, оптимистическое слово. Оно должно дать обществу ощущение перспективы, веру в свои силы и надежду на будущее. В теперешнем контексте лозунг модернизации может сыграть положительную роль и помочь нам сдвинуться с мертвой точки, в которую мы попали в путинское время, когда впереди виделось в самом лучшем случае лишь то, что уже было в прошлом.

Между тем если рассмотреть термин «модернизация» в более широком, чем теперешний, контексте,

оптимистическое звучание его может улетучиться, и он приобретает даже оттенок безнадежности. Это чувство безнадежности возникает, стоит только спросить себя, сколько у нас было модернизаций и когда они начались. Однозначный ответ дать трудно, но ясно, что было их много и начались они еще до Петра. Модернизация – очень старое русское занятие. Такое же старое, как наша отсталость, и неразрывно с ней связанное.

Авторитарная власть периодически замечала русскую отсталость и бросалась ее преодолевать. Наша власть всегда была сильной и могла преодолеть едва ли не любую конкретную отсталость, которую могла увидеть. Но, естественно, только ту, которую могла увидеть. А увидеть, что главная причина отсталости – в ней самой, она не могла. Не может же правитель сказать себе: «Вся беда в том, что никто меня не ограничивает и не контролирует». Наоборот, ему всегда кажется, что власти у него мало, что для модернизации косного русского общества, в котором он чуть ли не «единственный европеец», ее надо больше. Самые великие модернизационные рывки (петровский, советский) сопровождались максимальной концентрацией власти и удушением общества. И именно поэтому, преодолевая конкретные и частные отставания, наши модернизации лишь закрепляли наше общее отставание. Мы в чем-то догоняли и даже перегоняли свободные передовые общества. И на какое-то время мы успокаивались, погружаясь в очередную «застой». Но вскоре выяснялось, что то, в чем мы их догнали, уже вчерашний

день – что никому не нужно выплавлять столько стали и никому не нужны столько танков.

Наши технологические и символические (заимствование «передовых» слов, полиция вместо милиции) модернизации «сверху» не только не ликвидировали нашу отсталость, но были ее органической частью. Всю советскую историю мы что-то модернизировали, в чем-то догоняли и перегоняли других. За нанотехнологиями проглядывает что-то вроде электрификации или химизации сельского хозяйства или даже петровского развития металлургии и суконных фабрик. Поэтому бюрократию и не очень-то пугает лозунг модернизации – всю историю она только ей и занималась, и готова заниматься и впредь.

Медведев, несомненно, понимает всю безнадежность и даже «архаичность» технологических и символических модернизаций сверху. Он совершенно не хочет очередного удушения общества и говорит: «В XXI веке нашей стране вновь необходима всесторонняя модернизация, и это будет первый в нашей истории опыт модернизации, основанный на ценностях и институтах демократии». В медведевской «гибридной» модернизации есть и древнерусское «внедрение передовых технологий» и где-то на заднем плане новое – «ценности и институты демократии».

Медведев тактически прав, выставляя вперед привычную технологическую модернизацию, которая никому не страшна, и придерживая демократию, выход которой на первый план породил бы панику. Но вся ло-

гика нашей культуры и нашей системы будет действовать так, чтобы технология так и оставалась на переднем плане, а демократия была бы благим пожеланием или словесной завитушкой. Чтобы сломать эту логику, Медведеву нужны редкие качества – и бесстрашие, и готовность к самопожертвованию, и хитрость.

Но если медведевская модернизация все же сведется к нанотехнологии и Сколково, это будет означать, что в конце нашего века какой-нибудь президент, принявший власть из рук своего предшественника, снова будет говорить, что порядок мы, слава Богу, навели, вертикаль власти восстановлена и теперь надо приступить к всесторонней модернизации.

Мы отстали не потому, что у нас нет тех или иных технологий, а потому, что мы так никогда и не выбрали власть, не умеем этого и боимся. Именно в этом наше принципиальное отличие от передовых обществ, которые не проводили судорожных модернизационных кампаний, а просто естественно развивались в условиях свободного правопорядка. И если мы когда-нибудь будем жить в условиях свободного правопорядка, никаких особых модернизационных кампаний не нужно будет и нам. И дай Бог, чтобы это произошло и медведевская модернизация оказалась последней.

Независимая газета. 25.08.2010

2011

ПРЕДСТОЯЩИЙ ВЫБОР РОССИИ

В какой мере упоминание Медведевым Немцова, Касьянова, Каспарова и Лимонова как серьезных политиков и последовавший сразу же за этим арест Немцова и Лимонова на 15 суток (явно ни за что) являются отражением борьбы медведевской и путинской верхушечных «партий», и были ли эти аресты сознательным ответом «стойких путинистов» Медведеву, мы можем только гадать. Но то, что в этом эпизоде ярко отразилась борьба двух связанных с Путиным и Медведевым тенденций в нашей верхушке, двух разных, не артикулированных до конца, но ясно различимых политических «проектов», выбор между которыми предстоит сделать в ближайшее время, – очевидно.

Первая, путинская тенденция – инерционная. Для Путина и путинистов десятые годы должны быть прямым продолжением славных нулевых. Эти нулевые, в свою очередь, мыслятся отрицанием лихих девяностых, когда Россия была на грани гибели, от которой ее спас только Путин установлением своей властной вертикали. (О том, что Путин был приведен к власти Березовским и Ельциным, при этом как-то «забывается»). Самая страшная перспектива для Путина – это возвращение в политику людей, «ураганивших» в девяностые и вытолкнутых им за пределы «нормальной» политики в серую зону «полуподполья», вроде Немцова и вместе с ними духа девяностых. Путин

так говорит об этой перспективе: «Если мы позволим им это сделать, они отдельными миллиардами уже не ограничатся – всю Россию распродадут». (У Немцова миллиардов явно нет, а есть ли они у нашего премьера, никто не знает). Чтобы этого не произошло, необходимо сохранить, упрочить и, возможно, даже усилить достигнутый при Путине уровень контроля власти над публичным политическим процессом. С Немцовым и иже с ним надо не заигрывать, как Медведев, а пресекать их «на корню», пока не поздно. И поскольку речь идет о высшей ценности, о родине, которой грозит «распродажа», нельзя слишком заботиться о формальной законности, гуманности, «правах человека» и т.д. Высшая цель оправдывает средства. «Мочить» врагов России – тяжелый «крест» того, кто взял на себя задачу ее сохранения.

Что нас ждет, если эта политическая и идеологическая тенденция возобладает и в 2012 году вернется «ничего не забывший и ничему не научившийся» Путин? Очень многие представители властной верхушки вздохнут с облегчением, и первое время все будет спокойно. Но совершенно очевидно, что в конечном счете на этом пути нас ждет то же, чего уже дождались аналогичные путинскому киргизский, тунисский и египетский режимы и что ожидает Казахстан, Белоруссию, Сирию и много других подобных стран. Это революция, причем не мирная и «цветная», которой без каких-либо оснований совсем недавно так боя-

лись Путин и Сурков, не понимавшие, что «цветную революцию» еще надо заслужить, что она – для относительно либеральных и мягких правителей и режимов, а режимы с жесткой властной вертикалью ждут не «цветные», а настоящие революции. Задав оппозицию, засадившая в тюрьмы или отправившая в изгнание своих немцовых и лимоновых, утратившая обратные связи с обществом и погрузившаяся в иллюзорный мир власть раньше или позже будет сметена буйной и «неструктурированной» толпой вроде той, которую мы видим по телевидению в репортажах из Египта и Туниса и прообраз которой мы могли совсем недавно воочию видеть на Манежной. Толчки к возникновению таких толп могут быть самые разные и случайные, они всегда возникают неожиданно и непредсказуемо, к руководству ими могут прийти тоже разные и случайные демагоги, и пытаться вести переговоры с этими толпами бессмысленно – от них надо просто бежать, стараясь прихватить как можно больше нажитых непосильным президентским трудом миллионов. Вернувшегося к полной власти и продолжающего прежнюю политику Путина практически неизбежно ждет судьба Бакиева или Бен Али – я пишу это совершенно без злобы и искренне не желая ему этой судьбы.

Вторая, медведевская тенденция, пока едва обозначившаяся, связана с совершенно иным отношением к оппозиции. Медведев стремится оживить пред-

ставленную в Думе системную оппозицию и сделать системной ту оппозицию, которая была маргинализована и радикализована в путинскую эпоху и вхождение которой в Думу он, несомненно, приветствовал бы. Это предполагает совершенно иное отношение и к наследию девяностых как не только годам постреволюционного хаоса, нищеты и криминальной приватизации, но и годам живого общества, реальной политической жизни. Медведевские десятилетия должны, не возвращая нас к хаосу и нищете, вернуть реальную публичную политику, стать возвращением девяностых «на новом высшем этапе». Понимает ли Медведев, что усилившаяся оппозиция не удовлетворится местами в Думе и устремится к власти, и логическим завершением возвращения утраченной в нулевые свободы должно быть возвращение ситуации 1991 года, когда на действительно свободных президентских выборах победил кандидат оппозиции, сказать трудно. Но похоже, что понимает. В этой логике передача власти мирным и конституционным путем любому системному и вменяемому оппоненту (хоть тому же Немцову) – лучше, чем бегство от революционной толпы.

Оба пути, выбор между которыми предстоит сделать нашему тандему и нашей верхушке в целом в ближайшее время, ведут к концу российской имитационной демократии и нашей квазидинастии передающих друг другу власть президентов. Этот конец неизбежен. Обсуждать, произойдет он или нет, так же нелепо, как

и обсуждать, умрем мы или нет. Альтернативными и зависящими от наших усилий являются лишь его сроки, формы и последствия для отдельных людей и для страны в целом. От того, какая тенденция возобладает в ближайшее время, как разрешится альтернатива 2012 года и, если она разрешится в пользу Медведева, как он распорядится своей властью, зависит не конечная судьба режима, а будет ли его конец мирным или он будет настоящей революцией с непредсказуемым исходом.

Реальные интересы нашей верхушки совпадают с интересами общества. Выбор путинского варианта был бы самоубийственен для самого Путина и для теперешней верхушки и очень плох для страны, которая, конечно, не погибнет от революции, но потеряет силы и время. Однако люди чаще руководствуются не разумом и реальными интересами, а инстинктами и идеологическими иллюзиями. И история полна такими самоубийственными выборами правителей. Все свергнутые бакиева и бен али когда-то могли остановиться и пойти по иному пути. Они перестали бы быть президентами, но оставались бы уважаемыми и влиятельными политиками, и им не надо было бы бежать из страны. Но все они шли по пути, на который их толкали примитивные инстинкты и идеологический самообман. Все они убеждали себя, что их случай – особый, что народ их поддерживает, а оппозиция им – кучка безответственных демагогов, что все держится на них, и если

они уйдут – страна погибнет. Все они предпочитали тяжелому и неприятному пути спасения путь, который казался удобным и легким, но оказывался для них и их стран путем в ад. Поэтому шансов на то, что Путин и его приверженцы решат, что хватит либеральничать и что стране при Медведеве грозит страшная перспектива возвращения в политику ужасных немцовых, заставят психологически зависимого от своего собрата по тандему президента освободить место, и мы продолжим движение к катастрофе, довольно много.

Независимая газета. 1.02. 2011.

ПЕРЕСТРОИВШИЙ СЕБЯ И МИР

Оценки Горбачева и его деятельности в российском обществе противоречивы и неопределенны. Его личность и действия слишком противоречат архаичным и уже исчезающим у развитых народов, но еще очень глубоко укорененным в нашем сознании представлениям о «нормальном» правителе и политике.

Для архаического сознания власть, тем более высшая, – настолько великая, квазисакральная ценность, что действующие в обычной жизни моральные законы утрачивают силу, когда речь идет о ее завоевании, укреплении и расширении. В обычной жизни человек, который получал удовольствие от пыток и казней и убил своего сына, – монстр вроде Чикатило. Но об Иване Грозном народ слагал песни, и есть течение в Православной церкви, считающее его святым, а чудовищный истукан Петра Первого поставлен в Москве ее «демократическими» властями. В обычной жизни убийство мужа или отца – очевидное и страшное преступление. Но кто воспринимает как преступников Екатерину Вторую или Александра Первого? Если моральные оценки не действуют, когда речь идет о власти в государстве, то тем более они не действуют в отношениях между государствами. В архаическом сознании естественная и высшая задача государства и его правителя – расширяться, подчинять других, и чем более ты покорил, тем более ты – великий. Поэтому

кровавые создатели властных вертикалей и завоеватели Иван Грозный и Петр – «великие», а освободивший крестьян Александр Второй – не «великий», и в народном сознании его образ вообще отсутствует. В рамках этой древней и мощной системы представлений и критериев оценки Сталин – безусловно великий политик, ибо и его властная вертикаль была очень мощная, и империю он создал самую большую в мировой истории. В современной России эта система представлений ослаблена, но еще вполне жива и явственно видна и в опросах, и в действиях и стилистике постсоветской власти.

Каково же место Горбачева в рамках этой системы? В ее рамках Горбачеву вообще нет места. В системе оценок, в которой великие – Иван Грозный, Петр и Сталин, Горбачев не только «не великий», он – отрицательная величина.

Нельзя даже сказать, что он просто проиграл своим соперникам, ибо он сам создавал и культивировал этих соперников и сам «ослаблял» себя и ограничивал свои возможности. Нельзя сказать, что он «потерял империю» – он сам ее «распустил» (его борьба за сохранение «обновленного союза» не была борьбой за сохранение империи). Он не проиграл, играя в ту же игру, что и все, а делал все «наоборот» – играл в какую-то другую игру, для оценки которой в нашем сознании просто нет ясных критериев. Пытаясь оценить Горбачева в привычной нам системе оценок, мы уподобляемся тем, кто оценивал бы картины Пи-

кассо или Малевича с точки зрения: «Похоже или не похоже».

В русской истории место Горбачева уникально. У нас были не только «монстры», но и вполне «приличные» правители. Но не было правителя, который внес в саму политику нормальную человеческую мораль, который, как Горбачев, глубоко осознал и прочувствовал бы, что угнетать людей и народы не «может иметь опасные политические последствия» или «требует слишком больших затрат», а просто «нехорошо». Не было правителя, который сам, добровольно ограничивал и ослаблял бы свою власть, чтобы дать людям свободу. Не было правителей, которые сознательно разрушали бы империю, в которой они властвовали, чтобы дать свободу народам. Не было правителей, которые готовы были утратить власть и испытать унижения, но не отступить от взятых на себя моральных самоограничений. И этого внесения морали в политику было достаточно, чтобы произошел процесс распада аморальной системы. За шесть лет перестройки Горбачев разрушил тоталитарную систему и мирно освободил множество народов, на завоевание и подавление которых были потрачены даже не десятки, а сотни лет и бесчисленные человеческие жизни. Поэтому даже в системе представлений, в которой власть – самоцель и высшая ценность и в которой Сталин – великий, Горбачев – тоже велик, но как отрицательная величина. А в системе представлений, нормальных для современного развитого мира, Горбачев – просто великий

правитель и политик, может быть, самый великий в русской истории.

И поражение Горбачева может совершенно по-разному оцениваться в разных «системах координат». Поражения могло бы не произойти, и Горбачев мог бы править и сейчас, догоняя по продолжительности пребывания во власти Брежнева, Каддафи и Мубарака – если бы только он снял с себя моральные самоограничения, вернулся к «нормальным» аморальным правилам игры. Но тогда он перестал бы быть Горбачевым; именно это и было бы его поражением. И, наоборот, его проигрыш, утрата им власти были как бы естественным завершением его миссии. Конечно, такой утраты власти, какая произошла, он не хотел. Но вообще для правителя, который стремится привести свой народ к свободе, утрата власти, например, в результате наступления конца конституционного срока или даже поражения на выборах – естественный результат его усилий, доказательство того, что люди действительно стали свободны. То, что поражение в одной системе, победа в иной.

Освободительные результаты миссии Горбачева – грандиозны. Это – множество народов, ставших независимыми и создавших современные демократические общества. В России же (как и в большинстве постсоветских стран) результаты оказались более скромными. Для архаического российского сознания Горбачев был значительно впереди своего времени. Он раздражал и был непонятен и народу, и номенклатуре, и подавляющему большинству либеральной интелли-

генции. Напротив, его основной соперник Ельцин был совершенно понятен. Он соответствовал нашему «архетипу» борьбы за власть, в которой цель оправдывает средства. А его преемник уже сознательно настраивался на традиционный образ жестокого правителя, подавляющего несогласных, внушающего трепет слугам и заставляющего соседей бояться «поднимающейся с колен» России, своего рода «Сталина суперлайт».

Россия не смогла выдержать уровня демократии, который был достигнут при Горбачеве, когда на действительно свободных и честных выборах президента победил враг Горбачева. Ельцин повторения таких выборов уже не допустит, а затем выборы вообще превращаются в чистую фикцию. Мы создали систему, соответствующую нашему уровню человеческого развития и однотипную как с системами в большинстве других постсоветских стран, так и с теми системами, которые сейчас трещат и ломаются на Ближнем Востоке.

Но такие системы – не прочны. Такая система быстро деградирует, а общество развивается и вскоре перерастет ее, как переросли аналогичные системы арабские народы. Впереди – новая попытка перехода к демократии. Но, чтобы она удалась и не окончилась новым провалом, надо готовиться. Надо пересматривать прошлое и анализировать причины предыдущих провалов. И в этом анализе отношение к Горбачеву должно занимать центральное место.

Нам надо перестать гордиться тем, что осуждает современное моральное сознание, что безвозврат-

но утрачено и чем уже не гордятся развитые современные народы, – построенной на крови империей. Но у нас в прошлом есть и то, чем может гордиться современное демократическое сознание. Мы можем гордиться, что добровольно и мирно освободили десятки народов. Мы можем гордиться, что увели мир от порога ядерной войны и что наши идеи мира, свободного от угрозы войны, были радикальнее и смелее американских, и только сейчас Обама приходит к тому, к чему задолго до него пришел Горбачев, – идее мира без ядерного оружия. Мы можем гордиться, что пошли на объединение Германии, которого боялись и не хотели друзья и союзники ФРГ. У нас нет мощной либеральной исторической традиции, но у нас была перестройка. У нас был Сталин, но у нас же был и Антисталин – Горбачев, чья эпоха для традиционного сознания – эпоха распада и «крупнейшей геополитической катастрофы», а для нового демократического сознания – эпоха прорыва к свободе и действительно величия России.

Горбачев – основной объект гордости прошлым в будущей демократической России. Это – лучшее, что было в русской политической истории. Сейчас, когда Горбачеву 80 лет, это понимают больше людей, чем понимали, когда ему было 70 и 60. А когда со дня рождения Горбачева будет 100 и 120 лет, это, очевидно, будет общим местом.

Независимая газета. 1.03. 2011.

ПОЛИТИЧЕСКИЙ СВЯТОЙ

Академик Сахаров не был теоретиком и стратегом нашей антикоммунистической демократической революции — для антикоммунистической революции никаких особых теорий и не требовалось. Мироззренчески он эволюционировал, как громадное число интеллигентных советских людей, от либерального антисталинского прочтения марксизма-ленинизма через идею «конвергенции» к антикоммунизму и «буржуазному» демократизму. Эта эволюция ускори­лась в период его ссылки в Горький, но к моменту его смерти не дошла до своего логического предела: еще в 1989 году он требовал передачи земли крестьянам, фабрик — рабочим, а всей власти — Советам и до безоговорочного признания капитализма в качестве высшей цели так и не дошел. Как и у всех совершавших подобную эволюцию советских людей, у Сахарова не было никаких представлений, как может произойти переход от казавшейся несокрушимой тоталитарной системы к демократии.

Величие Сахарова было не в его политических идеях, а в его личности и жизни. Думать так, как думал Сахаров, могли многие — даже в Политбюро были люди, думавшие примерно то же самое. Но чтобы отказаться от богатой и спокойной жизни обласканного властью академика, трижды Героя Социалистического Труда, кующего «ядерный щит Родины» и разработа-

тивавшего увлекательные планы уничтожения США искусственным цунами, и без какой-либо надежды на успех вступить в борьбу с тоталитарной системой, требовались очень редкие качества. Для этого надо было быть не от мира сего, не прислушиваться к тому, что подсказывает «здравый смысл», и слушать лишь свой внутренний голос, то есть быть вылепленным из того материала, из которого в свое время были созданы раннехристианские мученики. В российском демократическом движении было не так уж много героев и святых. Но Сахаров был бесспорным и признанным во всем мире святым этого движения.

Не случайно освобожденный Горбачевым Сахаров сразу же оказывается в центре общественной жизни — в роли высшего морального авторитета и чуть ли не главного лидера демократов, которые все смелеют и радикализируются. Сахаров переходит от просто поддержки Горбачева к «условной поддержке» и затем к оппозиции. Сопоставимой с ним по масштабу фигуры не было, и авторитет Сахарова среди демократической интеллигенции был непрекаем.

Однако по мере того, как демократическое движение превращалось в реальную политическую силу, все яснее становились ограниченные возможности Сахарова как лидера. Сахаров не мог повести за собой широкие народные массы — психологически и культурно он был слишком далек от них. Так же далек он был от номенклатуры, нейтрализовать или

привлечь которую было необходимо для прихода демократов к власти и которая в условиях советской социальной мобильности культурно была ближе к народным низам, чем к интеллигентскому среднему слою. Те качества Сахарова, которые были достоинствами на начальном этапе движения, теперь становятся недостатками. Он был слишком доктринер и идеалист, слишком наивен и доверчив. Каждый, кто слышал выступления академика на съезде народных депутатов, понимал, что в роли главы претендующей на власть партии и тем более главы государства его просто нельзя представить.

Между тем у демократов появился лидер, способный привести их к победе и власти. Ельцин, в отличие от Сахарова, чья популярность была велика, но ограничена относительно узким интеллигентским слоем, мог получить поддержку в широких народных массах и мог договориться с номенклатурой. Доктринерскими и моральными соображениями Ельцин скован не был.

Начиналась «большая игра». Сахарову в этой «большой игре» места не было. Быть лидером на новом этапе движения он не мог, и в то же время он был слишком самостоятелен и слишком авторитетен не только в среде интеллигенции, но и во всем мире, чтобы стать сотрудником Ельцина, членом устремленной к победе, связанной дисциплиной и единым лидером команды. Непонятно даже, какую должность он мог бы занять.

Смерть вовремя

Смерть пришла к Сахарову относительно рано, в возрасте 68 лет, но если исходить из задачи победы демократов, она наступила очень вовремя. Для вступивших в борьбу за власть Ельцина и других политиков-реалистов из лагеря демократов был очень выгоден умерший Сахаров. Им очень пригодился Сахаров-икона, но был бы вреден живой Сахаров, реально участвующий в политике и «путающийся под ногами».

Но смерть не только избавила демократов от возникающей «проблемы Сахарова», но избавила и самого Сахарова от многих мучительных проблем. Приход к власти предводительствуемых Ельциным демократов мог произойти лишь ценой отказа от идеалистических принципов и утопических лозунгов раннего демократического движения. Сахарову предстояло или санкционировать эти трансформации и «забывать» вместе с другими о былом идеализме, или идти против течения и вступать в борьбу с друзьями и соратниками, исход которой был очевиден.

Смог бы Сахаров приветствовать Беловежские соглашения, которые покончили не только с «коммунистической империей», но и с любой перспективой перестройки «евразийского» пространства на основе права наций на самоопределение, как это предполагалось в сахаровском проекте Конституции? Смог бы он отказаться от этого права наций на самоопределение во имя «территориальной целостности России»? Смог

бы он легко и незаметно перейти от лозунга «Земля — крестьянам, фабрики — рабочим, вся власть — Советам!» к одобрению приватизации и кровавого разгона парламента? На эти и подобные вопросы хочется ответить: «Нет, не смог бы». Хотя мы знаем, что близкие к Сахарову люди проделали именно такую эволюцию, а его вдова Елена Боннэр в 1993 году прямо призывала Ельцина не волноваться из-за правовых вопросов и быть решительнее в борьбе с реакционными Советами. Однако близкие — это все-таки не сам Сахаров, и однозначного ответа на эти вопросы нет.

От Сахарова к Путину

Как бы то ни было, судьба избавила Сахарова от множества труднейших проблем и позволила ему уйти из жизни воплощением утопически-идеалистического аспекта нашей демократической революции. Победа демократов в конечном счете вела к становлению путинского режима, который Сахаров, безусловно, откасался бы признавать своим, хотя линия преемственности — Сахаров-Ельцин-Путин — исторически совершенно очевидна. Это та же преемственность и то же противоречие между ранними, идеалистическими формами различных протестных движений и тем, что получается, когда они приходят к власти, которые бесконечно повторялись в истории.

Ранний идеализм в окостеневшей, иконной, форме работает на возникшую систему. Сейчас проспект Са-

харова создает иллюзию, что дело Сахарова «в основном» победило. Но герои и мученики раннего этапа полезны власти лишь до тех пор, пока люди удовлетворяются иконно-житийными образами и не интересуются, какая реальность была за ними, что действительно думали и хотели ставшие иконами люди. Евангелие надо целовать, а не читать.

И сейчас торжественные чествования Сахарова — это часть системы ритуалов, освящающих нашу политическую систему. Чтение же Сахарова и размышление над тем, как так получилось, что у истоков движения стоял святой, а когда оно утвердилось у власти, главой государства стал Путин, для нашей власти совершенно не нужны. Между тем для понимания нашего положения и наших перспектив эти размышления необходимы и будут необходимы при следующей попытке перехода к демократии.

«Профиль» 16.05.2011.

Содержание

Еще десять лет (<i>П.Палажченко</i>)	3
2001	13
Наперегонки с апокалипсисом	14
Распад публичной политики	20
2002	26
На выход с вещанием	27
Железный занавес православия	33
«Единая Россия» родилась старой	39
Полет двуглавого орла	45
История выберет виновных	51
Приглашение к самоубийству	55
Кучме достался не тот народ	59
Мы живем в эпоху расцвета	63
2003	67
Символ новой России?	68
От безальтернативного президента к безальтернативному парламенту	71
Мотылек и свеча	75
2004	79
От Переяславской Рады к конфликту из-за Тузлы	80
Мнение общества о президентской власти	90
Удар в стену	94
Москву не ждут объятия ни на Востоке, ни на Западе	99
Любой путь ведет в катастрофе	106
Вожатые в «минисоцлагере»	110

2005	115
Нечистые политические силы.....	116
Черненко не за горами.....	121
Предохраняться бесполезно.....	126
Четвертая республика.....	130
«Исламисты» и «сионисты».....	135
Поддержка обреченных.....	139
Терроризм – смертельно опасная болезнь роста.....	143
Самое простое и самое трудное.....	147
Не все, не сразу и не для всех.....	152
2006	162
«Мы пугаем, а самим страшно».....	163
Уйти по-китайски.....	168
Генсек, которого могло не быть.....	177
Возвращение партии.....	189
«Холодная война» на просторах СНГ.....	200
Церковь одной партии.....	212
Судьбоносный выбор и его последствия.....	221
Президент Путин как русский Гамлет.....	231
Наши идеологические страдания.....	241
Ментальная карта империи.....	252
Мистерия неподсудности.....	258
2007	264
Апология имитации.....	265
Большие перемены в отсутствие перемен.....	275
Политика ушла в подполье.....	283
Поздний президент.....	293
Россия – не Казахстан?.....	302
Революционеры, диссиденты и демократы.....	312

2008	324
Предварительные итоги.....	325
Дилемма Медведева.....	335
Дилеммы и страдания либералов.....	345
Невозможное и неизбежное.....	356
Ющенко должен благодарить Лужкова.....	366
Импровизаторы у власти.....	374
Незаметная смена эпох.....	383
Корабль без руля, без ветрил и без пункта назначения ...	393
Идеология и психология «государственности».....	404
 2009	 414
Политика сиамских близнецов.....	415
Новый либерализм: сценарий с вариациями... ..	424
Анатомия «цветного бунта» в Кишинёве.....	433
Республиканец на троне.....	441
Консерватизм без либерализма.....	448
Люди, стили, эпохи.....	452
 2010	 456
Раб на галерах.....	457
«Процесс пошел»?.....	464
Хороший сценарий.....	472
Плохой сценарий.....	478
Последняя модернизация.....	484
 2011	 490
Предстоящий выбор России.....	491
Перестроивший себя и мир.....	497
Политический святой.....	503
Содержание.....	509

Дмитрий Фурман
Публицистика «нулевых»

Редактор — П.Р.Палажченко
Корректоры — С.Хорошкина, Н.Шишкарева
Дизайн и верстка — С.А.Касьянов

Подп. в печать 11.07.2011.
Усл. печ. л. 20,7. Печать офсетная.
Бумага офсетная №1.
Гарнитура «Times».
Формат 70x100/32.
Тираж 1500 экз. Зак. №4275

ООО «Издательство «Летний сад»
Книга отпечатана в ОАО «Типография «Новости»,
105005, Москва, ул. Фридриха Энгельса, 46.